

А.А. Немировский, П.Е. Прокопьева

**МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
ЭПОСА О ХАЛАНДИНЕ**

Москва

2017

УДК 930.24

ББК 63. 3(0)31

Немировский Александр Аркадьевич, Прокопьева Прасковья Егоровна.

Материалы для изучения эпоса о Халандине. – М., 2017.

Монография сводит воедино разновременные, иногда трудно-доступные публикации и ранее не публиковавшиеся записи верхне-колымских юкагирских преданий о Халандине, дополняя их рядом наблюдений и комментариев. Работа рассчитана на читателей, интересующихся культурой и историей юкагиров, фольклорными традициями и этнической историей Сибири и Дальнего Востока, архаическими эпосами. Печатается в авторской редакции.

Рецензенты:

д.ф.н. С.Ю. Неклюдов (РГГУ)

к.и.н. Л.Н. Жукова (ИГИИПМНС СО РАН)

н.с. В.И. Шадрин (ИГИИПМНС СО РАН)

ISBN 978-5-4465-1621-6

© Соавторы, 2017

ОТ АВТОРОВ

Исследования юкагирского фольклора в последние десятилетия активно развиваются¹, в научный оборот введено множество записанных в разное время текстов. К их числу относятся предания лесных (верхнеколымских) юкагиrow о Халандине (Халадыле; имя имеет несколько вариантов, см. ниже, с. 6 сл.) – герое борьбы с иноплеменниками, прочно закрепившемся в исторической памяти своего народа. Эти предания записывались начиная с 1890-х гг. по настоящее время (В.И. Иохельсоном, А.П. Лаптевым, Л.Н. Жуковой, О.С. Чернецовым, П.Е. Прокопьевой, И.А. Николаевой, З.А. Дмитриевой). Хотя в материалах В.И. Иохельсона есть всего один рассказ о Халандине [Иохельсон 1900 № 54] (записан в 1896 г.), следующая по времени запись относится уже к 1959 г. [ФЮВК 1989 2. № 50], а все прочие известные тексты записаны после 1985 г., по их многочисленности и сравнительному содержанию видно, что речь идет о традиции, устойчиво и широко бытовавшей уже в прошедшие столетия, и лишь в силу несистематичности сбора юкагирского фольклора эта традиция в течение первых 90 лет ее фиксации оказалась представлена всего двумя одиночными записями (1896 и 1959 гг.)².

Рассказы о Халандине крайне интересны, так как представляют собой целую группу различных сюжетов и вариантов, приближающихся по жан-

¹ Основные публикации материала и исследования: Матюшкин 1824; Иохельсон 1898б; Иохельсон 1900; Jochelson 1926 = Иохельсон 2005; Сказки народов Северо-Востока 1956: 249–264; Юкагиры 1975: 193–242; ФЮВК 1989 1–2; Жукова, Прокопьева 1991; Лунное лицо 1992; Хозяин земли 1994; Nikolaeva 1997; Nikolaeva 2000; Maslova 2001; Курилов 2005; Прокопьева 2005; ФЮ 2005; Бурыкин 2006; Курилов 2007; Жукова 2008; Иохельсон 2008; Прокопьева 2008; Прокопьева 2009а; Прокопьева 2009б; Заветный фольклор 2009; Жукова 2010; Шадрин 2010; Жукова 2011а; Жукова 2011б; Прокопьева 2011а; Прокопьева 2011б; Прокопьева 2011в; Жукова 2012а; Жукова 2012б; Прокопьева 2012а; Прокопьева 2012б; Прокопьева 2012в; Zhukova 2013; Прокопьева 2013; Жукова 2014а; Жукова 2014б; Прокопьева 2014; Zhukova 2014; Zhukova 2015; Жукова 2015; Прокопьева 2015а; Прокопьева 2015б; Прокопьева 2016а; Прокопьева 2016б.

² При этом, как обычно для фольклора, предания о Халандине могут и воспроизводить в настоящем времени формулировки, потерявшие актуальность еще два и более века назад (с. 62, прим. 64), и утрачивать еще недавно памятные и важные элементы (см. с. 44, прим. 42), и включать анахроничные для сюжета детали, вставленные в предания через века после их формирования, под впечатлением от новых исторических реалий (см., например, с. 27, прим. 20; с. 44, прим. 43; с. 62 сл., 72), и инкорпорировать элементы инокультурного фольклора (например, олень золотые рога в рассказе XI ниже, см. с. 58, прим. 61).

ру к богатырскому эпосу и говорящих об одном и том же герое. Можно думать, что цикл преданий о Халандине занимал в фольклорной традиции верхнеколымских юкагиров важное место, сравнимое с местом эпической традиции об Эдилвэе [ФЮ: 126–191] в культуре тундренных алазейско-нижнеколымских юкагиров³. Эти циклы сближаются некоторыми своими чертами и тематически: в обоих случаях речь идет о герое, отражавшем натиск пришельцев-иноплеменников, в обоих случаях большое внимание уделяется вопросу о том, каковы должны быть пределы этически оправданного насилия по отношению даже к чужакам и/или врагам⁴, и герой «своей» стороны может вызывать упреки и осуждение за нарушение этих пределов. Сама постановка вопроса о чрезмерном применении силы к чужеплеменникам и врагам и о необходимости соблюдать здесь определенные границы – весьма специфическая черта, свойственная лишь немногим эпическим традициям мира. Принимая во внимание, что предания об Эдилвэе и Халандине явно развивались независимо друг от друга (сюжеты у них совершенно разные, влияние одной группы преданий на другую или общие корни как будто не прослеживаются; сходные черты проявляются лишь в общих подходах сказителей и их аудитории к этическим вопросам и в том, какие этические и событийные коллизии привлекают наибольшее внимание), указанные черты сходства заставляют задуматься, не идет ли здесь речь об общих тенденциях юкагирских богатырских эпосов, предопределенных характером общеюкагирской культуры.

Предания о Халандине публиковались в разное время в разнородных изданиях (от академических работ до СМИ), нередко труднодоступных, а некоторые их записи до сих пор остаются неопубликованными. Представляется полезным поэтому свести все известные опубликованные и некоторые не публиковавшиеся рассказы о Халандине в одной (ре)публикации, снабдив их рядом комментариев. Этот свод представлен читателям ниже в качестве материала, удобного, как мы надеемся, для дальнейшего использования специалистами-юкагироведами и эпосоведами.

Из двенадцати приведенных ниже на русском языке текстов о Халандине два текста (I, VIa) имеют также юкагироязычные оригиналы (у текста I – опубликован, у текста VIa – нет), четыре текста (II – IV, XI) имеют параллельные юкагироязычные версии (у текстов II, III, IV – опубликованы, у текста XI – нет); еще один текст (VI) имеет опубликованный юкагирский перевод, выполненный носителем юкагирского языка и тра-

³ Термин «цикл» мы применяем к преданиям о Халандине лишь предваритель-но, с известной долей условности – весьма вероятно, что речь идет не о цикле преданий, а о вариантах одного предания, см. подробно с. 100–103.

⁴ В отношении преданий о Халандине см. об этом подробно ниже, с. 78–82, 87 слл.; в отношении эпоса об Эдилвэе см. [ФЮ: 167, 169, 177, 179, 181, 191], ср. [Немировский 2017].

диции (прим. 23). Все эти юкагиорязычные тексты принадлежат, разумеется, колымскому юкагирскому языку (он же – язык лесных юкагиров, происходящих от потомков верхнеколымских юкагиров-когимцев XVII в. и слившихся с ними групп). В настоящей работе они указываются, но не приводятся: академическое издание преданий о Халандине с параллельными юкагирскими текстами (подобно тому, как изданы сказания об Эдилвэе [ФЮ: 126–191, 465–475]) – дело будущего.

Приносим глубокую благодарность Л.Н. Жуковой за предоставление ряда записей для публикации, уточнение сведений об исполнителях и обсуждение ряда сюжетов.

*К ДАТИРОВКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЯДРА
ПРЕДАНИЙ О ХАЛАНДИНЕ*

Прежде чем перейти к самим текстам, необходимо привести общую краткую характеристику преданий о Халандине и возможную датировку событий, образующих их историческое ядро. Главное содержание преданий о Халандине – то, что в пору его жизни начались/продолжались набеги чужеземных врагов на верхнеколымских юкагиров (в подавляющем большинстве вариантов преданий, как и в надежно реконструируемой исходной их форме, эти враги – коряки, см. с. 61 сл.), и он сыграл решающую роль в их отражении и пресечении⁵.

Имя «Халандин» не имеет известной юкагирской этимологии. Вероятно, этим и объясняется многообразие вариантов этого имени в преданиях: Халандин, Халантин, Халанчин, Халадьил [=«Халаджил» в транскрипции В.И. Иохельсона, см. с. 20, прим. 15], Аландин, Алантин, Аланчин, – видимо, сами верхнеколымские юкагиры утратили представление о том,

⁵ У верхнеколымских юкагиров, особенно у их коркодонской группы, сохранились и не упоминающие Халандина предания о взаимоотношениях с коряками, в том числе о той же борьбе с набегами коряков и их прекращении [ср. Иохельсон 2008: 302–303]. Согласно традиции, передаваемой ясачненским юкагиром Н.И. Спиридоновым – Тэки Одулоком, «до прихода ламутов коряки укрепились в районе одулов на Шайдане, Коркодоне и Талбу. Иногда даже, миновав коркодонских юкагиров, они появлялись на верховьях р. Поповки и Ясачной» [Спиридонов 1930/1996: 15; Прокопьева 2011а]. П.Е. Прокопьева и А.Е. Прокопьева записали дошедший от коркодонских юкагиров рассказ о том, что в прошлом юкагиры воевали с коряками, но потом эти войны прекратились. «Он [коркодонский юкагир Н.Н. Дьячков] говорил: “Я тебя [информанта, потомка коркодонских юкагиров А.С. Шохина] когда-нибудь свожу на то место, где возьмешь стрелу, а она в руках рассыпается от старости”. <...> Чаше они, говорит, побеждали, коряки. Воинственные были, лучше воевали, оружия больше было, сами приходили, молодые все, здоровые, на оленях...»; затем, по рассказам коркодонских стариков в передаче А.С. Шохина, «войны [с коряками] не было, просто согласие обоюдное было. <...> Они что-то привозили свое, то, что мы не имели» [Прокопьева 2011а]. Законченное верхнеколымское юкагирское предание о трех первых нашествиях коряков, не упоминающее Халандина, дошло в составе рассказов Н.М. Лихачева о Халандине (см. ниже, с. 28 сл., 32 сл., 76 сл.). Некоторые другие верхнеколымские предания о борьбе с коряками: Жукова, Прокопьева 1991 № 14: 155–156 = Nikolaeva 1997 № 61: 61 ф., 132, пересказ в: Хозяин земли 1994: 84; Иохельсон 1900 № 51: 124–126, пересказ в: Хозяин земли 1994: 87 сл.; Иохельсон 1900 № 56: 138–139; Иохельсон 2005: 372 сл., пересказ в: Хозяин земли 1994: 85 сл.; набег коряков упоминается также в: Иохельсон 1900 № 65 [рассказ о Пакостнике]: 160–161. Нападение коряков как типичная угроза фигурирует даже в комическом сюжете о трех глупых братьях [ФЮ: 391], а в одном из юкагирских вариантов комического сюжета о женщине, обманувшей черта, вместо черта выступают коряки [Жукова, Прокопьева 1991. № 20: 158 сл.; ср. иной вариант в ФЮВК 1989 1: 74–77, где в этом месте фигурирует именно черт].

какое слово образует основу этого имени и что оно означает, и запоминали его просто как звукосочетание, а потому оно и получало при многократной передаче из уст в уста разные формы. Такое имя могло быть и чужезычным, заимствованным в юкагирский язык, и юкагирским, образованным от вышедшего из употребления и забытого слова или просто уже неясным. По словам В.Г. Шалугина (см. ниже, с. 53, X.14), Халандин – прозвище, вероятно, иноязычное, с возможным значением «грабитель, захватчик добычи», а истинное имя Халандина неизвестно (см. с. 53, прим. 50).

Подчеркнем, что невозможность этимологизировать то или иное имя по известным нам материалам юкагирского языка еще не означает, что это имя действительно не юкагироязычное: немалая доля юкагирских слов XVII – XVIII вв. попросту забыта и нам неизвестна. В свою очередь, если некое имя определено не принадлежит юкагирскому языку, это еще не говорит о том, что его носитель не является юкагиром, т.е. членом юкагирской территориально-родовой группы или его удержавшим этничность потомком. Во-первых, имена вообще часто заимствуются от иноэтничных соседей, и как раз юкагиры в этом смысле были весьма переимчивы: так, верхнеколымский юкагир XVII века Криворот Мотоков (см. с. 79, прим. 79) вошел и в русские документы того же века (где фиксировалось то имя, которым данный юкагир называл сам себя и которым его называли другие юкагиры), и в юкагирский фольклор именно под именем «Криворот», то есть под своим русским прозвищем, а его юкагирское имя не попало ни в документы, ни в фольклор. Во-вторых, в состав юкагиров неоднократно вливались представители разных этносов вместе со своими именами – и группами, и индивидуально (в последнем случае – как принятые в тот или иной юкагирский род в качестве брачных партнеров, или просто приселенцев, или в качестве пленных, потом включенных в этот род). Как бы то ни было, существование имени «Халандин» в каких-то его вариантах у верхнеколымских юкагиров удостоверяется русским учетом, по которому в 1811 г. некий «Аланчин» возглавлял Рыбников род верхнеколымских юкагиров⁶ [Гурвич 1966: 139; здесь это, впрочем, скорее фамилия на -ин, а не собственно имя].

Одни рассказы приурочивают деятельность Халандина к долине р. Мамота (Мамонтова, левый приток Ясачной), другие – к долине р. Омудевка (другой левый приток Ясачной), однако оба эти приурочения могут быть вторичными (см. подробно ниже, с. 93); по происхождению Халандина иногда относят к омонгонской группе верхнеколымских юкагиров (см. ниже, с. 92, 94 слл.), но и это может быть позднейшим домышлением.

⁶ Этот род обитал на р. Поповка/Ньяатпэн; «Рыбниковым» он назывался в русском переводе его родового самоназвания – *Анид-омок*, «Рыбий род», а территориальное его самоназвание было *ньяатпэн-ды*, «люди с реки Ньяатпэн».

Некоторые рассказчики сообщают примерные датировки жизни Халандина, но датировки эти совершенно разные (см. ниже, с. 29, прим. 22). По словам Н.М. Лихачева, Халандин действовал против коряков лет через шесть после войны юкагиров с коряками, имевшей место около «1860 г.» (V.5⁷), а по другому его сообщению, Халандин, вероятно, умер, когда он сам, Н.М. Лихачев, и его сверстники были детьми (VIa.6), что дает по сути ту же самую датировку жизни Халандина (Н.М. Лихачев родился в 1916 г., Халандин же, по ряду преданий, умер в глубочайшей старости, по X.16 он был крепок еще и в возрасте 80 лет; с учетом этого информация Н.М. Лихачева в VIa.6 задает время жизни Халандина примерно как 1830-е/1840-е – 1920-е гг., а это вполне совместимо с участием Халандина в борьбе с коряками в конце 1860-х гг. по сообщению Н.М. Лихачева в V.5). По В.Г. Шалугину, Халандин жил «лет 200 назад» (X.16), т.е. в конце XVIII в., но в другом своем рассказе тот же В.Г. Шалугин делает Халандина учеником Атыляхана (IX.1, 3, 5); вероятно, это упоминающийся в юкагирских преданиях Атыляхан, сын Табушкана (Таушкана), реального исторического лица, основателя верхнеколымского юкагирского рода *Чолъоро* (Заячьего/Ушканского; полное самоназвание *Чолъород-омок* «Заячий род»)». Табушкан приходился предком в 6-м колене князю верхнеколымских юкагиров исхода XIX в. [Иохельсон 1900: 90, прим. 22] и упоминался в русских документах как лицо, действовавшее в 1678 г. (еще как один из представителей Нартицына рода верхнеколымских юкагиров) и ок. 1700 г. (уже как «омолонский Таушкан», «омолонский Ушкан», глава собственного, т.е. Ушканского рода, выделившегося, как видно, из Нартицына) [Долгих 1960: 417, с прим. 219]. Тем самым время жизни

⁷ Здесь и ниже индексы вида «V.4» отсылают к соответствующим блокам внутри помещенных нами текстов преданий о Халандине, см. с. 19.

⁸ Сам рассказчик, В.Г. Шалугин, оговаривал, что не знает, кем был описываемый им Атыляхан, наставник Халандина, по племенной принадлежности (см. с. 44, прим. 43), и не приводил его семейно-родовых связей. Само по себе имя Атыляхан появлялось у верхнеколымских юкагиров и независимо от Атыляхана, сына Табушкана; так, Н.И. Спиридонов – Тэки Одулок упоминает, что такое же имя носил его отец: «Отца моего звали Атыляхан Иполун, он был юкагир из рода Чолгородие, то есть заячьих людей» [Тэки Одулок 1987: 19] (интересно, что *оба* названных Тэки Одулоком имени фигурируют в предании о взаимодействии Атыляхана, сына Табушкана, с пришедшими на Колыму русскими: один из юкагиров, сопровождавших этого Атыляхана к русским, именуется Иполло [Иохельсон 1900: 86]). Таким образом, категорической уверенности в том, что в сюжете, излагаемом В.Г. Шалугиным, подразумевался именно Атыляхан, сын Табушкана, нет. Однако некоторые соображения делают эту идентификацию наиболее вероятной (см. с. 106 слл.) и, независимо от этого, требуют считать, что незнание В.Г. Шалугиным племенной принадлежности героя его же рассказа – Атыляхана – было плодом разрушения традиции, а в исконной ее форме этот Атыляхан считался юкагиром.

Атыляхана, сына Табушкана, приходится на начало XVIII в., а Халандин как ученик Атыляхана (если это тот же Атыляхан, что весьма вероятно, см. прим. 8) оказался бы уже персонажем первой половины XVIII в. Однако в юкагирском верхнеколымском эпосе Табушкан и его сын Атыляхан оказываются современниками первого появления русских на Колыме и первого покорения верхнеколымских юкагиров русской власти [Иохельсон 1900 № 28: 82–83], а все эти события имели место в 1640-х гг., за полвека до активности реального Табушкана. Иными словами, эпическая память юкагиров удревнила Табушкана и Атыляхана более чем на полвека сравнительно с реальной историей, поместив их на время ок. 1640 г., так что если рассматривать вслед за В.Ш. Шалугиным Халандина как ученика Атыляхана, отождествлять последнего с Атыляханом, сыном Табушкана, и вместе с тем учитывать указанный перенос последних в юкагирской традиции к моменту прихода русских на Колыму, то Халандин окажется деятелем первых же десятилетий после этого прихода, т.е. фигурой уже третьей четверти XVII в.! При этом ни сам В.Г. Шалугин в других своих рассказах, ни иные рассказчики связи между Халандином и Атыляханом не упоминают.

Ясно, что все изложенные разноречащие датировки, извлекаемые из рассказов о Халандине (третья четверть XVII в. или первая половина XVIII в.; конец XVIII в.; третья четверть XIX в.) носят неустойчивый характер и не могут сами по себе внушать какого-либо доверия; все они просто отражают, каждая на свой лад, представление о том, что Халандин жил «когда-то давно» (ср. с. 29, прим. 22).

Попробуем, однако, определить датировку исторического ядра преданий о Халандине, исходя из его содержания. Повторим, что суть традиции о Халандине – это то, что в его время происходили масштабные нашествия врагов (коряков) на верхнеколымских юкагиров, а он с этими нашествиями покончил. При этом центральный эпизод противоборства Халандина с указанными врагами, являющийся главным элементом практически всех преданий о нем, – эпизод, когда Халандин убивает пришедшего убить его вражеского богатыря, – практически постоянно излагается с одним и тем же ключевым моментом: Халандин, притворяющийся неким иным человеком, курит трубку с табаком, просит у вражеского богатыря нож якобы для ее прочистки и убивает противника этим ножом (см. ниже, с. 61 слл.). Совершенно очевидно, что этот элемент фабулы принадлежал традиции о Халандине исконно, с самого момента ее формирования, а не был привнесен в нее позже, на какой-то новой стадии ее бытования, – иначе он не мог бы занять центрального положения практически во всех рассказах о Халандине, да еще и в почти неизменном виде. Между тем курение трубки, как и табак, юкагиры переняли у русских [Иохельсон 2005:

594]⁹. Таким образом, формирование традиции о Халандине состоялось уже после прихода русских и после того, как верхнеколымские юкагиры переняли у них трубки и табак, – то есть не ранее середины XVII в. В пределах второй половины XVII – XVIII вв. Халандин, соответственно, датируется в [ФЮБК 2: 77].

В середине XVII в. граница ареалов коряков и юкагиров-верхнеколымцев¹⁰ проходила от верхнего Балыгычана к району истоков Коркодона; далее на восток, на верхнем Омолоне и Пенжине, лежали уже земли юкагиров-ходынцев [Долгих 1960: 412, 431; карта] (см. нашу карту 1, с. 144, и с. 147 с прим. 106). Ареал оленных коряков-чавчуменов, простиравшийся от верхнего Балыгычана до верхнего Парня, реконструируется Б.О. Долгих как некое единство, граничившее на северо-западе (по выше-

⁹ Как лишний раз видно из того, что тот же В.И. Иохельсон не отмечает у юкагиров трубочного курения каких бы то ни было трав отдельно от табака: из всех растительных материалов: мха, трав, листьев, корней, – вообще используемых юкагирами, курят они – причем лишь с лечебными целями – только дикий чабрец, и только в смеси с табаком [Иохельсон 2005: 596 сл.]. Если бы юкагиры практиковали само по себе трубочное курение каких-то растений и до контакта с русскими, а от них переняли только табак, то курение растительных материалов применялось бы юкагирами и к концу XIX в. гораздо шире, – не только чабреца, не только в медицинских целях и не только в виде примеси к табаку. Тот же чабрец, теперь уже в чистом виде, без смешения с табаком, а также некую красную «корякскую траву» юкагиры использовали для вдыхания дыма от их сгорания совсем иначе: сжигали на угольях и вдыхали дым [Иохельсон 2005: 597]. Из сказанного нужно заключить, что само по себе вдыхание дыма от горящих или тлеющих растительных материалов юкагиры знали, но до прихода русских применяли для получения такого дыма не трубки, а лишь помещение растений на угли, трубки же узнали от русских вместе с табаком.

¹⁰ Родовым самоназванием племенного единства верхнеколымских юкагиров было *когимэ*, «вороньи люди» [Долгих 1960: 421, ФЮ: 14], территориальным – *онмунды*, «люди реки Онмун» = Колымы [Иохельсон 1898а: 257] (иной вариант, также записанный В.И. Иохельсоном – *Онмун омни* с тем же значением, – приведен со ссылкой на В.И. Иохельсона в [Долгих 1960: 420]. *Онмун*, вар. *Унмун* – основное именование Колымы у верхнеколымских юкагиров). Очевидно, именно название *онмунды* передано как «ононги» и «ононзи» в одном русском документе середины XVII в., где говорится о неких неясных «ононги» (чуть ниже в том же документе это название пишется как «ононзи»), обитающих южнее истоков Алазеи на Алазейском плоскогорье между Алазеей и Колымой [РГАДА. Ф. 1177. Оп.2. Ст.6. Л.19]. В русских источниках XVII в. верхнеколымское юкагирское племенное единство выступает и под другими именованиями: «верх-ковымские юкагиры» в документе с сообщением П. Новоселова и К. Ружникова [РГАДА. Ф. 1777. Оп. 2. Ст.6. Л.24; Долгих 1960: 420] и «верховские» (в противопоставление нижнеколымским омокам) юкагиры в челобитье Михаила Стадухина, Дмитрия Зыряна и др. [Полевой 1965; РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 650. Л.1–3]. Общие сведения об этом объединении, его территории и его границах с нижнеколымским объединением юкагиров-омоков см. в: [Долгих 1960: 409–423].

указанной линии) с юкагирами-верхнеколымцами, а на северо-востоке – с ходынцами. Набеги коряков, с которыми боролся Халандин, должны были быть устремлены от корякско-юкагирского рубежа к Колыме (карта 1)¹¹.

Как представляется, датировку этих событий можно уточнить: по разрозненным русским источникам создается впечатление, что в конце 1660-х – 1680-х гг. имела место вспышка экспансии коряков упомянутого выше и смежных приохотских ареалов, включавшая враждебные действия коряков именно в направлении Колымы и против верхнеколымских юкагиров, однако после 1690-х гг. такие набеги были существенно затруднены – приохотские коряки, смежные с бассейном Колымы, были довольно прочно объясачены. Приведем соответствующие данные:

1) В середине 1660-х на Омолоне при устье р. Барановой функционировало так называемое Чендонское зимовье, куда собирали ясак с юкагиров-ходынцев Омолона и Пенжины (верхнее течение последней наряду с другими реками, в том числе Гижигой, также называлось Чендон, по-юкагирски «верхняя река, верхнее течение реки»). Эти ходынцы периодически платили ясак в разных пунктах с 1650 г., и почти все это время коряки как будто в связанных с этим документах не упоминаются [см. Долгих 1960: 412 сл.]¹². В 1666 г. в Чендонское зимовье был переведен один из верхнеколымских юкагирских аманатов Верхнеколымского зимовья, и его род, а именно Нартицын, в 1666 и 1667 гг. платил под него ясак в Чендонское зимовье на Омолоне [Долгих 1960: 413, 423]. Это должно означать, что территориальной субгруппе юкагиров-верхнеколымцев, к которой относился этот аманат, т.е. Нартицыну роду, стало по каким-то недавно появившимся причинам неудобно платить ясак в Верхнеколымском зимовье, где Нартицын род делал это все предыдущие годы, – иными словами, пути от постоянной зоны его кочевания к Верхнеколымскому зимовью, по которым туда и прибывали плательщики ясака из этого рода, стали для них почему-то трудны и/или опасны, – и им дали возможность платить ясак в Чендонское зимовье на Омолоне, куда им стало теперь проще и безопаснее приходить. Вероятная причина подобной перемены могла состоять либо в том, что на путях из зоны кочевания Нартицына рода к Верхнеколымскому зимовью стали появляться какие-то враги, либо в смене самой его зоны кочевания (так что теперь последняя

¹¹ Не исключено, что эти набеги достигали даже левобережья средне-нижней Ясачной (а именно, Рассохи и Мамоты), см. с. 35, прим. 33.

¹² В утверждении, что осенью 1654 пенжинские коряки напали на омонских ходынцев – родичей князца Чекчоя [Зуев 2002: 205], вкралась неточность: нападение имело место, но Чекчой и его род обитали не на Омолоне, а где-то «за Камнем» от Анюя [ДАИ IV № 6. С.15], сам Чекчой был встречен и захвачен русскими «вверху Анюя реки на Камню» (очевидно, том же самом), причем от этого места до обитания рода Чекчоя было 2–4 дня пешего хода (см. в отписке Семена Дежнева от апреля 1655 г. [Самойлов 1945: 126]).

была намного ближе к Чендонскому зимовью, чем к Верхнеколымскому) – но на такие смены привычных мест обитания обычно и шли не по своей воле, а по необходимости, и одним из наиболее вероятных факторов создания такой необходимости были, опять-таки, набеги врагов. Запись в русском документе гласит, что в 1668 г. люди Нартицына рода – плательщики Чендонского зимовья уже не заплатили ясака, «потому что у них неясачные иноземцы коряки олени [=оленей] отгоняли и от [Чендонского] ясачного зимовья удалили [=заставили удалиться, так что те уже не могли приближаться к зимовью из страха перед коряками]» [Долгих 1960: 413, 423]. Таким образом, в 1667/1668 г. коряки нападали на верхнеколымских юкагиров, угоняли у них оленей и вторгались в их земли так глубоко и часто, что те не рисковали больше отправляться к Чендонскому зимовью на Омолоне. В свете этого весьма вероятно, что и те помехи или угрозы, которые к 1666 г. мешали обсуждаемой группе верхнеколымцев достигать Верхнеколымского зимовья, также были созданы набегами коряков. В 1668 г. аманаты и большая часть служилых Чендонского зимовья умерли от голода, а остаток служилых бросил зимовье и ушел на Колыму; через несколько лет новое Чендонское зимовье поставили уже на Пенжине, не пытаясь возвратиться на Омолон [Долгих 1960: 413]. И голод, и особенно забрасывание зимовья и отсутствие попыток занять его снова следует объяснять скорее частым появлением или постоянным присутствием в этом районе врагов (из-за чего юкагиры отошли далеко от зимовья, а люди из самого зимовья не рисковали делать дальние вылазки для добывания пищи), чем некими чисто природными факторами. Такими врагами в свете процитированного выше сообщения были бы, вероятнее всего, коряки.

2) Пенжинские коряки-чавчулены также оказывались активны. Осенью 1654 г. они успешно напали на ясачных ходынцев, живших при водоразделе Анюя и Пенжины [Долгих 1960: 432; ДАИ IV № 6. С.15; №7. С.22], те жаловались русским в Анадыре, и последние ходили на пенжинских коряков карательным походом. В начале 1670-х гг. на Пенжине, в земле пенжинских ходынцев и поселившейся при Пенжине группы чуванцев, поставили новое Чендонское зимовье, и сначала дела в нем шли беспрепятственно¹³, однако в 1673 г. приказчик пенжинского Чендонского зимовья Андрей Щипунов по каким-то причинам бросил его и ушел на Омолон; сменивший Щипунова Василий Бурлак, встретив его на Омолоне, вновь занял Чендонское зимовье на Пенжине, но в 1676 г. сам бросил его (оправдываясь впоследствии голодом) и с остатком людей ушел в Якутск, куда прибыл летом 1677 г. Из Якутска немедленно послали занять Чендонское зимовье Василия Пермяка, но в 1679 г.

¹³ «...те Юкагири при Андрее Щипунове на Пенжине сами к зимовью приходили и аманатов давали» [ДАИ VIII № 44:xviii. С.177]. Щипунов был приказчиком Чендонского зимовья на Пенжине до 1673 г.

посланный на Пенжину ему на смену Михаил Ворыпаев нашел и его отнюдь не на Пенжине, а на верхнем Омолоне; затем Ворыпаев пришел все же на Пенжину и поставил там еще одно, новое Чендонское зимовье на р. Часовишной [ДАИ VIII № 44:xviii и ДАИ VII № 23:ii]. Юкагиры избегали контакта с зимовьем и не платили ясак еще с 1673 г., и Ворыпаев также их не нашел. Зато Ворыпаев сразу же столкнулся на Пенжине с коряками, и в 1679–1680 г. воевал с ними, причем в 1680 г. коряки дважды нападали на само его зимовье [ДАИ VIII № 44:xviii. С.176; ср. Зуев 2002: 218]. В 1682 г., уже после Ворыпаева, очередной приказчик Чендонского зимовья вновь бросил его, теперь уже навсегда, причем после Андрея Щипунова (т.е. с 1673 г.) там так и не видели юкагиров, хотя и пытались их разыскивать, и не получали ясака [Долгих 1960: 413]. Складывается впечатление, что именно активность коряков была главной причиной, затруднявшей с 1673 г. русское присутствие на Пенжине, и одним из факторов (наряду с естественным желанием самих юкагиров уклоняться от выплаты ясака), приведших к отливу из этого района юкагиров.

3) Коряки юго-западной оконечности коряцкого приохотского ареала – района Сиглана и Ямы – резко активизировались в 1680-х гг. В 1684–1689 гг. они не раз атаковали смежных приохотских тунгусов-эвенов [Зуев 2002: 220–221, 223].

4) Зато в 1691–1696 гг. с Колымы, из Верхнеколымского зимовья, в землю пограничных приохотских коряков (на р. Вилигу и Тобон, т.е. вплоть до моря) было направлено несколько русских военных походов – предпоследний (1696 г.) кончился провалом, последний (в том же 1696 г.), под предводительством Дмитрия Потапова (уже ходившего сюда из Верхнеколымского зимовья в 1691 г. и далее) привел к прочному объясачиванию большого количества коряков, и позднее Потапов, возвращаясь отсюда, привез в Якутск «Книги зборные ясачные коряцкие земли» с перечнем собранного им с завоеванной территории ясака за 205–206 гг. (сент. 1696 – авг. 1698 гг.) [Полевой 1997 2: 63; Зуев 2002: 224, 227]. Пенжинские коряки были покорены, как известно, из Анадыря в 1696 – 1697 гг. [Зуев 2002: 227 сл.]. Таким образом, в 1696–1697 гг. коряки Приохотья прочно попали под русскую власть.

После этого положение приохотских коряков, судя по всей совокупности наших источников, было уже не таким, чтобы они могли совершать успешные набеги на Колыму; отныне их активность вне их коренных территорий в источниках как будто не упоминается. При этом вообще любые контакты коряков с юкагирами отражаются в источниках крайне редко – очевидно, потому, что они и были редкими [Вдовин 1973: 266–269]. На этом фоне то, что, с одной стороны, у нас имеются разрозненные данные о наступательной активности приохотских коряков в конце 1660-х – 1680-х гг. – в том числе непосредственно о нападении или нападениях их

на верхнеколымских юкагиров в конце 1660-х гг.! – а, с другой стороны, обстановка после 1696–1697 гг. была уже мало подходящей для таких нападений (и с этого момента коряки предстают в наших источниках или покоренными, или безуспешно восстающими и сопротивляющимися на своей собственной земле), – все это в совокупности позволяет с наибольшей вероятностью датировать время действия преданий о Халандине как герою борьбы верхнеколымских юкагиров с набегами коряков промежутком от середины 1660-х до конца 1670-х / 1680-х гг. (причем к числу этих набегов относится, вероятно, и тот, что был отмечен русским документом как налет коряков на Нартицын род в 1667/1668 г. [см. о нем выше, с. 12, и Долгих 1960: 413, 423]). То, что один из рассказов В.Г. Шалугина делает Халандина учеником Атыляхана (видимо, это Атыляхан, сын Табушкана, реально живший несколько позже, см. выше, с. 8 сл.) этой датировке на деле не противоречит, так как верхнеколымский юкагирский фольклор помещал самого Атыляхана, сына Табушкана, на 1640-е гг. (с. 9), так что его «ученик» и оказался бы деятелем 1660-х – 1680-х гг., а именно этим временем мы только что датировали Халандина по сообщениям о его борьбе с набегами коряков.

Второй устойчивый мотив преданий о Халандине – то, что он сам нападал на группы эвенов (т.е. восточных тунгусов – «ламутов» в источниках XVII в. и далее) и захватывал у них добычу. Характер реализации этого мотива в различных сказаниях привел нас к следующим выводам (см. подробно с. 78–89 ниже). На момент формирования эпоса о Халандине эвены были пришельцами, занявшими относительно недавно юкагирские земли и теперь обитавшими на них (хотя активная фаза самого эвенского нашествия уже закончилась¹⁴), так что действия Халандина против них не нуждались для сказителя в каком-либо дополнительном обосновании. Впоследствии, когда с момента эвенского расселения на земли, принадлежавшие до того юкагирам, прошло достаточно много времени, уже не заполненного эвенско-юкагирскими конфликтами, эвены стали восприниматься верхнеколымскими юкагирами как обычные соседи и симбиоты; между ними происходили и процессы двусторонней ассимиляции. В результате на каком-то этапе бытования традиции о Халандине атаки этого героя против эвенов оказались для очередных поколений верхнеколымских юкагирских сказителей, уже не воспринимавших эвенов как врагов, определенной проблемой. Разные сказители решали эту проблему по-разному: одни просто опускали нападения Халандина на эвенов; другие могли по-прежнему приводить их без комментариев; третьи рассказы-

¹⁴ Это видно из того, что и в реконструируемой нами исходной версии сказаний о Халандине, и в подавляющем большинстве наличных их вариантов эвены – просто чужаки, обитающие по соседству, но не наступающие на юкагирские земли и не нападающие на юкагиров.

вали о них, но уже не без нот упрека (или даже прямого осуждения) в адрес Халандина за неспровоцированные нападения на чужаков, не делавших юкагирам никакого упоминания в данном предании зла; четвертые примыслили, что те эвены, с которыми у Халандина по сюжету происходили столкновения, перед этим сами агрессивно нападали на юкагиров, так что выходило, что агрессоры в этих конфликтах именно соответствующие эвены, а не Халандин.

Сказанное вполне согласуется с предложенной выше датировкой формирования эпоса о Халандине 1660-ми – 1680-ми гг. В это время эвены действительно были относительно недавними пришельцами на юкагирских землях, занявшими их силой (см. карту 1 на с. 144 и пояснения к ней; расселение эвенов на некоторые юкагирские земли продолжалось и во второй половине XVII в. [Гурвич 1966: 267–268, 271]), в то время как XVIII – XIX вв. стали эпохой нарастающего смешения и симбиоза юкагиров и эвенов в самых разных регионах.

Согласно В.И. Иохельсону, еще в конце XIX в. верхнеколымские юкагирские предания, которые ему сообщали сами юкагиры, рассказывали «что юкагиры были отважными и беспощадными на полях сражений, что они преследовали тунгусов как диких зверей» [Иохельсон 2005: 87]; под тунгусами в данном случае имеются в виду именно восточные тунгусы, эвены-ламуты. Означает ли это, что во времена В.И. Иохельсона агрессивные действия героя эпоса против эвенов еще никаких затруднений у сказителей и аудитории вызывать не могли, и упомянутые выше видоизменения в восприятии вражды Халандина с эвенами произошли еще позже, т.е. уже в XX в.? Едва ли. Из текстов верхнеколымских преданий, которые приводит сам В.И. Иохельсон, становится ясно, на каком фоне возникло у него процитированное выше общее впечатление: в верхнеколымских юкагирских преданиях те ламуты, с которыми ведется вражда, не просто живут рядом, а приходят во множестве нашествиями, «как комары», и нападают на юкагиров [Иохельсон 1900 № 31: 94–97; № 52: 127–128]; именно в связи с этим юкагиры истребляют множество ламутов, отражая их атаки или разыскивая их на походе. Однако, согласно одному из этих преданий, юкагиры, отразив и устранив нападавших на них ламутов, вызвали с их стороны предложение мира и согласились на него. Обе стороны поклялись до конца времен не делать ничего плохого («острого») друг другу и не убивать друг друга. Эта клятва осталась нерушима: «С тех пор не убивают друг друга» [Иохельсон 1900 № 52: 127–128]. Таким образом, сообщения о вражде с ламутами и убийстве ламутов мыслились в юкагирских преданиях относящимися лишь к периоду отражения ламутских нашествий, до момента заключения вечного мира; мотив ожесточенной вражды с ламутами был связан в юкагирском фольклоре именно с отражением указанных ламутских на-

шествий, а не с представлениями о каких-либо неспровоцированных нападениях самих юкагигов на ламутов. Для таких нападений в доминирующей к концу XIX в. историко-эпической схеме верхнеколымских юкагигов (выясняющейся по материалам В.И. Иохельсона) как раз не остается места: до заключения вечного мира юкагиры отражают нашествия ламутов, а после него вражды нет вообще. Характерно, что в записанном В.И. Иохельсоном предании о Халандине (см. ниже, с. 20) его противник – именно богатырь-ламут и при этом не говорится, как именно Халандин оказался в конфликте с ламутами; но выступает этот ламут в точности в той сюжетной роли, в которой в подавляющем большинстве вариантов преданий о Халандине выступает богатырь чужеплеменников, совершающих на юкагигов систематические нашествия. Очевидно, и в записанном В.И. Иохельсоном предании борьба Халандина с ламутами мыслилась в контексте отражения нападений врагов (просто в роли таких врагов в данном рассказе выступали ламуты, а не коряки).

Итак, уже к концу XIX в. среди верхнеколымских юкагигов были распространены представления, по которым юкагиры убивали ламутов-эвенов, лишь борясь с их нашествиями, а не нападали на них неспровоцированно сами (общими историческими корнями этих представлений было то, что эвены действительно расселялись в XVI – XVII вв. по юкагирским территориям и занимали их). На этом фоне у сказителей действительно могли возникать затруднения с теми рассказами о нападениях Халандина на эвенов, где не приводилось никаких оснований для вражды к последним (так что указанные нападения начинали выглядеть как агрессия Халандина, которой эвены – его жертвы ничем на себя не навлекали).

В некоторых вариантах преданий о Халандине в роли его врагов могут выступать и чукчи (как союзники коряков или сами по себе, см. с. 61 слл.). Этот мотив в общем виде отражает события чукотских набегов и русско-чукотских войн с участием коряков и юкагигов (на русской стороне) в XVIII в. и раньше этого времени появиться в предании не мог (с. 62). Однако сравнительный анализ текстов о Халандине показывает (с. 61), что в традиции о нем само участие чукчей – позднейшее добавление (введенное, видимо, как раз под впечатлением от указанных событий XVIII в.), не имеющее отношения ко временам формирования этой традиции, а в исходном ее виде врагами Халандина, нападающими на юкагигов, были только коряки.

Рассказы о Халандине рисуют мир, почти лишенный железа (с. 108), и полностью лишенный огнестрельного оружия. Это задает надежные, но, к сожалению, очень широкие хронологические рамки для формирования сюжетов этих рассказов (вплоть до конца XVIII в.). Вероятно, почти столь же широкие рамки (не позже начала XVIII в.) задаются полным

отсутствием в рассказах о Халандине упоминаний русской администрации и военных сил и их участия в действиях против врагов, нападающих на юкагиров (русские вообще упоминаются в текстах о Халандине только один раз – в VII.5b, и не в качестве участников событий или представителей власти – речь просто идет о русских охотниках, оставивших в свое время охотничье строение-ловушку неподалеку от местожительства Халандина). Между тем уже в XVIII в. русский контроль над регионом был достаточно разветвлен и прочен, чтобы русская власть не осталась в стороне от борьбы с опустошительными набегами коряков на юкагиров, описываемыми в традиции о Халандине, а приняла в этой борьбе достаточно активное участие, которое едва ли оказалось бы совершенно забыто в названной традиции.

ТЕКСТЫ

В известных нам работах присутствует 9 публикаций сообщенных исполнителями преданий о Халандине: один рассказ от Н. Самсонова (1896 г.), один – от неизвестного информанта (1959 г.), остальные – 1980-х – 2000-х гг.: один от И.П. Долганова, четыре (с существенными различиями) – от Н.М. Лихачева, два (с существенными различиями) – от В.Г. Шалугина. Еще три текста: рассказы Н.М. Лихачева и А.В. Слепцовой, записанные П.Е. Прокопьевой в 2000-х гг., и рассказ Д.Г. Дьячкова, записанный Л.Н. Жуковой в 1987 г. (его пересказ был помещен в [Хозяин земли 1994: 81–83]), – впервые публикуются ниже. Существуют еще две неопубликованные записи текстов о Халандине (обе – авг. 1988 г.): рассказ М.С. Волковой, записанный П.Е. Прокопьевой, и еще один рассказ В.Г. Шалугина, записанный Л.Н. Жуковой (см. ниже, с. 23, комм. к рассказу II). Добавим, что в 1989 г. П.Е. Прокопьева записала рассказ коркодонского юкагира, знатока родного фольклора Н.Н. Дьячкова (1912 г.р.) на якутском языке о военных столкновениях юкагиров с иноплеменниками; в 2002 г. при помощи А.Е. Шадринной (1930 г.р.) этот рассказ был переведен на юкагирский и русский языки. В записи много неясных моментов, и публикация этого текста – дело будущего. Рассказ содержит ряд эпизодов, в том числе сюжет о юкагирском и чукотском богатырях, подобный сюжету о Халандине (имя юкагирского богатыря при этом звучит нечетко, и его нельзя разобрать, но это во всяком случае не Халандин / Халадыл). Юкагир здесь демонстрирует чукче (тот одет в железную одежду) свой длинный нож, наточенный с двух сторон. Враг удивляется тому, что его спутник носит такой острый нож, и говорит, что еще не видел такого. Юкагир просит чукчу («ты моложе меня») подать ему два тальника, чтобы поковыряться в зубах. Когда чукча поднял руку, чтобы срезать тальник, юкагир вонзает ему в подмышку – незащищенное место – нож. Текст содержит и еще один известный по сюжетам о Халандине мотив: герой говорит дочери, чтобы она, в случае если он вернется со спущенными вниз торбасами, отрезала поводья у четырех оленей своей «подруги», дочери богатыря-чукчи (отметим, что текст содержит много конкретики относительно численности людей, оленей), и привязала их к своим. Видимо, этот рассказ надо рассматривать как контаминацию или вариант предания о Халандине с выпадением или заменой имени героя.

Следует подчеркнуть, что один и тот же рассказчик может приводить в разное время существенно разные варианты преданий о Халандине (или с разными деталями излагать один и тот же сегмент фабулы).

При помещении опубликованных ранее текстов о Халандине мы оставляли комментарии и замечания первопубликаторов вместе с их

знаками выделения, так что ниже, на с. 20–60, восстановления в квадратных и круглых скобках (как и вообще весь текст, кроме лемм, текста в косых скобках и примечаний внизу страницы) принадлежат воспроизводимым нами публикациям, а леммы, текст в косых скобках и примечания внизу страницы – нам. В остальных частях настоящей работы текст в квадратных и круглых скобках также принадлежит нам.

Для удобства ссылок на те или иные части повествований мы выделяли в каждом тексте надстрочными индексами на сером фоне сюжетно-тематические сегменты. По этим индексам на соответствующие сегменты даются ссылки здесь и ниже, в том числе в наших комментариях (с. 61 и далее), помещенных после приведения всех текстов. Римская цифра в ссылке указывает номер текста в настоящей сводке, следующие за ней арабские цифры – номера сегментов согласно нашему выделению.

Заранее оговорим, в каких местах приведенных ниже рассказов содержатся следующие тематические элементы:

сообщения о семье и родственных связях Халандина (помимо центрального эпизода, упоминающего его родных): II.2; II, комм. и прим. 2 публикаторов; III.1; VII.6; IX.3, 7–8; X.1, 7, 9, 12, 16;

центральный эпизод эпоса – хитроумное убийство Халандином вражеского богатыря: I.2; II.3b; III.2; IV.2; V.5; VII.7–8; VIII.5; X.15; XI.3a–e;

предание о трех нашествиях коряков, не упоминающее Халандина как такового (и служащее введением к повествованию о борьбе Халандина с коряками): V.1–4; VII.1–4;

сообщения о старости и смерти Халандина: II.5; II, прим. 5 публикаторов; V.6; VI.1; X.16.

I (Н. Самсонов, 1896)

Рассказ: Н. Самсонов, на юкагирском языке, 1896 г., на р. Коркдон. Запись: В.И. Иохельсон. Издание юкагирского текста с русским переводом В.И. Иохельсона: Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. I–III. СПб., 1900. № 54. С. 134–136. Воспроизводим русский перевод по этому изданию вместе с примечаниями.

Рассказ о Халадыле /Халаджиле^{15/}

Давно у нас, говорят, сильный человек /*тэнбэйэ шоромо-* богатырь/ был, по имени Халадыл. Ламутов постоянно убивал.¹²¹ В ламутской земле один ламут (был), такой же сильный человек. Тот начал идти (стал придвигаться). Кочуя шел. Дошел до юкагирского места. Однажды кочуя, того юкагира встретил, сели. Ламут сказал: «У юкагиров сильный человек есть. Ты не знаешь?» Юкагир сказал: «Знаю, того сильного человека я работник». Ламут сказал: «Завтра буду кочевать. Вместе дома поставим». Юкагир сказал: «Поставим дома». Юкагир сказал: «Теперь в моем доме моего хозяина нет, я промышляя хожу». Ламут сказал: «До дома его далеко?» Юкагир сказал: «Недалеко, в один день дойдем». Ламут сказал: «Чтобы убить, ищу (его). Я острым (оружием) не убью, руками взявши, все его кости сломаю». Ламут в свой дом пошел, юкагир тоже в свой дом пошел. Завтра утром встали, юкагир укладывал, ламут тоже укладывал. Вместе дома поставили (на ночлеге). Юкагир своей жене сказал: «Тихо ставь дом (не торопись)». Юкагир дочь имел, ламут тоже дочь имел. Ламуты раньше кончили, огонь развели. Тот юкагир дров нарубил. Дров нарубивши, в ламутский дом пошел, огня взять. В ламутский дом вошел, котел его начал кипеть (уже). Ламут ножом в сало ткнул, юкагиру дал. Юкагир свой нож из ножен вытащил, его сало

¹⁵ В русском переводе В.И. Иохельсона это имя всюду приводится в транскрипции «Халаджил». Однако в помещенной здесь же В.И. Иохельсоном записи юкагирского текста в фонетической транскрипции этому «дж» отвечает знак для звука, который современное юкагиrowедение передает как «дь», соответственно, в современной транскрипции было бы Халадыл, а не Халаджил. Во избежание путаницы, вызванной переменаами в русском транскрибировании юкагирского языка, мы заменяем при воспроизведении перевода В.И. Иохельсона написание «Халаджил» на «Халадыл». Отметим, однако, что В.И. Иохельсон этот звук передает как «дж» в силу того, что так произносили, на его слух, его информанты, и специально пишет об этом звуке, что он «есть средний звук между *дж*, *дз*; женщины и дети произносят его как *дж*, а старики как *дз*» и т.д. [Иохельсон 1898б: 153]. Значит ли это, что тогда этот звук произносили иначе, чем позже, в XX в., или же в круг наблюдений В.И. Иохельсона просто не попали некие другие половозрастные и диалектальные варианты произношения, которые и тогда предполагали возможность произношения *дь*?

(ламута) тотчас проколол, взял, ел. Ламут сказал: «У твоего хозяина такое ешь?» Юкагир сказал: «Такого не знаю. Жирного дикого оленя если убью — так я его и видел!» Ламут сказал: «Завтра твоего хозяина убью, (ты) мне поможешь?» Юкагир сказал: «Именно, чего-нибудь в этом роде ищу». Ламут сказал: «Завтра пойдем вместе». Завтра утром встали. Ламут сказал юкагиру: «Пойдем». Пошли. Своим семьям сказали: «За нами начинайте идти (покочуйте)». Юкагир своей дочери сказал: «(Если) вам навстречу приду, голенища сапог к низу спустив приду, (тогда) с оленя вставши*, у твоей подружки повод в середине перерезав, к твоему привяжи». Юкагир свой нож своей жене отдал. Без ножа пошел. Пошли. Стали отдыхать. Табак начали курить. Юкагир трубку высасывал. Юкагир ламуту сказал: «Нож, видно, забыл, твой нож мне дай, чтобы трубку прочистить». Ламут дал. Юкагир говорит: «За тобой деревцо стоит, мне дай». Ламут только деревцо сломал, юкагир тем ножом ламута пырнул**. Нож его бросил далеко. Ламут, юкагира под мышку взявши, побежал в сторону ножа; только нож взял, там упал, умер. Юкагир по их дороге вернулся. Дочь его приход своего отца нашла (увидела), с оленя вставши, своей подружки повод посередине перерезав, к своему привязала. Ламутская девушка сказала: «Друг, что такое (с тобой)?» Юкагирская девушка сказала: «Мой отец твоего отца убивши, пришел». Подруга просто начала плакать. Ламута жену, его дочь упомянутый юкагир назад по их дороге послал, с оленями послал (отправил), не взял.

Рассказано Н. Самсоновым 15 октября 1896 г. на Коркодоне.

Примечания /В.И. Иохельсона/.

*Интересно, что в этом рассказе юкагирский сильный человек оказывается оленним человеком, а не собаководом /В.И. Иохельсон делает такой вывод, поскольку дочь Халандина, кочующая вслед за отцом, должна будет начать действия против дочери вражеского богатыря, «вставши со [своего] оленя», на котором и кочует/.

**Такое предательское убийство чужеплеменного богатыря не осуждается примитивной моралью. /Отметим, что богатырь и сам собирался убивать Халандина отнюдь не на поединке и не в открытом бою, а используя «предательство»; едва ли, однако, это подает повод говорить о примитивности, см. тж. с. 70 сл. /.

II (Неизвестный информант, 1959)

Рассказ: информант неизвестен по имени, на юкагирском и русском языках, 1959 г. Запись: А.П. Лаптев. Издание русского и юкагирского текста: Фольклор юкагигов верхней Колымы (хрестоматия). Ч. 1–2 / под

ред. И.А. Николаевой, сост. Л.Н. Жукова, И.А. Николаева, Л.Н. Демина. Якутск, 1989. Ч. 2. № 50. С. 34, 36 (юкагирск. текст), 35, 37, 39 (русск. текст). Комм. с. 77–78. Воспроизводим русский текст с комментарием и примечаниями по этому изданию.

/с.35/

Юкагирский воин

¹⁴ Раньше юкагиры сражались с коряками и эвенами. Эвены и коряки жили многими домами. У них были князцы. Юкагиры жили в одном месте в количестве пятисот человек (1). Ловили рыбу и ходили на промысел. Князцы коряков и эвенов послали [людей] убить юкагиров. Для этого сильных людей нашли, чтобы по следам юкагиров искать, искать и убить. Их [юкагиров] детишек, жен, стариков, сильных людей к себе взяли [коряки], чтобы [юкагиры] у них работали. Коряков все боялись.

¹²¹ Среди юкагиров жил один сильный человек. Его имя было Аландин. [У него] была жена, дочь, сын. Того сына, когда он был маленьким, [Аландин] себе взял у других людей. Дети выросли. Своему отцу начали помогать воевать с коряками (2). Люди, попавшие к корякским князцам, обратно не возвращались. Совсем пропадали. Тогда имя Аландина все знали. ^{13a1} Аландин со своими людьми от коряков и эвенов [...] ¹⁶. Он сам их искал, нашел и убил.

Это он так сделал: Аландин тайком увидел, где и когда коряки и эвены поставили свои дома, чтобы ночевать. Туда сам Аландин пошел, туда, к ним. У него спросили: «Откуда ты пришел? Ты кто?» «Я – работник Аландина. Я у него тяжелую работу делал. Он меня послал искать коряков и эвенов». «Мы – коряки», – говорят. Когда того работника чаем напоили, накормили, [он говорит]: «Если вы собираетесь его [Аландина] убить, я вам помогу. Дайте мне сильного человека. Мы с ним где не видно, туда пойдем, потом убьем».

Коряки тогда обрадовались. Когда Аландин с ними разговаривал, он все увидел. Сколько они людей имели, оленей, где и как они ставили нарты. Убить Аландина послали самого сильного человека.

/с. 37/ Идя по дороге, он попросил у «работника» Аландина: «Путь длинный. Отдохнем. Покурим табак». Они набили табаком свои трубки и хорошо сели отдыхать. Отдохнув, покурив табак, «работник» говорит: «Надо трубку почистить. Брат, – говорит, дай мне эту ветку, чтобы почистить трубку». Коряк думает: «Работник – хороший человек, много рассказывал, ничего не скрывал, почему мне не дать ему ветку?»

Коряк встал, пошел сломать ветку и там упал. Аландин коряка ножом убил. Той ночью Аландин вместе со своим сыном пришли на место, где стояли коряки. К их дому придя, ремнем привязали шест их

¹⁶ Троекочием публикатор указал неразобранное место рассказа.

урасы и потянули. Их ураса упала, когда они [коряки] спали, – лежит на коряках [ураса]. Их [коряков], когда они собирались встать, всех ножом убили [Аландин с сыном]. Так князец коряков без людей остался.

^{13b1} Рассердился князец и сам пошел убить Аландина. Вступил на место Аландина, там одного человека увидел. Он был Аландином, /притворявшимся/ «работником». Того «работника» позвал к себе в урасу [князец], потом сказал: «Завтра вдвоем пойдем к Аландину, там [его] убьем». «Работник»-Аландин со своей семьей [букв. людьми] к тому князю пошли, пришли, свою урасу неподалеку поставили. Своей дочери говорит [Аландин]: «Когда мы с тем князцом пойдем, вы за нами идите. Ты первая иди, остальные пускай за тобой идут. Если увидите, что мой кафтан не висит, [значит] я того князца убил. Тогда возьми жену и оленей князца и пошли назад. Если я не приду, [значит] я умер».

Назавтра встали, мужчины ушли. Женщины за ними пошли. Идут и видят – Аландин приближается, кафтан его не висит. Увидев это, дочь Аландина вернулась к жене коряцкого князца, взяла его оленей и говорит: «Мой отец твоего мужа убил. Возвращайся назад».

Аландин к своей дочери пришел, на нарту [ее] посадил и рассказал: «Мы долго шли. Сели отдохнуть, покурить табак. Я говорю тому князцу: дай мне твою ветку почистить трубку. Он пошел сломать ту ветку, за мной шел, свой нож из ножен вытащил. Я его ножом его в спину уколол. Его нож в снег бросил. Тот князец не упал, нет. К нему силы пришли. Меня одной рукой /с.39/ поднял, к своему ножу побежал. Немножко не дойдя до своего ножа, он упал мертвым» (3).

Так кончились сражения юкагиров с коряками. ¹⁴ После этого, сражаясь с эвенами, Аландин однажды чуть-чуть не умер. От шестнадцати эвенских парней он своей ловкостью и силой от смерти спасся (4). ¹⁵ Он состарившись, умер (5) /= от глубокой старости/.

* * *

/Комм./ /с.77/ Рассказ о герое исторических преданий верхнеколымских юкагиров богатыре Аландине (Алантине, Халандине, Халаджиле – личности, вероятно, реально жившей примерно во второй половине XVII – XVIII вв.). В это время обострились отношения юкагиров Верхней Колымы с коряками [Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. С. 18].

Варианты преданий об Аландине записаны В.И.Иохельсоном [Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. I–III. СПб., 1900. С.134–136] /= текст I в настоящей работе. – Авт./, А.П.Лаптевым /= текст II в настоящей работе. – Авт./, Жуковой Л.Н. (в августе 1987 г. от Дьячкова Д.Г. /= текст VIII в настоящей работе. – Авт./ и в августе 1988 г. от Шалугина В.Г. /не опубликован. – Авт./), Прокопьевой П.Е. (в августе

1988 г. от верхнеколымской якутки Волковой М.С. /не опубликован. - *Авт.*), Николаевой И.А. (от Лихачева Н.М. в августе 1986 г. /= текст IV в настоящей работе. – *Авт.*/). Во всех текстах Аландин характеризуется как народный герой, защищавший юкагиров от нападений коряков и эвенов или мстивший им за принесенный разор. По рассказу Шалугина В.Г., от Аландина ведут свое происхождение коркодонские юкагиры, потомками которых являются живущие ныне в пос. Нелемное, пос. Зырянка, пос. Балыгычан Магаданской области юкагиры Дьячковы, Тайшины.

(1) Цифра явно преувеличена. Как считал В.И.Иохельсон, «охотничье племя юкагиров всегда было немногочисленным и кочевало вразброд небольшими группами» [Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. I–III. СПб., 1900. С.VI].

/с.78/ (2) О детях Аландина в других вариантах предания не упоминается, за исключением имеющегося в тексте эпизода с дочерью. У юкагиров среди «сильных людей, которые грех делали, людей убивали», существовал обычай брать из другой семьи ребенка в качестве своего. Он своей чистотой как бы «закрывал», «смывал грех» этой семьи. О других родственниках Аландина известно следующее: по рассказу Шалугина В.Г., Аландин имел родителей и братьев, рядовых охотников, их всех убили коряки. После их смерти Аландин стал жестоко мстить корякам.

(3) Эпизод с трубкой повторяется дважды – как наиболее понравившийся, в котором проявляются хитрость, смелость, находчивость героя.

(4) Этот эпизод из жизни Аландина не нашел отражения в /других/ записанных фольклорных текстах верхнеколымских юкагиров.

(5) Аландин умер в старости на р. Омулевке – левый приток р.Ясачной (по рассказу В.Г. Шалугина).

III (И.П. Долганов)

Рассказ: Долганов Иван Павлович, 1930 г.р., на юкагирском и русском языках, 1986 г., Нелемное. Запись: И.А. Николаева, на юкагирском и русском языках. Издание юкагирского текста: Nikolaeva I. Yukaghir texts (Specimina Sibirica. XIII). Szombathely, 1997. № 32. P. 27–28 (англ. перевод И.А. Николаевой: P. 95–96); также ОДКУ № 21. Русский текст до сих пор не публиковался, входит в подготавливаемое Л.Н. Жуковой и И.А. Николаевой расширенное издание «Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Хрестоматия» и был любезно предоставлен Л.Н. Жуковой для предварительного помещения в настоящей работе. Приводим его:

¹⁴ Жил юкагирский охотник, имел жену, ребенка, имел одну дочь, живут [вместе]. ¹²¹ Пока так жили, пришли вести, /они/ услышали новость, что придут корякские охотники. Услышав это /= к тому моменту, когда он об этом услышал/, /к/ их приходу [юкагирский охотник] дом заимел /=имел/, с домом живет. Пришел корякский охотник, пришел и спрашивает: «Где здесь юкагирский охотник?» Когда он так сказал, тот ему ответил: «Сделай дом здесь, рядом со мной, завтра я тебя отведу /к тому юкагирскому охотнику/», – сказал ему. Так сказав, тот юкагирский охотник, вечером взяв свою трубку, закрыл /=забил/ в ней щель, а когда наступил другой день, они с тем корякским охотником пошли.

Когда они отправились, он, /как бы/ «забыв» свой нож, оставил /его/, так пойдя, идя, юкагирский охотник говорит: «Брат, отдохнем», – говорит. Нашел такое место, усадил корякского охотника, посадил его на место с тальником, а сам сел рядом с ним в месте, где нет деревьев. Сев, вытащив свою трубку, так свою трубку сосет, ведь она закупорилась. Тогда говорит: «О!» Взял свои ножны. «Я, оказывается, забыл нож, – говорит. – О брат, – говорит, – я, оказывается, забыл нож, а у тебя есть». Корякский охотник вытащил свой нож: «Э, когда дойдем [до места], отдашь». Когда он /корякский охотник/ ему нож дал, он /юкагирский охотник/ кругом туда-сюда посмотрев, говорит: «Ну, брат, сломай тальник, который за тобой, и дай мне».

Корякский охотник повернувшись, когда он ломал руками тальник, тот /юкагирский охотник/ корякского охотника ножом проткнул, а нож далеко отбросил. Тогда корякский охотник, подпрыгнув, взяв юкагирского охотника подмышку, побежав, дойдя до своего ножа, так и умер. Юкагирский же охотник пришел домой, придя, говорит своей дочери: «Пойди и скажи [родственницам того корякского охотника], – говорит, – не зовите вашего отца, отец не придет».

На другой день встав, юкагирский охотник запряг своих оленей, еду погрузил: «Идите по дороге, отправляйтесь к своим людям, теперь ваш отец умер, рассыпался /= прахом пошел/, – говорит [родственницам того корякского охотника], – теперь расскажите там людям, корякам, чтобы они больше сюда не приходили¹⁷». После этого те коряки [больше] не приходили.

¹⁷ В юкагирской версии того же рассказа [Nikolaeva 1997 № 32 = ODKY № 21] также употреблены формы множественного числа (в переводе: «..Вашего отца не зовите, ваш отец не придет... Ступайте в путь, отправляйтесь к вашим /= своим/»). Итак, согласно данному рассказу, при корякском богатыре находились не одна, а более одной родственницы, – вероятно, это были жена и дочь, симметрично тому, что и при юкагирском охотнике в этом рассказе находятся жена и дочь.

IV (Н.М. Лихачев, а)

Рассказ: Лихачев Николай Михайлович, 1916 г.р. (15.05.1916–2008)¹⁸, на юкагирском и русском языках, 1986 г., Нелемное. Запись: И.А. Николаева, на юкагирском и русском языках. Издание юкагирского текста: Nikolaeva I. Yukaghir texts (Specimina Sibirica. XIII). Szombathely, 1997. № 47. P. 42–44 (англ. перевод И.А. Николаевой: P. 111–113); также ODKY № 32. Русский текст до сих пор не публиковался, входит в подготавливаемое Л.Н. Жуковой и И.А. Никопаевой расширенное издание «Фольклор юкагигов Верхней Колымы. Хрестоматия» и был любезно предоставлен Л.Н. Жуковой для предварительного помещения в настоящей работе. Приводим его:

¹¹ Халантин был юкагир, человек убивающий коряков, человек, убивающий коряжских князей, он сам /= самый¹⁹/ юкагирский богатырь, убил всех коряков. ¹² Убив, убил самого последнего, самого начальника. Тот начальник пришел, пришел со своей дочерью. Придя, говорит: «Где Халантин?» На это тот говорит: «Я покажу Халантина». А на самом деле он сам Халантин, [там] сидит. «Мне, – говорит [тот], – пожалуйста, убей Халантина». «Я сам убью Халантина, заплати», – говорит [Халантин], нарочно /= обманывая/, конечно. «Я, – говорит [тот], – у тебя несколько лет буду бесплатно работать тебе», – говорит. [А это] сам Халантин [там] сидит, обманывая. «Ну ладно, я покажу Халантина, – говорит [Халантин], – завтра. Он в одном месте, отсюда в трех кочевках», – говорит.

Халантин насторожился, насторожился, думает, что его убьют. Смотрит: тот рубашку снял, сняв, оделся весь в железо. Такое железо, железный жилет /панцирь/. Только здесь с дыркой /проемом/, только здесь с дыркой, только подмышкой дырка, а все /остальное/ железо. «Как такого убью, какой хитростью его убью?» – говорит /себе Халантин/. Ну, Халантин говорит: «Давай пойдем, – говорит, – завтра, отсюда три кочевка, если мы хотим его убить». На это /тот говорит/: «О, ты оказывается, хороший человек», – Халантин. Жирного мяса из котелка

¹⁸ Согласно [ФЮВК 2: 84, прим. 2] год рождения рассказчика, Николая Михайловича Лихачева из Нелемного – 1910 г., согласно [ФЮ: 486, 495] – 1925 г. З.А. Дмитриева в своей публикации рассказа того же Н.М. Лихачева о Халандине указывает датой его рождения 1928 г. (см. ниже, текст VII, с. 37). П.Е. Прокопьева установила истинную дату рождения Н.М. Лихачева – 15.05.1916 г. – по документам с. Нелемное, где он проживал; даты жизни Н.М. Лихачева как 1916–2008 г. были указаны еще в [Прокопьева 2011б: 26].

¹⁹ В параллельной юкагириязычной версии того же рассказа [Nikolaeva 1997 № 47 = ODKY № 32] в этом месте употреблено русское слово «самый», заимствованное в язык лесных юкагигов в значении «в наибольшей степени» [‘most’: Nikolaeva 2006: 395] и «самый настоящий, самый что ни на есть». В данном случае слово «сам» рассказчик употребляет в том же смысле и в своей русской речи.

отрезал, отрезал ножом и дал жирного мяса. Его нож такой – с железной ручкой, ведь он богатырь. Ну, так пошли. Пойдя, Халантин свой нож выбросил нарочно. Отверстие в своей трубке прочно закрыл. Заткнул деревом, чтобы совсем закрылась. «Пусть закроется», – говорит /себе/. Ну, так пошли.

Пойдя, выбрали /для привала/ одно тальниковое место, Халантин подумал, когда шел, чтобы на месте, где он сидит /сядет на привал/, не было деревьев, а чтобы на месте, где сидит /сядет/ тот человек, были деревья. Разный там тальник. Такое место нашли, выбрали. Говорит, Халантин говорит: «Отдохнем здесь. Да, отдохнем», – говорит. Тот человек говорит: «Э, давай», – говорит. Сняли лыжи, сели на лыжи. Сели и собрались закурить. Халантин взял свою трубку, взяв, сосет. «О, – говорит, – закрылась /=забилась/». Тогда начал искать свой нож. «О, – говорит, – брат, я, оказывается, забыл нож. Умираю, как я без ножа пойду?» – говорит нарочно /= обманывая/. Говорит /так/, /а/ почему /он/ обманывает? Взял палку, сломал тальник, ковыряет нарочно /= для вида/, – что будет делать, еще больше закрывается /забивается/ [трубка]. «О, – говорит, – брат, дай мне твой нож. Она совсем закупорилась», – говорит. Ковыряет, его нож ведь такой широкий [ширина его ножа], как он войдет [в трубку]? Свою трубку ковыряет нарочно /= для вида, притворно/, начал ковырять. Так /= тут, затем/ голову почесал, ведь нигде дерева нету, так вокруг нету деревьев, снаружи /= по сторонам вблизи от него/ нету деревьев. «Тогда, – /говорит он тому человеку, – ты,/ сломав одно дерево, дай, дай мне». Так /и/ было, он /тот человек/, взяв то дерево, встав /для упора/ на лыжах, как только оно сломалось [дерево], тот [Халантин] [его] сюда /= подмышку, в незащищенное место/ ножом проколов, отбросил [нож]. Тот богатырь встал, взял Халантина, пошел к своему ножу. /И умер/. Свои лыжи /Халантин/ не надел, только так взял нож /того человека/. Халантин на двух лошадях /= своей и того человека? или обе лошади мыслятся здесь принадлежавшими вражескому богатырю?/ пошел к себе домой²⁰. Пойдя, говорит своей жене: «Он бросил вниз мои сапоги, я

²⁰ Очевидная анахронистическая вставка, вдобавок противоречащая предыдущим фразам рассказа, где сообщалось, что Халандин и богатырь шли пешком на лыжах. Чуть ниже в том же рассказе упоминается, что герои кочуют на оленях: «“..Все возьми, /но/ дай /оставь все же/ ей двух оленей, пусть уходит”. Так на двух оленях она поехала». Таким образом, рассказ разом и удерживает старые детали (герои кочуют на оленях, а вылазку вдвоем делают на лыжах), и добавляет противоречащую им новую деталь (у героев во время вылазки откуда-то оказываются лошади, и Халандин возвращается верхом). Характерно, что рассказчик стремится сгладить это противоречие, специально оговаривая, что Халандин не стал надевать свои собственные лыжи для обратного пути, а бросил их – очевидно, это замечание призвано хоть как-то пояснить, почему же вышло, что Халандин ходил в вылазку на лыжах, а обратно вернулся на лошади.

так не приду, так меня приготовил он. Так скажи, если он бросил /вниз/ мои сапоги²¹, скажи той девушке [дочери корякского начальника]: “Убегай, мой муж твоего отца убил”, – так скажи о ее отце. Все возьми, дай /оставь/ ей двух оленей, пусть уходит». Так на двух оленях она поехала. Еле-еле доехала.

V (Н.М. Лихачев, б)

Рассказ: Лихачев Николай Михайлович, 1916 г. р., на русском языке, 1989 г., Нелемное. Запись: П.Е. Прокопьева. Издание: Жукова Л.Н., Прокопьева П.Е. Фольклорные тексты юкагигов Верхней Колымы // Язык – миф – культура народов Сибири. Вып. II. Якутск, 1991. № 25. С. 161–163. Воспроизводим по этому изданию.

¶ Семья из десяти человек жила. Среди них один парень юкагир полоумный. Спал, проснулся, посреди урасы встал, голову наклонил вниз, говорит:

– Завтра ночью коряки придут.

²¹ Темные для нас фразы о сапогах идиоматичны и, очевидно, имеют прямое отношение к тому, что в большинстве рассказов (в том числе в одном рассказе самого Н.М. Лихачева – V) Халандин при возвращении после убийства вражеского богатыря обозначает это убийство отворачиванием вниз голенищ своей высокой обуви (эти отвернутые вниз голенища оказываются, таким образом, ритуальным продолжением или знаком убийства врага). Мы предположительно толкуем фразы рассказчика о сапогах так: брошенные вниз сапоги = сапоги с отвернутыми книзу (в знак убийства врага) голенищами; «он бросил вниз мои сапоги» = «Это из-за него, из-за того что он пришел по мою душу и я его убил, я теперь пришел со спущенными вниз голенищами (= “брошенными вниз сапогами”); он вынудил меня его убить, и вот я обозначаю его убийство отвернутыми вниз сапогами»; «я так не приду, так меня приготовил он» = «вообще-то я так = в таком виде домой не прихожу: я не стремлюсь убивать людей, так что не имею обыкновения приходить домой *так*» = в обуви со спущенными в знак совершенного мной убийства голенищами; я и не пришел бы *так*» (убившим человека = я не убил бы человека) по своей инициативе; но этот человек сам вызвал меня на то, чтобы я его убил (тем, что хотел убить меня), т.е. сам *приготовил* (= сделал) *меня* таким (как ты видишь по моей обуви) = убившим его»; *так скажи, если он бросил мои сапоги, скажи той девушке: “Убегай, мой муж твоего отца убил”*» = «И коль скоро “он бросил [вниз] мои сапоги” = вынудил меня убить его, – передай это – т.е. то, что я убил его, – его дочери». Видимо, здесь отразилась некая устойчивая идиома «бросить вниз чьи-то сапоги» = быть убитым этим кем-то, накликать на себя своими действиями убийство со стороны этого кого-то. Если наша интерпретация верна, то в обсуждаемых репликах Халандин хочет специально подчеркнуть, что он не любит и не склонен убивать и данного врага убил лишь по необходимости – тот сам вынудил его к этому.

Молодые смеются:

– Ты что? Коряки придут?

Старики говорят:

– Покараулить надо ночью.

Молодые отвечают:

– Не болтайте!

Один старик всю ночь сидел. Среди ночи коряки пришли. За верхушку урасы арканом бросили. Старик стал стучать:

– Вставайте, коряки пришли.

Коряки половину [юкагиров] убили. Старик остался, убежал. Бежал, где люди живут. Люди все пришли.

¹²¹ Ждали год. Нет. Опять пришли. Тогда много пришло, около тысячи человек убили. Коряки победили. ¹³¹ В третий раз большая война была. Дедушка и бабушка после войны остались. Бабушка плачет, сына нашли, похоронили. Старик говорит:

– Не плачь. Наш сын недаром умер. Видишь, сколько людей лежат.

¹⁴¹ Два года ничего не было. Одна женщина рыбачит, пришла, говорит:

– Люди идут на оленях.

Приготовились. Два тополя есть. Из лука стали с них стрелять. Юкагиры пришли /т.е. это была ложная тревога: подхитившие были своими, юкагирами, а не врагами-коряками/.

¹⁵¹ Наверное, шесть лет прошло. Война около 1860 года была²². Пришел коряк-богатырь. Халантин там был с женой. Коряк его встретил:

²² Датировка, конечно, не отвечающая реальности и слишком поздняя. Рассказчик, Н.М. Лихачев (1916 г.р.), давая событиям эту датировку, просто помещает их за 60 лет (т.е. за два-три поколения) до собственного рождения. В другом рассказе (VIа ниже) тот же Н.М. Лихачев говорит, что Халантин умер, когда поколение самого Н.М. Лихачева было еще детьми, т.е. около 1920 г., что помещает время молодости Халантина на ту же вторую половину XIX в. Точно так же борьбу с коряками, когда «коряки почти всех [юкагиров] истребили», верхнеколымская юкагирка А.И. Шалугина (1941 г.р.) в своем рассказе [Жукова, Прокопьева 1991 № 14: 155 сл.] относит ко времени жизни своего собственного прапрадеда, делая его участником этой борьбы. В.Г. Шалугин, напротив, помещает время жизни Халантина на «лет 200 назад» (X.16, см. ниже, с. 56), т.е. на исход XVIII в., а в другом рассказе (IX, см. ниже, с. 42, 44) описывал Халантина как воспитанника Атыляхана, в котором, вероятно, надо видеть реального родового вождя верхнеколымских юкагиров начала XVIII в. по имени Атыляхан (см. подробно выше, с. 8). Такой разницей не должен нас удивлять. Поскольку уже в XIX в. система датировки событий и ведения устных исторических «хроник» по поколениям / старейшинам, существовавшая некогда у юкагиров (о ее реликтовом проявлении, по которому о ней и можно судить, см. ниже, с. 151, прим. 113), была разрушена (ни В.И. Иохельсон, ни последующие исследователи юкагирского фольклора этой системы не упоминают; В.И. Иохельсон застал лишь сами генеалогии вождей по отцовской линии на несколько поколений назад [Иохельсон

– Где ваши остальные юкагиры?

Халантин говорит:

– Халантин отсюда недалеко. Халантина пришел убить?

– Да. Как его убить?

Халантин говорит:

– Запросто.

– Ты покажи мне.

– Пойду. Меня Халантин все время бьет, заставляет дрова рубить, охотиться заставляет. Брат, хорошо что ты пришел.

Коряк взял нож, воткнул в мясо, которое лежало в котле, протянул Халантину: «На, ешь».

Ночью коряк не спал. Халантин думает, как его убить. Жена спрашивает:

– Что думаешь?

– Думаю, как его убить.

– Думать нечего. Нож оставь. Табак возьми. Трубку закрой, в карман положи. Посмотришь, что дальше будет. Место выбери, чтобы тальник со стороны коряка был.

– Ладно, так и сделаю.

– Если коряка убьешь, торбаса вниз спусти.

Коряк говорит Халантину:

– Давай, пошли к Халантину.

Пошли. Халантин говорит:

– У меня нога болит. Отдохнем.

Отдохнуть сели, выбрал место с тальником [Халантин].

Курить начали. Халантин прикуривает, ничего нет, трубка забитая.

– Нож забыл. Дай свой нож, трубку почистить.

Коряк дал. Ковырял, трубку поломал. Говорит коряку:

– Отломи тальник.

Коряк хотел отломить, Халантин воткнул нож. Коряк схватил Халантина под мышку, хотел нож вытащить – умер. Четыре ребра Халантину поломал. Вниз камусные торбаса спустил /Халантин/, домой пошел.

^[6] Потом от ран умер.

^[7, ср. 4] Те тополя с тех пор у Поповки [реки] есть.

1900: 90, прим. 22]), ошибки и разноречия в эпической хронологии становились неизбежны: не ведя больше отсчета событий ни по годам, ни по поколениям, ни по старейшинам, юкагиры и не могли бы единообразно или правильно помнить, произошло ли такое-то событие «старинного» времени век, два века или три века назад.

VI (Н.М. Лихачев, в)

Рассказ: Лихачев Николай Михайлович, 1916 г. р., на русском языке, 1989 г., Нелемное. Запись: П.Е. Прокопьева. Издание: Жукова Л.Н., Прокопьева П.Е. Фольклорные тексты юкагигов Верхней Колымы // Язык – миф – культура народов Сибири. Вып. II. Якутск, 1991. № 26. С. 163. Воспроизводим по этому изданию²³.

^[1] Халантин здоровый как зверь был. Когда люди голодали, он в Арга-Таас ходил. Олений просил у ламутов. Они не дают, жалко ведь. Тогда он вышел, аркан закинул на верхушку яранги. Развалил. Людей убил, олений много убил. Принес. Его спрашивают:

– Откуда столько мяса?

Он говорит: «Не спрашивайте, ешьте».

Раненый остался, после заболел, умер.

Vla (Н.М. Лихачев, в)²⁴

Сообщение: Лихачев Николай Михайлович, 1916 г.р., на юкагирском языке, 2005 г., Нелемное. Запись: П.Е. Прокопьева. Ранее не публиковалось (фрагмент цитировался в: Прокопьева П. Е. Фольклор лесных юкагигов в конце XX – начале XXI века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. 3. С. 28). Перевод П.Е. Прокопьевой.

^[1] У нас остался Халантин. Коряки не смогли /его/ убить. Юкагигов там много. ^[2] Если ураса будет, ту урасу сверху так, палку вытаскивает [...] ²⁵, падает. Той палкой людей убивал. Эвенов так убивал. Тех эвенов убивал, олений всех приносил /=приводил/. Принеся, делил между

²³ Практически тот же рассказ (с точностью до нескольких слов, не меняющих смысла) был сообщен Н.М. Лихачевым по-русски Л.Н. Жуковой; этот русский текст был точно переведен на юкагирский язык В.Г. Шалугиным [любезное устное сообщение Л.Н. Жуковой]. Текст указанного юкагирского перевода был опубликован в: Nikolaeva I. Yukaghir texts (Specimina Sibirica. XIII). Szombathely, 1997. № 59. P. 60–61 (англ. перевод И.А. Николаевой: P. 131) с общей атрибуцией в перечне информантов Н.М. Лихачеву (P. 8; сжатость перечня не позволила указать, что Н.М. Лихачеву принадлежит именно русскоязычный оригинал названного юкагирского текста).

²⁴ Данный текст является, собственно, не рассказом с определенным сюжетом, а характеристикой Халантина, перекликающейся в одном пункте (Vla.2) с сообщением рассказа VI о набеге Халантина на эвенов. Поэтому мы не присваиваем этому тексту самостоятельного порядкового номера, а обозначаем его как Vla.

²⁵ Трехточием указаны пропущенные места, которые не удалось разобрать или перевести.

юкагирами. Его имя Халантин. ¹³¹Здесь тоже был на Мамонтове²⁶. Там, где ходил, назвали /озеро/ Халантин. Там рыбу ловим, каталку, шокур, хариус, на Халантине. ¹⁴¹Давно недалеко от того места, где ходил, умер Халантин. Коряки не смогли убить. Такой сильный, ловкий очень. [...] Четырём людям нет, не поддается. Не могут побороть его. Четырех человек перетягивает. Так бежит, бежит, прыгает. Когда прыгает, пятнадцать метров летит. Страшный человек²⁷. Как Манчары, человек²⁸. Бежит, от палки /оттолкнувшись/, летит. [...] Очень бесстрашный человек. [...] ¹⁵¹Халантин назвали. С тех пор есть /озеро Халантин/, мы ходим /на него/. Рыба заходит, щука, разное, на Мамантове. ¹⁶¹Когда мы были маленькими, он, наверное, умер.

VII (Н.М. Лихачев, д)

Рассказ: Лихачев Николай Михайлович, 1916 г.р., на русском языке, 1993 г., Нелемное. Запись: З.А. Дмитриева. Издание: Зинаида Дмитриева. «...Но и достояние всего человечества». Фольклор в духовной жизни юкагиров // Илин. 2001. 2 (25).

/из публикации записей юкагирских преданий/

Бой с коряками (старинный рассказ).

¹¹¹Давным-давно на Колыме коряки впервые убили много юкагиров. Они, оставляя поле брани, обещали вернуться сюда еще через год.

²⁶ Мамонтово/а, Мамантово/а (русск.), Мамута (см. ниже, XI.1), Мамота (топографические карты Генштаба СССР), Мамотуо [Курилов 2005: 14] (юкагирск.) – название реки и озера в краю верхнеколымских юкагиров. На официальных современных картах она зафиксирована как Мамота, Мамонтова – местное название. Мамота – левый приток Ясачной севернее Рассохи. В настоящее время по р. Мамота проходит часть границы Верхнеколымского и Нелемнинского наслегов Верхнеколымского улуса Якутии. Ю.Г. Курилов указывает: «Мамотуо [=Мамонтова] – на берегах этой реки жил юкагирский богатырь Аланчин, возле его стоянки, которую называли Аланчинийалгил “озеро Аланчина”» [Курилов 2005: 14]. Оз. Мамонтово лежит при одноименной реке. Оз. Халантин (Аланчинийалгил у Ю.Г. Курилова) находится рядом.

²⁷ Слово «страшный» (*инльвьсьэ*) здесь употреблено в значении «сильный, могучий, выносливый» (т.е. наводящий страх на всякого потенциального и реального противника). Аналогично употребляют свою собственную лексику с дословным смыслом «страшный» (*хааличэ*) тундренные юкагиры.

²⁸ Хангаласский якут Василий Фёдоров Слободчиков по прозвищу Манчаары (1805–1870 гг.) – «благородный разбойник», сказитель и слагатель песен, якутский народный герой. По поводу исторических преданий якутов о Манчаары Г.У. Эргис писал: «Манчаары и его люди нападали на богачей, отнимали у них вещи и продукты, угоняли скот и разоряли их хозяйства, при этом наиболее ненавистных и злобных тойонов крепко пороли. <...> В романтически окрашенных преданиях рисуется образ благородного разбойника, раздавшего награбленное беднякам» [Эргис 1974: 263].

¹²¹ Когда настал тот день, юкагиры ждали их с луками. В назначенное время со стороны моря прибыло на оленях около ста коряков с целью добыть колымское золото. Началось кровавое сражение между юкагирами и коряками. С обеих сторон было убито много людей. Те, которые погибли от стрел луков, навсегда остались на этой земле. Живые вернулись домой.

¹³¹ Коряки в третий раз пришли к старику юкагиру Нарчаде. У него было двое сыновей и жена. Здесь коряки удавили детей, а девушек забрали в плен. Старик со своими сыновьями сражался храбро. Они уничтожили много врагов. Коряки ушли, когда от юкагиров остались в живых только один мальчик и старик со старухой. Старуха говорит своему старику Нарчаде:

— Давай, поищем наших сыновей.

— Хорошо, пошли, — ответил старик.

Они горько заплакали и пошли искать сыновей. На поле битвы лежало много убитых. Старики приподнимали и внимательно присматривались к лицам каждого павшего воина. Нарчаде успокаивает жену:

— Смотри, не плачь. Наши сыновья отчаянно сражались наравне с ними и теперь вместе лежат под одной подушкой. Не горюй. Если бы у нас не было сыновей, то и нас не пощадили бы. Так что нам гордиться ими надо.

И так они прошли за три дня три версты. Кругом лежали одни мертвецы. Вдруг они натолкнулись на тела своих сыновей. Прямо на луже крови лежали их родные. Они с глубокой скорбью прикоснулись к их давно остывшим холодным телам. Так погибли сыновья юкагирского старика и старухи в неравном бою с коряками.

После той битвы осталось несколько юкагиров. Они целыми месяцами искали рыбу в реке, но не находили; чтобы утолить голод, ели всякую всячину. Целых два месяца хоронили людей, убитых во время сражения с коряками. Так и убитые коряки сгнили на земле Колымы.

¹⁴¹ Год прошел после битвы. Юкагиры ждали коряков, хотя они не обещали вернуться обратно.

^{15a1} Далеко за речкой жил юкагирский богатырь Халанчин. Он, убивая ламутов, перегонял их оленей и этим кормил своих сородичей.

^{15b1} Халанчин ждал коряков, чтобы отомстить за убитых юкагиров. Он был хитрым, сильным человеком. В конце концов коряки вернулись. Их было более ста человек. Халанчин, узнав об этом, пришел к корякам.

Коряки спрашивают у него:

— Где Сэбирдэх хайын — юкагирский богатырь?²⁹

²⁹ «Сэбирдэх хайын» – якутские слова. От слова *сэбирдэх*, якутск. «лист», образовано имя героя якутского эпоса – Сэбирдэх-Сююрюка, сына знаменитого князя Тыгына; видеть ли во втором слове якутск. *хайын* «куча снега, льда», или якутск. *сайын*, долганск. *хайын* «лето», или что-либо еще, например, искаженное *хатын*

Они не узнали Халанчина, а он отвечает:

— Он находится недалеко отсюда, у себя дома, а его войска ушли далеко. Вы без боя можете схватить его, а главное — в доме его найдете большой мешок пушнины.

Коряки, услышав это, обрадовались и воскликнули:

— Давайте, пойдём туда!

Халанчин продолжал врать. Враги, даже не подозревая подвоха, все принимают за чистую монету. Он жалуется:

— Халанчин бьёт меня. Братья, помогите нам. Убейте его, а то, что погибли коряки, это очень жаль. Мы вам верны, только помогите нам избавиться от него.

Коряки ещё раз спрашивают:

— Где Халанчин?

Халанчин отвечает:

— Отсюда не видать.

Русские в одном месте построили большой длинный дом с приманкой. Как только прикоснешься к веревке, сразу весь дом рухнет³⁰. Хитрый Халанчин привел сюда коряков и вежливо так говорит:

— Заходите, пожалуйста.

Здесь он заранее положил мешок из оленьей шкуры, а содержимое было в нем — всего лишь собачья шкура да оленьи рога. Коряки, увидев издалека мешок, подумали, что лежит мешок с богатой пушниной. Они так обрадовались, аж глаза разбежались. Когда коряки начали разбирать мешок, Халанчин выскочил из дома и натянул веревку. Весь дом рухнул на коряков. Так отряд коряков был уничтожен.

¹⁶¹ Юкагирский богатырь Халанчин, освободившись от коряков, жил с шестерыми детьми далеко за речкой.

Мы, юкагиры, происходим от этого богатыря, а сейчас вымираем от болезней, разных напастей, войн. Нас стало так мало³¹.

(*хатын сэбирдэх* – якутск. «лист березы»)? Очевидно, рассказчик имеет в виду прозвище со смыслом «листа/лист» (с каким-то добавочным эпитетом), которое (по якутски!) вложено им в уста коряков как кличка, которую дали Халандину. Л.Н. Жукова пояснила нам, что Н.М. Лихачев хорошо знал якутский язык, чем и объясняется употребление им якутоязычного выражения в рассказе на русском языке.

³⁰ Итак, Халандин оказывается здесь современником русского промыслового присутствия на Колыме. Само по себе это можно было бы считать и вторичным привнесением в традицию, но твердо присутствующий в рассказах о Халандине мотив трубочного курения табака показывает, что время формирования преданий о Халандине действительно приходится на период после установления русско-юкагирского контакта (с. 9 сл.). «Дом с приманкой», как указала Л.Н. Жукова – увеличенный аналог реального снаряда для добычи пушных зверей.

³¹ Об этом высказывании см. с. 62, прим. 64.

¹⁷¹ Однажды вдали за речкой неожиданно появился один странный человек. Его никто за человека не принял. Увидев Халанчина, он говорит:

— Ох, какой богатырь идет, — смотрит на небо, пригнувшись, между ногами.

— Что он колдует? — недоумевают люди. Настороженно шепчут друг другу:

— Опять, видимо, коряки придут.

А человек предсказывает:

— Коряки идут...

В то время ему никто не поверил. ¹⁸¹ Но спустя несколько дней появляется человек, облаченный в панцирь. Только видны глаза да нос³², а открытое место только в ногах. Он пришел с дочкой. Этот человек спрашивает:

— Где Халанчин?

Никто не отвечает. Юагиры спрятались от коряков в Росохе³³, Шаманихе, Колыме, Олгуе, около озер. Пришелец еще раз спрашивает:

— Я слышал, что здесь живет юагирский богатырь Халанчин. Где он и каков из себя?

Халанчин отвечает:

— Он не здоровый, а худощавый и стройный.

Этот человек пришел зимой. В то время Халанчин жил со своей женой в яранге. Пришелец поставил около яранги Халанчина свою. Халанчин боится его, настоуживается.

Вечером новоиспеченный сосед зовет Халанчина:

— Иди сюда, иди.

Халанчин подходит к нему и врет:

³² Иными словами, кроме панциря, этот вражеский богатырь носил шлем, и его шея и горло были защищены броневой бармицей или панцирным воротником. В противном случае, кроме глаз и носа, у него были бы уязвимы и горло, и затылок (а без шлема — и вся голова). Отметим, что сохранившиеся нефольклорные сведения о шлемах и защитном вооружении чукчей, коряков и юагигов (т.е. уцелевшие артефакты и упоминания в источниках XVII – XIX вв.) не содержат указаний на существование бармиц или защитных воротников у каких-либо из воинов Северо-Востока Азии, но, учитывая разрозненность и крайнюю скудость этих сведений, сказанное не может служить аргументом против такого существования, тем более у отдельных, особенно хорошо вооруженных богатырей.

³³ Рассохе. Отражает ли идущий далее перечень некие исторически достоверные юагирские воспоминания о том, что корякские набеги действительно доходили до районов, близких к Рассохе, Шаманихе, Олгуе (ср. передачу аналогичных сведений Тэки Одулоком [коряки доходили до Поповки и Ясачной], см. с. 6, прим. 5; в рассказе В.Г. Шалугина, X.9–10, с. 50–52 [коряки доходят до Омувки, Рассохи, Поповки, Ясачной]; в рассказе XI, с. 57 [коряки доходят до Мамоты и пытаются занять ее бассейн]), или рассказчик просто называет реки знакомого, родного для него ареала, значимые для него самого или тех юагигов, от кого он услышал излагаемый им рассказ?

— Я батрак Халанчина. Он меня и жену бьет. Заставляет работать до седьмого пота, измывается. Спаси нас, добрый человек!

Тот соглашается спасти его:

— Ладно, спасу, помогу.

Халанчин говорит:

— Угощайся оленьим мясом, — и протягивает оленину.

Пришелец с дочкой досыта наедаются оленьего мяса. Халанчин чувствует себя не в своей тарелке и думает: «Когда же прикончит меня?»

Человек в панцире говорит:

— Завтра пойдем к Халанчину, ты мне покажешь его.

Халанчин про себя решает, что сколько бы ни был силен враг, все равно он должен его одолеть, убить.

Этот человек вечером показывает свой панцирь и хвастается:

— Никто меня в этом панцире не убьет, не победит.

Настало утро. Коряк говорит:

— Где Халанчин? Веди меня к нему.

Халанчин оставил нож в доме, напичкал щепкой трубку коряка, и они пошли «искать Халанчина».

Халанчин говорит:

— Посредине дороги стоит пустой дом. Халанчин, которого ты ищешь, живет там. Отсюда пять верст. Мы найдем его там.

И они идут и идут...

Оказывается, Халанчин нарочно подобрал такое место, какое описал коряку. Там они и остановились. Халанчин просит:

— Давай, отдохнем. Отсюда до дому Халанчина рукой подать.

Халанчин сидит, где рассыпано серебро, а коряк — на тальнике.

Коряк-богатырь захотел закурить. Он заметил, как Халанчин набивал трубку щепкой и говорит:

— Какое наказание, нечего закурить! Брат, у тебя есть нож?

Он заранее приметил, что у Халанчина нож. Халанчин вдруг вскочил и сломал врагу три ребра, затем ножом пырнул прямо в сердце. Коряк упал замертво. Оказывается, он был куда слабее, чем Халанчин, и вовсе не такой богатырь, как притворялся.

Халанчин говорит дочке коряка:

— Иди, скажи людям, что я победил твоего отца.

Девушка прибежала к людям и кричит:

— Смотрите, вон там Халанчин убил моего отца! Видите его нож, а натазник отпустил...³⁴

³⁴ «А натазник отпустил» = а девушку отпустил; натазник – предмет тунгусской одежды, символизирующий здесь женский пол.

Халанчин приходит к сородичам. Победителя встречают радостно. Так покончили с коряками. С той поры они перестали воевать с юкагирами.

Все.

Рассказ юкагира Николая Михайловича Лихачева (1928 г.р. /действительная дата рождения – 1916 г., см. с. 26, прим. 18/) записала автор /З.А. Дмитриева/. С. Нелемное, Верхнеколымский улус. Июнь 1993 г.

VIII (Д.Г. Дьячков)

Рассказ: Дьячков Дмитрий Григорьевич, 1912 г.р. (1912–1995 гг.), на русском языке, 1987 г., м. Еврашка, р. Ясачная. Запись: Л.Н. Жукова. Ранее в оригинальном виде не публиковался, предоставлен для публикации Л.Н. Жуковой. В отредактированном виде публиковался в: Хозяин земли. Легенды и рассказы лесных юкагиров / сост. Л. Жукова, О. Чернецов. Якутск, 1994. С. 81–83. Приводим оригинальный текст Д.Г. Дьячкова.

¹⁴¹ Юкагир Халандин. Среди юкагиров вместе жили, куда они денутся. Осенью охотится, как остальные юкагиры, рыбачили все время. ¹²¹ У него такая привычка была: осенью одевается медвежьей шкурой – рукавицы, шапка медвежья из головы /≠ из шкуры с головы медведя/ сделана, санггйях /шуба, якутск./ делается свитый. Он это одевает осенью, как замерзнет земля. Это одевает, ходит. ¹³⁻⁴¹ ¹³¹ Некоторые бабушки, женщины говорят ему:

– Халандин, если что-нибудь попадетс^я, нам шкуры, или жилы там, принеси³⁵.

Просто так говорят. Не знают, собирается /ли он/ ехать, куда-нибудь идти /на охоту/, /или нет/. ¹⁴¹ Он через некоторое время исчезает³⁶. Ушел.

³⁵ Подчеркиванием в VIII.3–4 выделены фразы, из сопоставления которых следует, что VIII.3 и VIII.4 – начало и конец содержательно единого пассажа и на эвенов Халандин ходит (VIII.4) именно для того, чтобы удовлетворить просьбы сородичей о шкурах и жилах (VIII.3).

³⁶ Как видим, рассказчик настойчиво подчеркивает, что Халандин уходит в свои описываемые ниже набеги на эвенов втайне от сородичей. Женщины, просящие его о шкурах и жилах, делают это отнюдь не потому, что полагают, что он собирается выходить на добычу, – они просят загодя, на всякий случай, и рассказчик специально оговаривает их незнание о том, что же собирается делать Халандин и когда он пойдет на охоту: «Просто так говорят. Не знают, собирается /ли/ ехать, куда-нибудь идти». Халандин выходит на добычу не сразу после таких просьб, а лишь «через некоторое время», и при этом именно «исчезает» для сородичей, т.е. не предупреждает их ни о

Пошел в ту сторону, к ламутам. Ламуты кочуют же с оленьим стадом. Он туда заходит, ходит. Некоторых ламутов убивает. Урасы вот сторожит, там /опорная/ палка /дверная/ есть. Он эту палку дверную поднимает, дергает. Ураса падает /на тех, кто в ней находится/. Ламутов некоторых убивает. Оленей сколько-то берет. Оставшимся людям /ламутам/, там другие тоже есть, /говорит/: – Оленей, – говорит, – гоните по моему следу! – ламутам /это говорит/. Эти гонят. Ламуты боятся же, /что иначе/ убьет всех он³⁷. Сюда /к стойбищу Халандина/ пригонят. Оленей всех убивали. Кто /из стойбища раньше/ сказал ему /Халандину/: «Шкуру или что там, жилы какой-то принеси», – всем раздаст³⁵. А кто не говорил так – ничего не дает.

– Что, Халандин, нам ничего не даешь?

– Вы же не говорили мне³⁸.

своим уходе, ни о том, что он намерен делать. Для чего рассказ вводит и акцентирует эти моменты, будет выяснено ниже, на с. 80.

³⁷ Итак, Халандин берет лишь «сколько-то» оленей у атакованных им ламутов и убивает лишь «некоторых» из них, хотя мог бы перебить «всех» ламутов атакованного стойбища и/или захватить всех их оленей. То обстоятельство, что оставленные им в живых ламуты могут попытаться отомстить ему, а вот перебив их всех (или всех их мужчин), он исключил бы такой риск, не имеет здесь веса ни для него самого, ни для рассказчика и аудитории; у юкагиров и большинства их ближайших соседей был достаточно устойчивый (хотя и знавший редкие исключения) обычай не истреблять поголовно атакованное и побежденное стойбище или всех его мужчин, независимо от того, существовала ли угроза дальнейших враждебных действий с их стороны.

³⁸ Обратим внимание на то, что с просьбами принести им что-нибудь к Халандину обращаются в этом рассказе именно женщины, причем, как ясно из контекста, женщины, находящиеся в особенно тяжелом и беспомощном положении: у них нет близких мужчин-добытчиков (в противном случае они бы и просили о шкурах и жилах не Халандина, а этих близких – мужей, братьев, отцов, сыновей), им остается полагаться лишь на скудное внутриобщинное перераспределение или на помощь какого-либо удачливого охотника, не входящего в их семью. Халандин раздает им (и только им) все, отнятое им у ламутов (то есть не только шкуры и жилы, а как раз прежде всего мясо, на которое он забивал, согласно VIII.4, «всех» добытых им в таких набегах оленей. Впрочем, просьба, непосредственно упоминающая только шкуры и жилы, могла подразумевать и мясо), но всем остальным людям стойбища, не просившим его ранее о помощи, не дает ничего из добытого им в этих его личных набегах, ничем не связанных с общинными предприятиями (Халандин даже не ставит сородичей в известность о своем намерении совершить такой набег и просто «исчезает» из стойбища без предупреждения, так что там и не знают, куда он делся). Таким образом, получается, что Халандин ходит в описанные набеги лишь ради самых нуждающихся (притом не по своей вине) женщин родного стойбища, но не ради кого бы то ни было иного (в частности, не ради своего рода в целом и не ради самого себя или своей семьи).

¹⁵¹ Потом кочуют они /Халандин с дочерями/. Девки есть у него, свои, родные /= две дочери, с которыми он кочует/. Кочуют они отдельно. Один раз тоже кочуют на оленях. У него есть там. На оленях кочует. В это время приходит какой-то человек. Высокий такой, телосложение здоровое, богатырское такое строение. Этот /=Халандин /:

– О, друг, – говорит, – откуда ты пришел?

– О, я с моря пришел. С Ледовитого океана³⁹, – говорит.

– Зачем?

– /За/ Халандином пришел. Халандин всех людей убивает. Я его возьму. За этим пришел, – говорит⁴⁰.

³⁹ Это указание однозначно подразумевает, что богатырь является чукчей: коряки (как и эвены) не могли бы приходиться от берега Ледовитого океана. И действительно, в последних фразах рассказа Д.Г. Дьячков прямо сообщает, что народ богатыря – чукчи: «Это чукчи, дочка».

⁴⁰ Построение первой половины рассказа VIII может создавать впечатление, что этот вражеский богатырь явился мстить Халандину за набеги, которые тот ранее совершал на ламутов, – так как кроме этих набегов, никаких иных конфликтов с участием Халандина перед этим не описывалось вовсе, так что в словах богатыря о том, что он явился мстить за погибших от руки Халандина, остается как будто видеть лишь намерение мстить за названные ранее убийства Халандином ламутов – ведь никаких других убийств выше не упоминалось. В этом случае, однако, останется непонятным, почему же чукча (каковым является богатырь, как видно уже из последних фраз всего рассказа: сообщая, как дочь богатыря возвращается к своим, Д.Г. Дьячков специально поясняет, что это именно чукчи) с берега «Ледовитого океана» является мстить за соседних с верхнеколымскими юкагирами ламутов. Кроме того, богатырь заявляет, что Халандин убивает «всех людей»; это явно относится как раз не к ламутам, так как, описывая набеги Халандина на них, рассказчик только что подчеркивал, что среди них Халандин убивает как раз не «всех», а лишь «некоторых», большинству же оставляет жизнь (хотя мог бы, действительно, перебить всех, и это осознают сами ламуты: «ламуты боятся же, [что иначе, если откажутся гнать за ним своих оленей,] убьет всех он»). Обратим внимание и на то, что в остальных рассказах вражеский богатырь, которого Халандин убивает при помощи хитрости с трубкой, представляет сторону, совершавшую набеги на юкагиров, а отнюдь не ту, на которую ходил набегами сам Халандин (а ламуты в рассказе VIII выступают именно и только в последней роли).

Вопрос окончательно выясняется финалом рассказа VIII, гласящим: «[Халандин сказал дочери убитого им богатыря:] “Сейчас вернись обратно в море [= к морю, к своим] и скажи, чтоб больше не приходили за Халандином. Это чукчи [были]... Поэтому-то Халандина боятся, не стали больше ходить”. Эти фразы подразумевают какую-то продолжающуюся вражду этих чукчей с Халандином; не только у данного богатыря, но и у его соплеменников имелись какие-то счеты с Халандином, и они отказались от дальнейших попыток сведения этих счетов из страха перед ним после того, как он убил их богатыря, предпринявшего было такую попытку. Такие счеты с Халандином могли возникнуть у чукчей «с Ледовитого океана», уж конечно, не из-за крайне удаленных от них и не имевших к ним никакого отношения ламутов региона Верхней Колымы, подвергавшихся названным в VIII.4 набегам Халандина, а лишь из-

– Ну, ладно! – говорит [Халандин].

– Ты знаешь Халандина? – /тот/ у Халандина спрашивает. Халандин говорит: – Я знаю его, я его работник. Я охочусь – всю охоту /= добычу/ мою он забирает, – говорит. – Чуть-чуть /= едва/ живу. [Ко] мне как работнику лезет, иной раз убьет /= чуть не убьет, бьет до полусмерти/, если мало убью /добычи/!

– Я ему покажу! – говорит /тот человек/.

Они кочуют. Халандин тоже кочует с девками, с дочками. А тот тоже с дочкой кочует. На оленях же. – Далеко, нет? – спрашивает он. – Нет, недалеко. Завтра доедем, – говорит, – наверно.

– Ух, как хорошо было бы доехать. Хорошо.

Халандин утром встал, одел щетки. Говорит своей дочери:

– Если я его убью, то щетки сделаю вниз. Так приду. Если видишь – я так иду, ты встань, иди к той дочке /его/, девке. Режь сколько тебе нужно оленей, – говорит. – Там они привязаны друг у друга. Режь, – говорит

за гибели от рук Халандина сородичей, соплеменников или союзников самих этих чукчей. И действительно, финальной фразе Д.Г. Дьячкова: «[Чукчи] не стали больше ходить» однозначно соответствуют в других рассказах о Халандине финальные фразы о том, что соплеменники богатыря с его смертью прекратили набеги, которые они ранее систематически совершали на юкагиров (рассказы II, III, VII, X, аналогично в XI, см. с. 142–143). Характерно, что Л.Н. Жукова, записавшая рассказ Д.Г. Дьячкова, общавшаяся с ним и представлявшая, что он имеет в виду, помещая в популярном издании этот рассказ в литературно отредактированном виде, последнюю его фразу передала так: «*С тех пор чукчи перестали на юкагиров нападать*» [Хозяин земли 1994: 83, курсив наш]. Как видно из сказанного, в рассказе VIII, как и в прочих, вражеский богатырь представляет сторону, совершавшую набеги на юкагиров, и по сюжету этого рассказа чукчи до убийства этого богатыря Халандином нападали на юкагиров, а после его убийства прекратили эти набеги. Между тем ни о чем подобном рассказчик ранее не говорил – речь у него шла лишь о нападениях самого Халандина на ламутов. Это значит, что рассказчик просто не упомянул по ходу своего изложения обсуждаемые нападения чукчей на юкагиров, но сам сюжет его рассказа однозначно их включал (такие пропуски прямого проговаривания некоторых подразумеваемых фабулой событий при изложении соответствующих сегментов фабулы – не исключение в юкагирском фольклоре). А это, в свою очередь, значит, что заявление богатыря-чукчи в VIII.5 о намерении мстить за убитых к тому моменту Халандином «всех людей» относится на деле отнюдь не к ламутам, которых убивал Халандин в VIII.4, а к чукчам, убитым Халандином при отражении вышеназванных нападений чукчей на юкагиров, в рамках фабулы как раз имевших место до момента, отраженного в VIII.5, и лишь не описанных рассказчиком эксплицитно. Иное впечатление может возникнуть только потому, что рассказчик не говорил об этих нападениях прямо, так что единственными убийствами, упомянутыми рассказчиком до убийства самого богатыря, оказываются убийства Халандином ламутов. На деле же сюжет рассказа VIII в разбираемом аспекте аналогичен истории Халандина и богатыря в других рассказах: богатырь представляет сторону, нападавшую на юкагиров, и с его гибелью эти нападения прекращаются.

/Халандин дочери/, – и возьми себе. Скажут: «Что делаешь, друг?» – скажет /та/ девка. Скажи: – Не видишь, мой отец твоего отца убил!

Так утром они пошли. Халандин оставил, ножичек оставил дома. И трубку, такая деревянная трубка была раньше, палками /=щепой/ забил, чтоб дым не проходил. Халандин идет: – Вот сейчас пойдём в ту сторону, такое чистое место, в тундру попали. В той стороне возвышенное место. Он там сейчас. Ближе осталось. Сейчас отдохнем.

Халандин вперед идет, смотрит. Тальник такой растет, тонкий. Смотрит. Он немножко прошел, сел. Этот друг сзади идет, близко /от/ тальника сел. /Халандин/ говорит:

– Табак курить начнем.

Этот взял свою трубку. Халандин тоже взял трубку так. Курить хотел, дует – ничего не идет даже. Все забито же там.

– О, – говорит, – эта хамса /трубка, якутск./ забита. – Ножик взял [=взять хотел, взялся было], /чтобы прочистить трубку, а его нет/. – Вот, едрена палка! От Халандина даже ум потерял. От Халандина: все меня бьет, гоняет. Ножик даже не взял! – говорит. – Друг, будь добрый человек, твой ножик дай мне, я хамса /трубку, якутск./ буду ковырять.

[Тот дал]. Он ковырял – нет, не идет. Халандин говорит:

– Друг, за тобой тальник. Его поломай, пожалуйста! [чтобы новую трубку сделать]. Он повернулся. В это время Халандин взял, ножом прямо в сердце [его ударил]. Этим большим ножиком, кинжалом. Насквозь прошел. Халандин обратно взял ножик, выбросил, сколько силы есть. Тот взял его, Халандина, прямо так [поперек тела] и туда побежал, где ножик. Ножик хотел взять, упал и умер. Так.

Теперь, значит, Халандин курил, сел как следует. Победителем стал. Пошел обратно. Идет. Сапоги сделал вот так, вывернул обратно /голенищами вниз/. А та /Халандинова/ дочь увидела – отец идет так, стала колоть той девки оленей, отрезать.

– Что делаешь? – говорит [та].

– Не видишь, что мой отец твоего отца убил?

Она заплакала просто. Халандин пришел, [говорит] /дочери того богатыря/:

– Сейчас вернись обратно в море /= к своим, к берегу океана/ и скажи, чтоб больше не приходили за Халандином.

Это чукчи /были/, дочка /= обращение к собирателю/. Поэтому-то Халандина боятся, не стали больше ходить.

IX (В.Г. Шалугин, а)

Рассказ: Шалугин Василий Гаврилович, 1934 г.р. (1934–2002 г.г. [Прокопьева 2011б: 26; ср. ФЮ: 496]), 1997 г., Якутск. Запись: О.С. Чернецов, на русском языке. Издание: /Л.Н. Жукова/. Сказания старины. Атыляхан. Исторические предания лесных юкагиров // Илкэн 3 (176). Март, 2014. С. 28–29. Воспроизводим полный текст этой публикации.

/с. 28/ Эти удивительные предания лесных юкагиров, записанные от знаменитого пропагандиста родной культуры Василия Шалугина, принесла ученый, большой энтузиаст, постоянный автор нашей газеты Людмила Жукова. Спасибо Вам большое!

¹ Атыляхан⁴¹ был учителем Халандина. Халандин – это наш национальный юкагирский герой. Он защищал бедных, обиженных людей, мстил за них. Грабил чукчей и коряков, что на побережье жили, которые набеги совершали на оленях зимой. С ними дрался, грабил, убивал их так же, как и они юкагирских бедняков, которые жили в верховьях речек в своих зимовьях, которые жили, спокойно промышляя на своей территории белок, лисиц, горностаев; добывали сохатых. На больших горных массивах – где жили дикие олени – их добывали они. Рыбу ловили. Рыбы обилие на нашем юкагирском плоскогорье. В это юкагирское плоскогорье река Омолон целиком входит до среднего течения, Колыма и к ней примыкающие речки как Зырянка, Ясачная, Россоха, Омулёвка, Налучье, Умога, Коркодон, Столбовая, Налучье опять, /западн./ Мургали, речка Воловичан.

Такие речки как Коркодон, Поповка, Шаманиха, Омулёвка, Олгуя, Россоха очень много имели ответвлений, как говорится, притоков. Все эти речки впадали в Колыму.

[Названия] Всех этих речек, где жил Атыляхан, я сейчас не могу вспомнить. Это рассказывали очень давно, редко. С некоторого времени рассказывали про Халандина, что он таким грабителем был. Давно рассказывали об этом. Вспоминают и рассказывают.

² Так он жил, этот Атыляхан. У него было три сына. К ним издалека приезжали на лошадях, на оленях. Этот человек, говорят, был сильный человек. Атыляхан в переводе со старинного юкагирского на современный означает: «Атыл» – нет, «яхан» – это значит «не дошедший» или «не дойдя

⁴¹ Вероятно (хотя сам рассказчик этого не помнит, см. прим. 42), это историческое лицо – действовавший ок. 1700 г. и далее Атыляхан, сын Табушкана (основателя Заячьего рода колымских юкагиров; в преданиях юкагиров они оба могли переноситься на более раннее время, к моменту утверждения русской власти на верхней Колыме, т.е. к середине XVII в.), см. о нем с. 8 сл.

до места»* /здесь, видимо, смысл “досрочно”, “прежде времени”/. Он что хотел делать – делал моментально. Вот такой он был способный человек.

– Почему он так делал, – говорят некоторые, – наверное, был шаманом или вот таким (разных рангов эти люди) гипнотизёром?

Но все равно – дело делалось так, как он захотел. Например, на какой-то речке [надо] заезку** сделать, чтоб рыбу ловить. Люди пока собирались: «вот, мол, в этот срок сделаем», а времени совсем мало оставалось, он как будто туда собирался ехать, а пока до этого места эти люди доезжали – он уже там успевал все сделать – лови рыбу, таскай!

По всем речкам было ихнее [семьи Атыляхана] жильё: урасы, может дома типа старых избушек, сделанных из бревен. Или же, когда идти на сохатого охотиться, он [Атыляхан] тянул, как будто собирается идти, и непонятно: то ли пойдёт, то ли не пойдёт. Вот так вроде бы: что наметил – то всегда сбывалось. Вот такой он был человек.

Сыновей у него было трое. Каждый из них сохатого как зайца таскал, или рассказывают, что трех сохатых вместе связывал и таскал их – и хоть бы что! Одежда у них была такая: по три слоя сохатиной шкуры. Это осенний мех. Три слоя – это, наверное, около 6 сантиметров. Подошва сама вот такая и штаны из хорошо выделанной шкуры. Ничему не поддавались. И холод не проникал, и вода не проникала. Ну, вода, конечно, может проникнуть, но все равно сутки могут выдержать. А они же сушили их.

Рассказывают, сыновья [Атыляхана] расселились в разных местах. Он с младшим сыном был. Вот старуху его не помню. Конечно, была она, наверное, но очень плохо помню. Потому, наверное, что меня интересовал этот старик и его сыновья. Почему-то они были очень сильные. Из рассказов я слышал, что он, этот старик, наверное, спортом занимался. Тренировал своих детей. Физически выносливые они были. Заставлял их тренироваться. Ходили они и тяжести таскали, боролись, прыгали и бегали. Они были очень физически развитые люди и очень расчетливые люди, умные были. Просто так они никуда не могли время тратить и зря ни за что не брались.

Вот такой этот старик [Атыляхан] был. Тренировал он своих. Сам он тоже очень большой богатырь был. Говорили, что его следы везде есть, следы Атыляхана. Где он их оставил – они вечно остаются. Например, говорят, Дэвенис (неразборчиво. – О/лег/ Ч/ернецов) – это где-то в Магаданской области. Это местное название. Это, наверное, начало Черского хребта, и дальше – Яблоновый хребет. В тех местах, говорят, есть его дорога, [по-над] скалистыми горами скалы – а там сверху его дорога где-то, наверное, в этих каньонах магаданской трассы. Там дальше, наверное, Алданское нагорье, поэтому, значит, говорят, тоже оттуда знают они, что там такие горы есть. Но они, эти древние старики – почему они могут знать, что Алдан – есть самый высокий хребет тоже? Куда он выходит, я сейчас

не знаю, конечно. Но они издалека, говорили, это казалось видно – это хребтовая гора.

И вот, этот Атыляхан-старик многих людей богатырями воспитал.¹³¹ Наверное, одним из последних был Халандин. Он его с 13 лет года четыре тренировал. А сам Халандин родом из омонских юагиров.¹⁴¹ Это все Юагирское плоскогорье не имеет никаких хребтов, горы все малые есть, но невысокие. Остальные все обросшие тайгой. Вот такие горы. Там диких оленей вдоволь, разный пушной зверь. Рек сколько. Все обитаются: лоси, дикие олени. Много находится в них рыбы и до сих пор сохраняются, конечно.

¹⁵¹ Этот Атыляхан – кто он – юагир, якут или эвен, я не знаю⁴². На состязаниях, говорят, Атыляхана сыновья первое место заняли на лошадах⁴³, то на борьбе заняли первое место, то еще на чем-то первое место занимали. Всегда. Из этих рассказов я выделил Халандина.¹⁶¹ О Халандине очень много рассказывали как о национальном герое, как о богатыре, как об умном и справедливом человеке. Ну, я не сказал бы, что справедливо он действовал. Защищать – защищал бы, но он страшно людей грабил. Разграбит – но себе ничего не брал. Разделял он. Вблизи находившимся людям говорил он:

– Возьмите и разделите между собой.

Он не жалел никого [врагов]. Пощады не имел. Сколько раз его хотели уничтожить. Но он своей хитростью, своей выносливостью, силой – он все преодолевал. Вот всю, наверное современную борьбу – он всю

⁴² Фраза, свидетельствующая о значительном разрушении фольклорной традиции, по крайней мере в части, относящейся к ведению устных списков былых старейшин и счету их поколений. Еще в конце XIX в. верхнеколымские юагиры хорошо помнили и сообщали В.И. Йохельсону, что Атыляхан – это сын Табушкана, основателя Заячьего (Ушканского) верхнеколымского юагирского рода, и тем самым предок в 5-м колене князца, возглавлявшего этот род к 1900 г. (тогда Заячий род уже вообрал в себя всех верхнеколымских юагиров) [Йохельсон 1900: 83; 90, прим. 22], и, вероятно, именно этот Атыляхан имелся в виду в сюжете, излагаемом В.Г. Шалугиным (см. с. 106 сл.). Если такой выдающийся знаток родного фольклора, как В.Г. Шалугин, не знал менее ста лет спустя после времен В.И. Йохельсона, был ли Атыляхан вообще юагиром, эвеном или якутом, то лишь в силу потерь, понесенных юагирами и юагирской традицией в XX в.

Добавим, что в 2001 г. П.Е. Прокопьева записала от В.Г. Шалугина и другой рассказ об «Атиляхане» – воспитателе молодых охотников (не опубликован). Несомненно, это тот же персонаж, о котором В.Г. Шалугин говорит в нашем тексте IX. В указанном рассказе 2001 г. В.Г. Шалугин тоже сообщал о необычайно сильных сыновьях героя. Люди, по его словам, приводили к Атиляхану своих сыновей с просьбой обучить их охотничьему искусству: «Говорили, нашего ребенка, мол, научи, каково в лес ходить, в лесу как будешь ходить, что будешь держать, что будешь делать, если, мол, случится плохое» [ПМП].

⁴³ Анахронизм, аналогичный отмеченному в прим. 20.

знал. Драться умел и человека узнавал, что /с. 29/ он думает. Думает человек о чем-то – он издалека узнавал.

¹⁷¹ У Халандина было три брата, сестра и отец с матерью. Они на Омолоне жили. И вот братья все перебрались через некоторое время, в Коркодоне остались, а вот он приехал на Омулевку [юк. название реки]. Там он женился и род его до сих пор сохранился. ¹⁸¹ Род этот Дьячковых. Род Халандина. Кровь Халандина. Было это до [недавнего времени] сейчас, конечно, не помню, но есть, конечно, их родственники. Но мужчин нет. Одни женщины остались. Люди этого рода очень строгие по отношению к людям. Справедливости, конечно, у таких строгих людей очень мало. Они не считаются с мелочами. Они только крупные считают. А с мелочью они не считаются [т.е. все действия по отношению к роду Дьячковых других людей те принимают как крупное оскорбление в свой адрес].

И сейчас даже. Человек случайно, может, взял и пошел по их тропе – это, значит, уже он нарушил. В действительности так, но он по необходимости, чтобы путь укоротить до своего места – он так проезжал. Из-за этого конфликтная ситуация получается. Где ихние перебранки, иной раз до драки доходило. Все равно они говорили:

– Если он ничего и не взял – все равно он нам ненавистен.

Вот черта Халандина в этом заключалась. Что он, раз его тронули, он совсем ненавидел их и говорил, что они неправильно действовали. Он же свои намерения считал правильными. На этом кончу⁴⁴.

⁴⁴ Этот отзыв рассказчика перекликается с позицией, выраженной в сказаниях тундренных юкагиров об Эдилвзе. Тот осуждается за то, что уничтожал чересчур много врагов и действовал против них слишком тотально, и, кроме того, всякое нарушение границ угодий своего племени чужаками-чукчами расценивал – по требованию своих людей – не просто как нарушение, требующее разбирательства (которое, вполне возможно, кончилось бы компромиссом), а как дело, требующее категорически и без прелиминарий уничтожить пришельцев, даже если они нарушили границы не с собственно враждебными целями, а чтобы мирно поселиться рядом (что в любом случае было нарушением границ, но необязательно должно было разрешаться войной) [ФЮ: 167, 169]. Слова В.Г. Шалугина о суровых обычаях Халандина и его потомков имеют аналогичный смысл и тоже упоминают нарушение границ охотничьей территории как повод для конфликта, который, однако, не следовало бы всегда и разрешать конфликтом (ниже пояснения в круглых скобках – наши, слова В.Г. Шалугина выделены курсивом): *«Люди этого рода очень (=слишком) строгие по отношению к людям. Справедливости (настоящей), конечно, у таких (излишне) строгих людей очень мало. Они не считаются с мелочами (детальями). Они только крупные [вещи] считают (=все сразу возводят на принципиальную высоту по формальным критериям, не различая оттенков). А с мелочью (детальями, меняющими дело по сути) они не считаются. Человек случайно, может, взял и пошел по их тропе – это, значит, уже он нарушил (границы их рода). В действительности так (то есть это и в самом деле нарушение, это правда), но он [это сделал] по необходимости, чтобы путь укоротить*

В. Г. Шалугин.
Записал со слов на русский язык и обработал Олег Чернецов.
Г. Якутск, 1997 г.

/с.28/ *Это народная этимология. Возможно от ‘эт’ – частица ‘бы’, сослагательное наклонение, ‘эл’ – отрицательная частица, ‘йаха’ – ‘дойти, добраться’. Атыляхан – ‘эт эл йахай’ – ‘не дошел бы’ (комментарий П.Е.Прокопьевой). ‘Йаха’ – со слов В.Г. Шалугина, так называют якутов лесные юкагиры.

** Заезок (рус.) – перегораживание реки рядом кольев, переплетенных жердями со вставными ловушками-мордами. – Л/юдмила/Ж/укова/.

до своего места – он (просто) так проезжал (а не поступил так для того, чтобы воспользоваться ресурсами чужих угодий; формально это все равно нарушение, но ведь сам запрет заходить на чужие тропы диктовался именно желанием охранять свои ресурсы, так что реакция на обсуждаемое нарушение чужих границ – не преследующее целей посягательства на чужие ресурсы и фактически безвредное для всех – по существу должна была бы оказаться не такова, как на действительно причиняющее ущерб нарушение границ, предпринятое ради использования чужих ресурсов. Между тем люди, о которых говорит В.Г. Шалугин, ставили на первое место сам факт нарушения границы, не делая поправку на его цели и характер, «из принципа»). Из-за этого конфликтная ситуация получается, где ихние перебранки, иной раз до драки доходило. Все равно они (люди рода Халандина) говорили: – Если он (нарушитель) ничего и не взял (=ничего не добывал на наших угодьях) – все равно он нам ненавистен (то есть сам факт нарушения границ люди рода Халандина ставили намного выше того, мог и хотел ли при этом человек причинить тот ущерб, ради охраны от которого, собственно, в первую очередь и вводился запрет на подобные нарушения). Вот черта (= отличительная черта) Халандина в этом заключалась. Что он, раз его (за)тронули, он со всем (= сразу и полностью, из принципа, не умеряя вражду соразмерно деталям дела по существу) ненавидел их (нарушителей каких-то правил по отношению к нему) и говорил, что (это) они неправильно действовали, он же свои намерения считал правильными».

Отметим, что согласно рассказчику, излишняя и осуждаемая им суровость рода Халандина выражалась обычно лишь в перебранках, и лишь «иной раз доходило и до драки» – но не более. Традиционное юкагирское уважение к человеческой личности и жизни оказывалось таким, что рисуя даже и излишне суровых, по его мнению, людей, рассказчик не приписывает им большей конфликтности, чем словесные ссоры и изредка – драки. Из слов В.Г. Шалугина следует также, что среди самих верхнеколымских юкагиров были разные взгляды на подобные вопросы: менее ригористичные, как у самого В.Г. Шалугина, и более ригористичные, как у потомков Халандина, какими В.Г. Шалугин их описывает (причем, судя по выражениям рассказчика, среди верхнеколымских юкагиров доминировали именно менее ригористичные взгляды, поскольку принципиальную жесткость реакций Халандина и его потомков В.Г. Шалугин рисует как отличительную черту Халандина и его рода, выделяющую их по сравнению с большинством).

X (В.Г. Шалугин, б)

Рассказ: Шалугин Василий Гаврилович, 1934 г.р. Запись: О.С. Чернецов, на русском языке. Издание: /Л.Н. Жукова/. Халандин. Исторические предания лесных юкагиров // Илкэн 4 (177). Апрель, 2014. С. 27–29. Воспроизводим полный текст этой публикации.

/с.27/

Эти удивительные предания лесных юкагиров, записанные от знаменитого пропагандиста родной культуры Василия Шалугина, нам передала ученый, большой энтузиаст, постоянный автор нашей газеты Людмила Жукова. Спасибо Вам большое!

¶ Давно, рассказывают, был человек. У него мать, отец были, братья, сестры [сестра]. Он был семейный человек. Он выделялся своей ловкостью, силой, выносливостью. Он мог в день по вершинам 7 рек проходить. По одной речке спустившись, по другой подняться. Так и обратно. В общем, расстояния он проходил очень большие. Раньше не считали, сколько он проходил. Говорят, что от вершины Поповки до вершины Шаманихи мог добраться, а от Шаманихи – куда-нибудь еще дальше. Вот какой был человек.

Он был сильный, выносливый, на лыжах хорошо ходил, способностями воина обладал. В давние времена были такие люди сильные, выносливые, хорошо соображающие. Часто он оставлял своих родных, уходил. Один год жил у омонских своих сородичей, один год на Колыме, один год на Ясачной, на Коркодоне один год. Эти расстояния по тем временам считались очень большими. Это сейчас техники полно. Рассказывают: вот здесь он прошел с Колымы на Омон, с Омолона сюда пришел – так рассказывают.

^[2] И вот так юкагиры ходили, состязания весной устраивали на лыжах, летом на ветках ездили, через волоки их тянули, хотя там расстояния далекие были. Вот так ходили они. Он [Халандин] искал и находил сильных, выносливых людей, словно он собирал воинов. Вот в этом месте такой человек есть, в этом году туда пойду; в другом месте тоже такой же человек есть – туда пойдет. Количество этих людей постепенно увеличивалось. ^[3] ^[3a] Тогда раньше набеги бывали со стороны чукчей, коряков. Они много ущерба наносили безолненным юкагирам.

^[3b] В одно прекрасное время на реку Коркодон коряки пришли. Говорят, очень много кочевых юкагиров, которые на собаках кочевали, убили, пушнину всю забрали, сами ушли. В общем, грабежом занимались.

^[4] Вот он [Халандин] с некоторыми своими товарищами договорился: «Давайте за ними [коряками и чукчами] охотиться».

Однажды на разведку пошел он, искать, где расположились грабители. Дошел до этого места, посмотрел – олени очень большие, большое стадо. Пастухов не видно. Он обходил те места, где олени копают снег глубокий, и запоминал все. Где можно пройти, где нельзя.

В одном месте он увидел несколько яранг. Людей там человек 20 он насчитал. Понял, кто главный из них, из тех, кто набеги делает. Посмотрел и пошел по направлению к одной яранге. Никто не заметил, как он подошел. Он не был подготовлен, чтобы с ними расправиться.

Зашел в ярангу. Как только зашел – поздоровался. Они оказались очень гостеприимными людьми, по-старинному говорили. Они его приняли, посадили на середину жилища, угостили, спрашивали:

– Где живешь? Откуда пришел? Чем занимаешься?

Он их заинтересовал и сам заинтересовался: как такие добрые люди могут таким делом заниматься – убивать стариков, женщин, пушнину их забирать, что они зимой заготавливают. Весной река вскрыется [купцы приедут]. На эту пушнину они [юкагиры] купят себе дробь, порох, капсулы и такие продукты как чай, табак – все что им необходимо. Тогда муки, конечно, мало было. Привозили с материка. Тяжело доставалась.

И вот сидит он и видит: в юрте все новые и новые люди появляются, одни выходят, другие приходят. Скоро почти все вышли. Стало просторней. Он здесь только на юкагирском языке разговаривал, но хорошо понимал и по-эвенски и по-чукотски. Слышит, о чем те договариваются. Говорят, что «человек он не тот, за которого его принимают, что-то в нем есть опасное. Неспроста он сюда пришел. Его надо убить».

Посмотрел – все дряхлые женщины из юрты [по одной] выходят под разными предлогами, а мужчины приходят. По их разговору он понял, что его убить хотят. И подумал, хорошо, что он сидит посредине яранги. Если бы он возле стенки сидел – его уже давно через нее можно было бы ножом убить (проколоть). А мужчины располагаются вдоль стенок и у входа, так что выйти ему было невозможно.

Чтобы усыпить бдительность врагов, он сделал вид, что задумался. Тем временем он очищал ножом палочку и изредка посматривал вверх на дымоходное отверстие, отыскивая взглядом, где хорошо, где плохо привязанная палка [где толстая, где тонкая жердь]. Люди, которые расположились вдоль стенок, видя, что он не проявляет никаких действий, сели прямо на шкуры. Подогнув под себя ноги, они сидели так.

[Халандин] посмотрел: один выход здесь имеется – [дымоход]. «Меня не выпускают так, придется прыгать через него».

Он вложил нож в ножны и внезапно прыгнул, схватившись руками за толстые жерди, в сторону дымохода, и, разрывая плечами нитки, выскочил из яранги (скатился вниз). И побежал, разбрасывая ногами снег.

За ним погнались. И несколько раз набрасывали на него маут. Но он перерезал их ножом и убежал.

«Ну, – подумал он, когда ушел от преследования, – теперь я с вами рассчитаюсь. Мы остаемся явными врагами». ¹⁵¹ Дошел до своих, своих двух надежных людей позвал. Двоих друзей. Их трое стало.

В одно время они пошли. Дошли до того места, откуда он убежал – там уже ничего не было. На другой день в другом месте посмотрели, куда те откочевали, пошли по следу, где олени снег копали и нашли их. И вот стали дожидаться темноты. Решили: «когда станет темно – будем действовать».

Вот стемнело. Осторожно они подобрались к первой яранге, где находился самый главный [предводитель рода]. Он [Халандин] повалил ярангу и выхватил свой длинный нож. Когда яранга упала, начали люди кричать. Где шевельнутся – он насквозь протыкал шкуры и человека, барахтавшегося под ними. Там, и там, и там... Он осторожный был, его могли тоже ударить. Посмотрел – ни звука. Все мертвы. Потом он подошел к своим друзьям и сказал им, чтобы тех, кто выскочит из яранги, они добивали из луков стрелами. Подошел ко второй яранге и всех перебил. Тихо без шума. Он к третьему подошел. Там тоже всех перебил. Около 20 человек. Ни детей, ни женщин не оставил. Свое дело сделали и поехали.

Это были коряки. Они, оказывается, специально ездили вдоль Колымы, отбирали пушнину и уходили. ¹⁶¹ Много раз он [Халандин] так ходил. А кто он был такой – никто не знал. Родственники его никому об этом не рассказывали. Он своим людям говорит:

– Обо мне ничего не рассказывайте, кто я такой и где живу.

Вот такой он был человек. Несколько раз он выручал своих людей. С теми, которые юкагиров убивали, он вот так рас-/с. 28/считывался.

¹⁷¹ Однажды, когда его не было дома, пришли коряки и стали спрашивать отца с матерью, где ваши дети, где они, что делают (тогда Халандин не женатый был). Отец с матерью сказали, что к невесте поехал, где-то там находится, а когда приедет – нам не сказал. Каким-то образом коряки догадались, что это были отец и мать Халандина, и убили их, а потом убили всех его родственников.

Халандин приехал туда к ним [вернулся] и узнал о случившемся. Уцелевшие юкагиры рассказали ему, что его отец, мать и родные убиты коряками. ¹⁸¹ Он, разгневавшись тогда, теперь уже открыто собрал лучших воинов-охотников и с ними вместе пошел на коряков. Он грабил, а их оленей разгонял.

Однажды такая война была. Юкагиры скрытно подошли к корякскому становищу и окружили его. Там 7 яранг стояло. Подождали. Никого нет. Все оленей своих собирать ушли. А в этом становище жили трое самых отъявленных грабителей-коряков. Они разбоем занимались

давным-давно и Халандина самого знали. Халандин со своими воинами под снегом до одного чума добрался и там увидел тропу. Коряки по ней грабить ходили. Придут и уходят, придут и уходят. А после привозят пушнину, женщин, девушек молодых, которых брали себе в жены.

В одно прекрасное время, когда коряки возвратились с награбленным, а потом опять пошли, он [Халандин] со своими людьми за ними пошел. Те [коряки] тоже были большие мастера, [быстрые] выносливые были. Километров за 100 ходили. Он их догнал. Когда к ним приближался, смотрел на них, они в это время на коленях ползали, на наст ложились и рассматривали следы от лыж, куда юагиры пошли. Где прошли – там дорога [след блестел] на снегу. В это время их догнали. Стрелами с ядом всех перебили. Это было на Омолоне. Потом в верховья пошли, там опять наткнулись на многочисленное войско коряков. Там они 3 дня друг за другом охотились. [Юагиры коряков] кое-как перебили. Те на оленях приехали, а вместе с ними тундровые чукчи. Они тоже юагиров грабили. Пушнину, рыбу брали, девушек с собой уводили.

Там как все происходило? В одном гористом месте в устье одного ключа чукчи и коряки расположились ярангами. 7 или 8 яранг [поставили в своем становище]. Ярость Халандина и его воинов была так велика, что он не стал дожидаться ночи, а прямо днем открыто напал на коряков (грабителей). Они ведь у Халандина убили отца с матерью и родных. Он не знал жалости тогда. Юагиры всех перебили своими топориками (пальмами, копьями), по 15–20 человек убивал⁴⁵. Все награбленное юагиры забрали с собой.

⁹¹ Судя по рассказам, он многих грабителей убил. Везде – и по Колыме, и по Ясачной, и по Омулевке, и по Россохе, до момской границы – пощады от Халандина не было никому. Он убивал и одиночных грабителей. Кулаком убивал, копьём гарпунил их. В это время Халандин женился здесь. Некоторое время он и жену и детей возил за собой. Потом оставил их в надежном месте на реке Ясачной. В верховьях [ее], где древние юагиры собирались на весеннюю охоту на диких животных. Чтобы продуктов питания хватило до вскрытия льда и пока рыбу не поймают – мясо заготавливали. Разные приспособления для нарт, для карбасов, для веток, весла [делали].

¹⁰¹ На это место однажды коряки приехали, грабители. Он семью свою оставил и пошел вместе с воинами на то место. Юагиры увидели вместе с коряками чукчей <[и эвенов]>⁴⁶. Они, оказывается, раньше так

⁴⁵ Видимо, смысл: каждый убивал по 15–20 врагов.

⁴⁶ Первопубликатор добавил здесь предположительное восстановление «эвенов» в квадратных скобках, так как в следующем же пассаже рассказчик при общей характеристике ситуации говорит: «По тем местам раньше ходили грабители: чукчи прибрежные, тундровики, эвены, которые объединялись с коряками». Однако во всем

делали. Сейчас тоже приехали чтобы, забрав все, на оленях увезти. Все награбленное. И вот здесь Халандин со своими людьми договорился, как отразить их нападение и как напасть на них.

Это было примерно в верховьях Ясачной через все перевалы, верховья Поповки до Коркодона – так они шли. Одна база у чукчей, которые шли с оленями, была примерно около вершины [верховьев] /западн./ Мургаги. Там оленья пастбище богатого оленевода Петерги (а после уже колхозное пастбище стояло). По тем местам раньше ходили грабители: чукчи прибрежные, тундровики, эвены, которые объединялись с коряками.

Халандин со своими людьми отсюда [откуда? от верховьев Ясачной?] до вершины пошел туда [куда? на верховья Поповки?]. Смотрит: на Поповке грабеж, людей [юкагиров] убили. Потом дальше они к верховьям Поповки пошли. На перевале увидели, что коряки там свою базу поставили⁴⁷. Юкагиры и базу заметили, за ними наблюдали. Увидели,

остальном изложении рассказчика, помимо этой фразы, и раньше, и позже, врагами Халандина и грабителями выступают только чукчи и коряки, а эвены описываются (X.16) как симбиоты юкагиров, уважавшие Халандина вместе с юкагирами и противопоставленные чукчами и корякам: в результате побед Халандина эвены разжились оленями чукчей и коряков и постепенно «ожили» (из этих выражений видно, что здесь эвены и сами мыслятся как жертвы набегов чукчей и коряков). В одном месте рассказа (X.13) эвены спрашивают юкагиров об их предводителе: «Кто ваш предводитель? Кто такой умелый?» – но из контекста не ясно, говорят ли они при этом с юкагирами как враги или просто как встречные, и описание склоняет скорее ко второму пониманию. Как видно, в данном рассказе В.Г. Шалугин исходит из картины, в которой Халандин и юкагиры сталкивались в борьбе с чукчами и коряками, но не с эвенами, и лишь под влиянием других преданий у рассказчика проскользнуло упоминание и эвенов среди «грабителей» (но и то лишь постольку, поскольку они объединялись с коряками, то есть речь идет лишь о части колымских эвенов, вступавшей в такие союзы) – очевидно, с тем подразумеваемым смыслом, что если Халандин и сталкивался (бы) с какими-то эвенами, то не в качестве агрессора, а, наоборот, борясь с их агрессивией (само повествование рассказа X таких столкновений не упоминает, но рассказчик, естественно, держал предания о них в голове, тем более что в другом рассказе, IX, тот же В.Г. Шалугин рассказывает о Халандине существенно иначе и как раз говорит о подобных столкновениях – но тут уж осуждает за них Халандина, см. с. 44–45, IX.6, ср. 8). Наконец, из-за оборота «раньше» в обсуждаемой фразе X.10 об участии каких-то эвенов в набегах коряков мы даже не можем быть уверены, что эта фраза относится к ситуации, вовлекавшей Халандина, а не к какому-то иному, неопределенному месту и времени в прошлом: рассказчик мог иметь в виду лишь то, что вообще в прошлом, «раньше», по данной местности проходили маршруты набегов самых разных групп, в том числе и неких эвенов, присоединявшихся к корякам в некоторых их набегах, – а не то, что указанные набеги с участием эвенов как-то затрагивали Халандина и его людей или вообще имели место в пору жизни Халандина (см. подробно с. 82, прим. 82).

⁴⁷ Та самая «база» у истоков /западн./ Мургаги, о которой говорилось ранее. Смысл предыдущей фразы – уже пройдя какое-то расстояние вверх по Поповке и

что коряжки, оказывается, по другому пути пошли, в сторону устья Поповки. Оттуда они, наверное, добраться хотели на Шаманиху и на Ясачную, где старое Нелемное.

Халандин со своими людьми за ними пошел. Вокруг раньше не горело, никакого пожара не было. От основной своей стоянки (где было много оленей) коряжки поехали вниз к устью Поповки на оленях. Здесь юкагиры их догнали. Три дня они дрались. Это было зимнее время. У юкагиров что – лыжи. Еда – что сами добывали на ходу. Вот такие они были выносливые люди. Что за день добудут – этим питались. А с собой они ничего не возили. Кроме своих пик, луков, стрел и топориков. Это место называется сейчас «Низложенный».

Юкагиры, которые жили возле устья Поповки, узнав об этом (о битве) послали своих людей на помощь. Из Шаманихи на помощь пришли. Неподалеку отсюда на Червенэ [р. Черная?], на Омудевке которые жили [юкагиры] – люди тоже пришли. Не простые, конечно, люди, а которые по вершинам семи рек, трех рек за день проходили. И вот, когда помощь пришла, Халандин сказал:

– Всех сгоним отсюда! Так сделаем, чтобы они в другой раз сюда не приехали.

Мудудтюга это место сейчас называется. Извилина такая большая под горой. Там юкагиры одержали победу, всех грабителей убили. Некоторым удалось на оленях уйти от них. Остальное стадо свое они бросили. Дальше по той же дороге побежали. Где-то в стороне верховьев Столбовой у них другая база была. [Юкагиры] через Колыму их преследовали. Тех оленей и все награбленное юкагиры себе забрали. Это богатство и было в действительности их, ограбленных юкагиров. Оленей разделили между собой поповские, ясачненские, омудевские юкагиры. Теперь у каждого оленя были. Обучили они их.^[11] Халандин такой был человек: оленя мог обучить и ездить. По тогдашним временам он и сохатых догонял. Такой выносливый был.

^[12] Он тогда и за семьей съездил, с хорошими людьми познакомился. На всякий случай. Может, придут коряжки, его убивать будут, семью его убивать будут⁴⁸. Коряжки такие были, что ни стариков, ни детей – никого не жалели.^[13] За это здорово обозлились они [грабители] и его преследовать стали.

обнаружив следы грабежа и убийства, Халандин и его товарищи пошли еще дальше вверх по Поповке («потом дальше они к верховьям Поповки пошли»), к ее истокам, т.е. именно к упомянутой базе у истоков Мургали.

⁴⁸ Смысл этих фраз, очевидно, в том, что Халандин съездил за семьей, перевез ее в более безопасное место и разместил там под защитой «хороших людей», с которыми он тогда познакомился и договорился на этот счет; сделал он это, так как опасался, что, «может, придут коряжки» убивать его и его семью.

От вершины Столбовой одна ветвь в сторону Коркодона идет. Если [через перевал] там дальше идти, то со стороны ключ впадает большой, в сторону Омолона уходит. И вот в этом месте они их догнали. А там в некоторых /местах/ местных эвенов находили. Те расспрашивали:

– Кто ваш предводитель? Кто такой умелый?

Третий год пошел с тех пор как родственников и детей юкагиров чукчи с коряками убили во время грабежа, уже 3 года прошло, а его никак не могут найти⁴⁹. ^[14] Знали, что зовут /=прозвище/ его Халандин, но настоящего имени его никто не знал. (Мне этого не сказали старики). Общее название [кличка, прозвище (В. Шалугин)] – Халандин. С якутского, может быть, Халандин – это значит грабитель⁵⁰, а может быть еще с какого-то другого языка – Халандин. Он берет не себе – т.е. грабит и бросает. “Халаа” – это для себя только. Халандин же грабит не для себя, а для своих людей.

^[15] Чукчи и коряки рассказали своим о Халандине. Сказали, что такой человек есть, сильный, очень храбрый. И направили на поиски Халандина чукотского богатыря – /с. 29/ богатого человека. Специально вызвали чукотского богатыря-воеводу со всеми богатырскими доспехами, сильного и хорошего воина, богатого.

В одну из поездок на оленях Халандин взял свою дочь. Остальных своих людей [семью] Халандин [в другом месте] расселил и там с ними вместе тех, у которых олени были. Расстались они, не знают, кто где находится.

В одно прекрасное время чукотский богатырь вдруг лицом к лицу встретился с Халандином. «Этот человек мне не по зубам», – подумал Халандин. – «Здоровый, сильный и храбрый, видать. Я его никак не смогу одолеть. Надо что-то придумать».

Халандин сам [был] очень хитрый человек. Видел человека насквозь и чувствовал, что у него на уме. Когда они встретились, тот чукотский богатырь спросил у него, где Халандин находится.

– Э-э, – тот ответил. – Я его раб, слуга, я его пастух. Оленей мне дали пасти. Оленей смотрю. Халандин отсюда далеко.

В одно место поехали они. Договорились: «Отсюда пешком дойдем до Халандина».

⁴⁹ Эти три года отсчитываются, несомненно, не от убийства коряками семьи Халандина (иначе здесь и шла бы речь о ней, а не о «родственниках и детях юкагиров»), а от того налета коряков на коркодонских юкагиров (X.3b), после которого Халандин и вступает, по рассказу X, в борьбу с коряками (X.4); то, что этот налет сопровождался убийствами, прямо говорится при его упоминании (X.3b) и подразумевается также фразой в X.4, имеющей в виду в первую очередь именно этот налет: «...как такие добрые люди могут таким делом заниматься – убивать стариков, женщин...»

⁵⁰ Имеется в виду якутский глагол *халаа*- «грабить, отнимать».

Халандин сидит. Сам трубку свою забил [нарочно]. Трубку [всегда] курил. Нож свой [будто дома] оставил. А тот [чукотский богатырь] уже подготовился. Нож взял свой богатырский. На груди – кольчуга⁵¹, чтобы

⁵¹ Русским словом «кольчуга» здесь назван наборный ламеллярный панцирь, воспринимаемый как сборка из своего рода горизонтальных «колец»-поясов, составленных из наборных вертикальных пластин и надставлявшихся друг над другом, – откуда и употребление слова «кольчуга»; кольчуг в точном смысле слова у юкагиров не было. Отметим, что в русском переводе фундаментального англоязычного труда В.И. Иохельсона сказано: «Согласно преданиям, древние юкагирские воины поверх обычной одежды надевали кольчугу из нанизанных на лосиные сухожилия колец, выполненных из оленьих рогов [Иохельсон 2005: 554]» – однако здесь переводчик был введен в невольное заблуждение оригиналом, где нет эквивалента слова «кольчуга» (вместо этого стоит *armor* – «доспех»), но при этом сказано: “The ancient Yukaghir warrior, according to tradition, wore over his ordinary garment an armor consisting of rings made of reindeer antlers strung on elk sinew /Согласно преданиям, древний юкагирский воин поверх обычной одежды носил доспех, состоящий из колец, сделанных из рогов оленя, нанизанных на лосиные жилы/” [Jochelson 1926: 383]. Как видно, слово «кольца» (*rings*) в этом описании повело переводчика к естественному заключению, что «доспех» из «колец» – это и есть кольчуга. Но панцири из костяных и роговых пластин зафиксированы археологами и этнографами в регионе (и многих иных регионах) множество раз, а панцири из колец, сделанных из роговых пластин – ни разу. Это и понятно: насколько невероятным и лишним трудом было бы изготовлять из оленьих рогов (они не полые, а цельные) именно колечки, а не пластины, а потом продевать эти колечки друг в друга, нанизывая на сухожилия; такая кольчуга еще и была бы очень непрочна, тем более что, в отличие от металлических колец, кольчужные кольца из кости и рога нельзя было бы делать в два оборота, подгибать или скреплять снова после того, как их разрезали, чтобы сплести друг с другом. Объяснять то, почему юкагиры говорили В.И. Иохельсону о панцире из «колец», остается иначе, и основу для такого объяснения дает замечание А.И. Соловьева: он подчеркивает, что обычные ламеллярные панцири из роговых и костяных пластин, прекрасно известные для Сибири и Дальнего Востока, делались, собственно, из наборных лент, завернутых кольцами (с разрезом на боку, сзади или спереди); каждая такая лента и набиралась из ламеллярных пластин. Пластины каждого такого кольца-ленты соединялись с пластинами следующей «ленты» (расположенной сверху или снизу от него), и тем самым эти ленты образовывали панцирь. Поэтому, указывает А.И. Соловьев, такие панцири «можно по-другому назвать “ленточными”». Строго говоря, такие латы сочетали в себе ламинарный [ленточно-полосный] и ламеллярный принципы бронирования сборки, потому что сами... ленты, образующие панцирь, составлялись из связанных между собой шнурами отдельных... пластин...»; роговой подобный панцирь А.И. Соловьев описывает так: «панцирь, составленный из колец по ламеллярному принципу. Кольца набраны из роговых пластин, сплетённых между собой ремнями» [Соловьев 2003: 133]. Итак, зрительно эти ленты-ряды ламеллярных пластин выглядели как раз кольцами/обручами; панцирь же состоял из нескольких таких «колец», надставленных друг над другом. Как видно, именно этот смысл и передавало слово «кольца» в вышеприведенном юкагирском описании панциря из рога, изложенном В.И. Иохельсоном: речь шла об обыкновенном сибирском ламелляре из пластин, и «кольцами» именовались при этом не сами пластины, а набранные из них ленты, соединенные в панцирь.

стрелами не достали. Ноги тоже защищены. На лыжах пошли они и отдыхали в одном месте. Когда перед этим из дому выходили, Халандин сказал своей дочке:

– Никому не говори что я – Халандин. Никому ничего не рассказывай, что ты дочь Халандина. Скажи – они с чукотским богатырем Халандина искать пошли. Если увидишь, что наколенники торбазов у меня будут опущены – я его победил. Тогда уже ничего не бойся. Собирайся потихоньку, и мы уедем отсюда.

Халандин с чукотским богатырем на перевале отдыхают. Халандин трубку свою сосал-сосал, никак раскурить не мог.

– У-у! – сказал. – Ножик я свой забыл, оказывается, без ножа пошел. Дай мне свой ножик, я [трубку] расковыряю.

Халандин за ним смотрит – кроме подмышек, у него незащищенного места [на теле] нет. Везде кольчуга⁴². В то время Халандин трубку расковырял и говорит:

– Вон около тебя маленький кустик – дай мне, сломай, пожалуйста.

А тот, когда наклонился за этим кустиком – в это время Халандин ему подмышку нож всадил. Всадил, бросил [нож] и сам отпрыгнул [в сторону]. Тот богатырь с криком ворона прыгнул за ножом, до ножа не дошел и упал с таким криком.

– Ох, не знал, – говорит. – Убил ты меня. Убежал ты от меня. Не знал я... От своей глупости умираю.

С этими словами умер. Халандину что же остается? Этого [богатыря] бросил [оставил] так. Наколенники торбазов опустил. По их следу [Халандина и чукотского богатыря] ехала чукотского богатыря дочка, а за ней – дочка Халандина. Халандин подошел, передних оленей [дочки богатыря] взял и поворотил обратно. До дороги довел. Оставил ей 2 нарты, сказал:

– Я вашего богатыря убил, сюда больше не возвращайтесь. Иди, откуда пришла, чтобы тебя здесь не было. Я – Халандин.

А дочка Халандина обрадовалась, что столько оленей получила. Они собрали оленей и поехали обратно по той же дороге, по которой Халандин приехал в эти места. День и ночь они ехали, опасаясь преследования. Так они доехали до своих людей. Халандин рассказал, как он убил чукотского богатыря и сказал его дочери, чтобы они [чукчи] больше не приезжали. С тех пор не стали они приезжать.

¹⁶¹ Вот такой был юкагирский герой, о котором легенда ходила. Таким же ловким и смелым Халандин был [на охоте]. В тяжелые времена помогал своим людям везде. Рассказывают, что ему было 80 с лишним лет. Лежа возле костра, иной раз искра прыгала на него – долететь не успевала – он ее в воздухе ловил.

Шел он и специально [тренировки] делал ребятам, когда у него вся

семья умерла. Говорят, за его подвиги чукотские и корякские шаманы с его семьей так сделали. Он совсем одиноким стал, но все же еще долго ходил [жил] среди юкагиров. 80-летним стариком ходил по стоячим деревьям с копьём наперевес. На землю наступая, метров сто пробегал⁵².

Вот такой он был человек, Халандин. Следов его не сохранилось, [но старики] рассказывают, что вот с этой горы наблюдали и с той горы наблюдали люди, которые тыловое окружение делали. С тех пор ни коряков, ни чукчей не было. Постепенно ожили местные эвены, от корякских и чукотских оленей богатыми стали. Они вместе с юкагирами жили.

Уважаемым человеком был [Халандин] и среди эвенов, и среди юкагиров. Халандин жил лет 200 назад.

XI (А.В. Слепцова)

Рассказ: Слепцова Акулина Васильевна, 1934 г.р., на юкагирском и русском языках, 2007 г., Нелемное. Запись: П.Е. Прокопьева. Ранее не публиковался.

Алантин

^[1] Давно юкагиры жили, на Коряке⁵³, Алантине, на Мамонтове⁵⁴ есть такое озеро. Коряка /протока/ есть на виске Нёхуння⁵⁵. На той виске юкагиры жили, на виске Нёхуння, там, когда жили, эвены пришли⁵⁶. Когда

⁵² Распространенный в юкагирском фольклоре гиперболический топос: силач, при беге проносящийся на огромное расстояние между ближайшими касаниями ног о землю, и поэтому, в частности, способный бегать по верхушкам деревьев, отталкиваясь одной ногой от вершины одного дерева, попадая при завершении прыжка другой ногой на вершину другого дерева, тут же отталкиваясь этой ногой от нее, и так далее. Смысл фраз рассказчика: Халандин даже глубоким стариком по-прежнему мог двигаться по верхушкам деревьев только что описанным способом (рассказчик уточняет, что речь идет о «стоячих» деревьях, так как на верхушку изогнувшегося дерева, склонившегося к земле, наступать, прыгая сверху, было бы невозможно), когда же бежал по земле, то от каждого касания его стопы о землю до следующего такого касания оказывалось по 100 метров.

⁵³ У Ю.Г. Курилова – Кэрэкэ: «Кэрэкэ – эта река получила свое название в память о сражении юкагиров с коряками» [Курилов 2005: 14].

⁵⁴ Об упоминающихся тут озере Алантин (Аланчин, Халантин) и р. Мамонтова (Мамонтова, Мамута и т.д.) см. выше, с. 32, прим. 26.

⁵⁵ На картах – оз. Нохандя. Этот тунгусский гидроним был адаптирован в юкагирский и преобразован по моделям юкагирской фонетики в «Нёхуння».

⁵⁶ Здесь рассказчица заговорила было об эвенах, но дальше почти сразу поправились, указав, что на деле речь тут идет о коряках и их предводителе: «Тогда один предводитель сказал: “Мы возьмем ваше место, отдавайте не отдавайте”». Не эвен был,

эвены пришли, юкагирам сказали: «Ваше место нам дайте». Тогда юкагиры сказали: «Нет, нашу землю вам не дадим». Как отдадим, где жить будем, что кушать будем, наше место, где мы питаемся, ведь. Нёхуння, Олгуя, Мамута⁵⁷, /озеро/ Алантин, Поруде, Нунгэнангиль – все наши места. Тогда один предводитель сказал: «Мы возьмем ваше место, отдавайте не отдавайте». Не эвен был, коряк был. Потом ушли.

^[2] Утром встал один человек, встав, сказал: «Я на охоту пойду. Еда закончилась». Так пошел. Алантин сказал: «Иди»⁵⁸. Пошел, того человека ждали-ждали, того человека нет. Так несколько дней люди уходили, потом не приходили. Так один дом остался из десяти домов. Не приходят, людей нет да нет⁵⁹.

^[3a] Потом Алантин сказал: «Сегодня я пойду, – своей жене, – тех людей убивать⁶⁰». Сказал также детям: «Я пойду, я посмотрю, где умерли ли, живы ли, это посмотрю». Так Алантин ушел. ^[3b] Шел-шел, до мест, где те люди ходили, дошел, один взгорок был, большой бугор. Дотуда дошел, сел. Сидел, смотрел, когда смотрел, неподалеку один олень стоял. На того оленя посмотрел – домашний олень. На него посмотрел, его рога все как золото, на солнце видно – золотые. От этого удивился: «Почему такой олень?» Так сидел, сидя, смотрел, голова очень красивая, рога. Так смотрел, туда-сюда смотря, стоял, голову подняв, тот олень. Когда стоял /олень/, Алантин увидел, что из тайги один человек вышел. Смотрит –

коряк был (...) предводитель коряков». В конце ее рассказа эвены упоминаются как раз как симбиоты юкагиров: «Потом, домой пошел [Халандин], сказал: “Не бойтесь, я того предводителя убил”. Так хорошо зажили, с эвенами ходя, юкагиры». Таким образом, рассказчица передавала сюжет о борьбе юкагиров именно с нашествием пришельцев-коряков, а то, что сначала она назвала было этих пришельцев эвенами, было ошибкой, которую она исправила по ходу рассказа сама (и которая, возможно, была навеяна тем, что в сказаниях о Халандине ему вообще приписываются столкновения с эвенами, см. ниже, с. 78 слл.).

⁵⁷ Река Мамонтова/Мамонтово/Мамота или одноименное оз. Мамонтово (см. с. 32, прим. 26)?

⁵⁸ Из этой фразы видно, что рассказчица мыслит Халандина вождем данной группы юкагиров: он дает согласие на то, чтобы человек этой группы уходил на охоту (как бы утверждая его намерение). Как известно, направление на охоту мужчин локальной группы составляло у юкагиров одну из обязанностей вождя этой группы.

⁵⁹ Как видно из дальнейшего изложения, этих ушедших юкагиров убивал вышеупомянутый предводитель коряков, о котором рассказчица в конце повествования говорит: «Юкагиров всех [этот предводитель коряков] убил бы, прикончил» (если бы его не убил в конце концов Халандин).

⁶⁰ «Тех людей» – то есть тех, кто убивает уходящих на охоту юкагиров: Халандин уверен, что охотники не возвращаются потому, что их подстерегают и убивают те самые пришлые люди, которые недавно потребовали у юкагиров их земли. Как выясняется из дальнейшего, он был прав: ухидивших на охоту убивал предводитель упомянутых пришельцев.

раньше, вчера приходивший предводитель коряков. Алантин так тихо сидел, когда сидел, тот олень того человека увидел и побежал в лес. Так скрылся.

^[3e] Тот предводитель коряков сюда подошел, того оленя следы посмотрел, сюда-сюда подошел-подошел. Алантин так сидит, притаившись. Прятался-прятался, притаившись, сказал. Когда тот человек ближе-ближе подошел, Алантин встал, сказал: «Здравствуй!» Поздоровались. Алантин сказал: «Ну, садись, курить будем». Тот человек подошел, сел. Так разговаривали. «Откуда пришел?» Тогда тот человек, Алантина увидев, сказал: «Я здесь хожу». Тогда Алантин сказал: «Курить будем». Свою трубку взял, сказал: «О-о». Табак положил, махорку, затянулся одиножды, сказал: «Э-э, мой муштук плох, сейчас я сниму». Снял, сняв, сказал коряку: «Мне, пожалуйста, за тобой один тальник стоит, маленькую талину мне дай». Тогда коряк «э-э» сказал. Подойдя так, тот тальник взять хотел, Алантин подошел, ему в спину нож воткнул, ударил. Там уронил. Так убил. Потом, домой пошел, сказал: «Не бойтесь, я того предводителя убил». Так хорошо зажили, с эвенами ходя, юагиры.

^[3d] /Примечание./ Того оленя сам Бог довел. Доведа, поставил, чтобы того предводителя коряков убить. Юагиров всех /этот предводитель коряков/ убил бы, прикончил, поэтому Бог отправил, видно, этого оленя, с золотыми рогами оленя. Бог сам помог юагирам⁶¹.

⁶¹ Олень золотые рога и Бог выступают в этом тексте тесно взаимосвязанной для рассказчицы парой персонажей (олень послан Богом), и оба отсутствуют во всех остальных известных рассказах о Халандине. Отсюда видно, что весь этот мотив – позднее и редкое включение в традицию о Халандине. Олень золотые рога заимствован из русского сказочного фольклора. Что касается Бога, то христианизация юагиров и знакомство их с концепцией единого Бога, пришедшей с русскими, начались еще в ходе ранних русско-юагирских контактов в XVII в.; верхнеколымское юагирское предание [Иохельсон 1900 № 28: 84–86], сгущая события, говорит о «вхождении в Христову веру» верхнеколымских юагиров как о чем-то, имевшем место уже вскоре после появления русских на Колыме. Христианский Бог, для обозначения которого верхнеколымские юагиры применяли один из своих давних ритуальных терминов – *хойл(ь)* (исходно это слово обозначало почитаемую фигуру шамана-предка, состоящую из его черепа, надетого на манекен) [Иохельсон 2005: 212], изредка фигурирует в юагирском верхнеколымском фольклоре (например, в сказке о Петре Бэрбэкине [ФЮ: 312–335], которая, кстати, использует ряд мотивов русской сказки о Федоре Бермятине, но в изложении взаимодействия своего героя с хойлом-Богом совершенно оригинальна). Объяснение появления оленя золотые рога волей Бога, желавшего помочь юагирам, произошло, очевидно, уже в рамках юагирских представлений (в русском фольклоре этот олень такой роли не играет, это одна из диковинок, добываемых героем, а также персонаж свадебного фольклора, обещающий явиться на свадьбу и осветить ее блеском своих рогов, но не орудие Бога). Отметим, что Бог появляется в рассказе А.В. Слепцовой не при изложении самого сюжета этого рассказа, а в ее автокомментарии к этому изложению.

Потом, Алантин раньше, когда уходил, сказал: «Я приду, на меня посмотрите, как я приду. Если моя шапка на уши упавшей будет, уши прикрывая, одев, приду, тогда я хорошо пришел, всех уничтожив. По-

Не вполне очевидно, чем же именно олень с золотыми рогами помог, с точки зрения рассказчицы, юкагирам справиться с врагом: его роль в сюжете сводится к тому, что Халандин сидит, глядя на него, пока из тайги не появляется предводитель коряков. Остается думать, что в этом и состояла польза, которую олень принес Халандину в деле борьбы с врагом, т.е. рассказчица подразумевает следующее: уходивших на охоту юкагиров одного за другим разыскивал и убивал предводитель коряков; чтобы расправиться с ним (и вообще узнать, кто именно убивает юкагиров), Халандин должен был для начала встретить этого предводителя в тайге или выследить его. Но «пересечься» в тайге с врагом-одиночкой, который может ходить где угодно, – дело почти невыполнимое, и именно тут Халандину помог олень: он встал близ того «взгорка», куда должен был скорее выйти предводитель коряков (как чудесное, посланное Богом существо, олень встал именно там, где надо было ждать этого предводителя), и оставался там, привлекая внимание Халандина (так что тот не сходил с этого места дальше, а «тихо сидел», глядя на оленя) до тех пор, пока предводитель коряков не вышел к этому самому взгорку и не попал в поле зрения Халандина, – а уж тогда олень убежал, оставляя Халандина наедине с уже замеченным им корякским богатырем. При этом, как подчеркивает рассказчица, в течение некоторого время Халандин видел этого богатыря, притаившись в укрытии, а тот его не видел, пока Халандин сам по своей воле не показался ему. Если бы не олень, Халандин, вероятно, не стал бы задерживаться долго на обсуждаемом месте, а двинулся бы дальше и тогда разминулся бы с противником или не заметил бы его первым. Всего этого не случилось только потому, что Халандин загляделся на оленя и оставался рядом с ним все время, пока тот стоял на месте – а тот стоял как раз до того мига, когда на это место вышел вражеский богатырь. Таким образом, Бог «довел» и «поставил» оленя (таковы выражения самой рассказчицы, хорошо согласующиеся с предлагаемой интерпретацией) поработать своего рода «указателем», удерживая Халандина на определенном месте, пока туда не подойдет предводитель коряков, и этим обеспечить Халандину не только саму встречу с этим предводителем, но и возможность заметить его первым и получить тем самым определенное время (длящееся, пока Халандин его видит, а тот Халандина еще не видит) на то, чтобы обдумать, как действовать против него. В результате для предводителя коряков встреча с Халандином оказалась неожиданной, а тот успел приотвиться к ней и собраться с мыслями. Собственно говоря, и сам хитроумный замысел с трубкой и т.д. по сюжету рассказа XI Халандин должен был придумать именно в обсуждаемый промежуток времени, ибо до того, как он увидел вражеского богатыря, он вообще не знал, кто именно убивает юкагиров – один враг или несколько (с целью выяснить во всех подробностях, что происходит, Халандин и отправился в тайгу). Между тем хитрость с трубкой годилась бы только против одного врага, а не нескольких. Таким образом, благодаря оленю Халандин не только встретился с врагом, но и успел заблаговременно обдумать, как его убить, что и привел затем в исполнение. Не исключено, что олень блеском своих рогов привлек и самого предводителя коряков (или именно его) выйти как раз на то место, куда пришел юкагирский богатырь, т.е. обеспечил их встречу «с обеих сторон» (или именно со стороны коряка).

том, если я, шапку не надев, приду, тогда я плохо пришел».

^[4] Алантин – озеро на Мамонтово, там Алантин воевал с коряками⁶².
Есть протока Коряка⁶³, протока впадает в озеро Нёхунню.

⁶² Поскольку говорится, что Алантин – озеро «на Мамонтове», в данной фразе имеется в виду именно р. Мамонтово/Мамонтова (Мамота), а не оз. Мамонтово.

⁶³ В собственно юкагирском произношении Кэрэкэ, см. прим. 53 выше.

*НЕКОТОРЫЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРЕДАНИЙ О ХАЛАНДИНЕ*

(а) *Центральный эпизод преданий о Халандине.* Центральным эпизодом сказаний о Халандине является, безусловно, история о том, как вражеский богатырь-одиночка явился, чтобы найти и убить Халандина, а тот притворился неким другим человеком – работником Халандина, под видом этого «работника» сблизился с названным богатырем (обещая помочь ему в убийстве Халандина), в некоторый момент попросил у него, под благовидным предлогом прочистки курительной трубки, его нож и внезапно убил его этим ножом, когда богатырь отвернулся, чтобы выполнить следующую просьбу Халандина – отломить и дать ему ветку для дальнейшей прочистки (или починки) все той же трубки (Халандин намеренно просит сначала нож, а потом веточку, чтобы первым из этих шагов разоружить противника, а вторым – заставить его повернуться спиной; победить врага в открытой схватке лицом к лицу он не пытается).

Этот эпизод, иногда с небольшими отклонениями от приведенной схемы, появляется во всех рассказах (I.2, II.3b, III.2, IV.2, V.5, VII.7–8, VIII.5, X.15, XI.3a–e), кроме рассказа В.Г. Шалугина об Атыляхане (IX), рассказа Н.М. Лихачева о смерти Халандина (VI) и общей характеристики им же Халандина (VIa). Как правило, сообщается, что названный богатырь шел расправиться с Халандином в отместку за единоплеменников, которых Халандин убивал раньше при их попытках совершать набеги на юкагигов (II.3, VIII.5, X.13–15, фактически аналогично по построению рассказа – I.1–2, IV.1–2, VII.6–8). Этничность этого богатыря (и его народа – врагов, совершающих набеги на юкагигов) вариативна: в I он ламут (эвен); в большинстве рассказов: II, III, IV, V, VII, XI – коряк; в VIII, X – т.е. у Д.Г. Дьячкова и В.Г. Шалугина – чукча (в VIII уточняется: «с побережья Ледовитого океана»), но при этом в X.8, 10, 13, 15 (а также в IX.1) В.Г. Шалугин уточняет, что чукчи и коряки ходили набегами против юкагигов совместно (в X.10 упоминается, что иногда к ним присоединялись и какие-то эвены, но это противоречит основному изложению того же рассказа, см. с. 50 сл., прим. 46) и совместно же послали этого богатыря-чукчу мстить Халандину за потери, которые тот нанес им во время указанных набегов, а чуть раньше, при описании самих этих набегов (X.3–13), главной силой в них изображались все-таки именно коряки. Таким образом, в исходном виде традиции о Халандине враги, совершавшие набеги на юкагигов, и обсуждаемый богатырь, вышедший

из их числа, были именно коряками, а чукчей или ламутом этот богатырь становился в отдельных, более поздних вариантах⁶⁴.

Отметим, что в сколько-нибудь заметные столкновения с чукчами верхнеколымские юагиры могли быть вовлечены лишь в XVIII в., в пору больших нашествий восточных чукчей (обитавших на самой Чукотке) на юго-запад и русско-чукотских войн (с участием контингентов русских подданных – коряков и юагиров – на русской стороне). До этого периода могли бы иметь место разве что спорадические единичные встречи верхнеколымских юагиров с отдельными семьями из числа западных, нижнеколымско-алазейских чукчей (существовавших между Нижней Колымой и Алазеей с конца XVI по начало XVIII вв.), почему-либо зашедшими далеко на юг от своего ареала. Конечно, время вышеупомянутой активности восточных чукчей, способной на пределе затронуть олонский и верхнеколымский ареал (вторая – третья четверть XVIII в., см. подробно [Нефёдкин 2016: 124–270; карта после с. 128]) – это намного более позднее время, чем то, что было определено нами выше как подлинное время деятельности Халандина и его борьбы с врагами (1660-е–1680-е гг., с. 14). Однако, как мы видели, сравнение наших текстов как раз и показывает, что упоминание чукчей (будь то одних или наряду с коряками) как врагов Халандина, совершающих набеги на юагиров, – это вторичное явление, видоизменение первоначального вида предания, а исходно в качестве таких врагов в нем фигурировали только коряки (набеги которых на юагиров должны были завершиться к исходу XVII в.). Позднейшее добавление к

⁶⁴ Подчеркнем, что по сравнительному времени записи рассказов о Халандине (например, в первом таком рассказе [I, запись 1896 г.] обсуждаемый богатырь именно ламут) нельзя судить о том, какой из представленных в них мотивов ранний, а какой поздний. Это было бы мыслимо лишь при массовой записи текстов на протяжении многих десятилетий, но такая запись не велась. Для всего периода до 1980-х гг. известно лишь два опубликованных рассказа о Халандине, и ничто не мешает тому, чтобы мотив, зафиксированный в одном из них, оказался на деле поздним (например, появился бы лишь к концу XIX в.), а какой-либо мотив, фигурирующий лишь в более поздних записях, начиная с 1980-х гг. и далее, был бы на деле более ранним, восходящим еще к XVII/XVIII вв. Ярким примером практически дословного удержания в рассказе конца XX в. элемента, попавшего в этот рассказ не позже XVIII в., является высказывание Н.М. Лихачева в одном из его повествований о Халандине: «Мы, юагиры, происходим от этого богатыря [Халандина], а сейчас вымираем от болезней, разных напастей, войн. Нас стало так мало» (VII.6, с. 34). Но в 1993 году, когда Н.М. Лихачев это говорил, невозможно было считать, что юагиры вымирают от войн и болезней: последние войны, вовлекавшие многих верхнеколымских юагиров, имели место в XVII в., последние эпидемии – в XIX в.; с середины XX в. численность юагиров росла. Приведенная фраза рассказчика может быть лишь плодом воспроизведения им формулировок, появившихся в юагирской традиции не позднее XVIII в. и с тех пор повторявшихся при ее передаче.

ним в качестве союзников чукчей (как в рассказе X) или вообще замена в этой роли коряков чукчами (как в рассказе VIII) должны были состояться в юкагирской традиции именно под впечатлением от упомянутых выше русско-чукотских войн (с участием юкагиrow) и продвижения чукчей в XVIII в.

Обычным элементом изложения вышеуказанного центрального эпизода преданий о Халандине является то, что с убийством им указанного вражеского богатыря набеги соответствующих врагов прекратились и для юкагиrow⁶⁵ настала мирная хорошая жизнь (II.3b, последняя фраза; III.2, последняя фраза; VII.8, последние фразы; VIII.5, последняя фраза, X.15, последняя фраза; XI.3c, последняя фраза). Таким образом, обсуждаемый эпизод оказывался завершением всего цикла преданий о борьбе с названными врагами (и вообще о тяжелой поре в жизни верхнеколымских юкагиrow, когда они оказывались жертвами вражеских набегов).

Довольно устойчиво сообщается (IV.2, VII.8 – Н.М. Лихачев; X.15 – В.Г. Шалугин), что вражеский богатырь носил доспех (подразумевается – со шлемом), защищавший его почти целиком. В других вариантах он выступает, видимо, без доспеха (см. подробнее ниже, с. 69).

В V.5 хитрость с прочисткой трубки подсказывает Халандину его жена, она же просит его показать ей при возвращении домой особым приемом (приспустив или не приспустив голенища обуви), убил ли Халандин противника или нет. В большинстве вариантов и хитрость, и прием обозначения исхода своей борьбы с врагом придумывает сам Халандин.

Устойчиво повторяется, что враг-богатырь привел с собой дочь (иногда – и жену, или только жену)⁶⁶ и что, расправившись с ним самим, Халандин не тронул и отпустил его родственницу/родственников к «своим», оставив ей/им даже их оленей или их часть (так в: I, II⁶⁷, III, IV, X и, по-ви-

⁶⁵ Иногда здесь говорится вместе о юкагирах и об эвенах как о симбиотах юкагиrow, см. ниже, с. 83, прим. 83.

⁶⁶ Дочь: IV, VII, VIII, X; дочь и жену: I, III (прим. 17); жену: II. В рассказе V и в очень стяженном изложении рассказа XI вражеский богатырь является один. Для сравнения: при Халандине к моменту встречи с богатырем находятся: в I и III (как и при самом богатыре) жена и дочь; аналогично в II – дочь и «остальные» члены семьи; в IV, V, VII – только жена, в VIII – две дочери, в X – только дочь.

⁶⁷ В рассказе II сообщается: «Своей дочери говорит [Аландин]: “Тогда возьми жену и оленей князца и пошли назад”... Дочь Аландина вернулась к жене корякского князца, взяла его оленей и говорит: “Мой отец твоего мужа убил. Возвращайся назад”». Приказ «возьми и пошли назад» относится здесь к жене и оленям врага вместе, так что, очевидно, дочь Халандина вместе их потом и отправила (и слова «взяла оленей» относятся к исполнению первой части этого приказа: «возьми», – а затем последовало исполнение второй части: «и пошли назад»).

димому, VIII⁶⁸; аналогично в VII, где говорится, что дочку отпустили, но не проговаривается специально судьба оленей⁶⁹)⁷⁰, и велел ей/им передать «своим», чтобы те больше не ходили на юкагиров (что и кладет конец их набегам). Здесь Халандин проявляет великодушие и стремление покончить с войнами между юкагирами и их обидчиками актом великодушия, что находит параллели в поведении Эдилвэя в некоторых вариантах тундренных сказаний об Эдилвэе [ФЮ: 135; ср. 159].

В большинстве вариантов и сам Халандин к моменту встречи с вражеским богатырем живет вместе со своей женой и/или дочерью (прим. 66)

⁶⁸ В рассказе VIII Халандин говорит дочери, чтобы та отобрала и забила у дочери вражеского богатыря «сколько тебе нужно оленей»; очевидно, такая формулировка (вместо «всех оленей» или просто отсутствия каких-либо уточнений) подразумевает, что дочери Халандина поручалось забрать все же не всех поголовно оленей вражеского богатыря, а лишь (большую) их часть, остаток же сохранить за его дочерью (аналогично рассказу X).

⁶⁹ «Халанчин говорит дочке коряка: — Иди, скажи [своим] людям, что я победил твоего отца. Девушка прибежала к [своим] людям и кричит: — Смотрите, вон там Халанчин убил моего отца!» По-видимому, рассказчик подразумевает такими выражениями («прибежала», «вон там»), что дочь вражеского богатыря отправили пешком (что, в свою очередь, можно понимать двояко: либо она с отцом и явилась пешком, без оленей, либо оленей Халандин забрал, а отпустил только ее), и что родичи ее и ее отца-богатыря находились в тот момент неподалеку.

⁷⁰ Варианты различаются в том, с чем именно отпустил Халандин дочь / жену/ дочь и жену вражеского богатыря. В I Халандин отпускает жену и дочь врага со всеми их оленями, однако лишь после символического присвоения последних путем перепривязывания повода – иными словами, заявив свое право победителя на всех оленей врага, он тут же всех их и вернул его дочери и жене («Дочь его [Халандина]... [олень] своей подруги повод посередине перерезав, к своему [оленю] привязала.... Ламута жену, его дочь упомянутый юкагир назад по их дороге послал, с оленями послал, не взял [ничего]»). Аналогично дело происходит в II: во исполнение приказа Халандина его дочь должна была «взять» и всех оленей, и саму жену врага, и «взяла» этих оленей, но по тому же приказу должна была затем «послать» тех же оленей вместе с этой женщиной к своим (см. выше, прим. 67) – таким образом, здесь тоже подразумевается сначала присвоение всех оленей, а потом отпуск с ними жены вражеского богатыря. В X, IV и, видимо, в VIII (прим. 68) юкагирский герой забирает себе большинство оленей врага и отпускает его дочь с их остатком (при этом в IV задействован тот же мотив, что упоминался выше, – Халандин поручает жене сначала забрать у дочери врага всех ее оленей, а потом вернуть ей часть их: «Все возьми, дай ей [= верни затем] двух оленей, пусть уходит»). В III Халандин не то сам дает жене и дочери вражеского богатыря оленей и еды для возвращения, не то просто ничего у них не берет: «На другой день встав, юкагирский охотник запряг своих оленей, еду погрузил [для себя или для адресатов идущей далее реплики?]: “Идите по дороге, отправляйтесь к своим людям...” – говорит [родственницам коряка]» (приходят в этом рассказе враг и его родные, возможно, пешком). В VII Халандин отпускает дочь врага, но непонятно, что при этом стало с ее оленями, если они вообще были (см. прим. 69). См. в целом описания по вариантам на с. 138–141.

и после гибели вражеского богатыря сообщает его родственнице об этой гибели через посредство собственной родственницы (обычно дочери)⁷¹. Тем самым дочь Халандина играет в центральном эпизоде немаловажную роль: обычно именно она по наказу отца должна в случае его победы (о которой он дает знать посредством своей одежды) известить о ней родственницу вражеского богатыря.

Сравнительный состав центрального эпизода в разных преданиях о Халандине целиком представлен ниже в Приложении 2 (с. 120–143) и дополнительно откомментирован во вступлении к нему, с. 113–119.

(б) Богатырские мотивы в эпосе о Халандине. И предания о Халандине в целом, и вышеописанный центральный эпизод ярко выражают комплекс представлений о богатырях и о значении столкновения богатырей один на один. По-видимому, здесь отражены те реальные моменты истории, когда военные споры между племенами могли решаться исходом таких столкновений⁷² (в том числе поединком)⁷³. Этот мотив в традиции о Халандине выражен очень ярко – как в прямых соответствующих харак-

⁷¹ В I, II, III, VIII, X – через посредство своей дочери, в IV – через посредство своей жены (в VII – сам; в XI вообще не задействованы ни родственницы Халандина, ни родственницы вражеского богатыря).

⁷² Объясняется это прежде всего желанием противоборствующих сторон избежать лишних потерь. Для группы совместно проживающих охотников и собирателей, насчитывавшей обычно менее полусотни человек (а именно таковы были группы совместного проживания у юкагиров и их соседей) даже серьезное ранение одного дееспособного взрослого мужчины-добытчика, тем более его гибель, несли заметный ущерб жизнеобеспечению. Победа, добытая дорогой ценой, часто оказывалась при этом немногим лучше поражения, так как ставила ослабленного победителя и перед угрозой голода (он терял слишком многих добытчиков), и перед возросшей угрозой со стороны тех соседей, которые не участвовали в столь же масштабном кровопролитии и потому получали все большее превосходство над данной группой с каждой новой ее потерей. В этих условиях каждая из враждующих сторон могла считать за лучшее признать себя проигравшей по исходу борьбы богатырей и вообще первых схваток, не доводя до большой крови, чем вести войну дальше и дальше, напрягая все силы и неся большие потери, которых могла не стоить никакая победа. Ср. след. прим.

⁷³ Есть сведения и о других уменьшающих общие потери способах решения межплеменных конфликтов путем организации испытаний и единоборств, не доводя до полномасштабной войны. Так, Е.Н. Дьячкова (1914 г.р.) рассказывала о проведении в подобных случаях состязаний: «Говорят: “На лыжах будем соревноваться. Кто не будет первым, кто останется, того из лука убьем”. [Если] не побежит, далеко вперед не убежит, вперед не вырвется, в отстающего из лука стреляют, убивают. Скажут: “Мы сильные” [=мы сильнее, мы – победители]. *Так воевали раньше*» (курсив наш) [ПМП, записано в 2005 г. в п. Зырянка Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия)].

теристиках Халандина и вражеского богатыря⁷⁴, так и в том моменте, что убийство последнего Халандином немедленно приводит к прекращению набегов врагов, к числу которых принадлежал этот богатырь⁷⁵.

Богатырство Халандина раскрывается рассказчиками и в конкретных подробностях, причем иногда (в рассказах В.Г. Шалугина – IX и X) он наделяется даже магической, шаманской способностью – умением на расстоянии узнавать, что думает другой человек:

«Халантин здоровый как зверь был» (VI); «Такой сильный, ловкий очень. ...Четырем людям нет, не поддается. Не могут побороть его. Четырех человек перетягивает. Так бежит, бежит, прыгает. Когда прыгает, пятнадцать метров летит. Страшный (см. прим. 27) человек. Как Манчары, человек. Бежит, от палки [оттолкнувшись], летит. ...Очень бесстрашный человек» (VIa); «Он своей хитростью, своей выносливостью, силой – он все преодолевал. Вот всю, наверное современную борьбу – он всю знал. Драться умел и человека узнавал, что он думает. Думает человек о чем-то – он издалека узнавал» (IX); «Он выделялся своей ловкостью, силой, выносливостью. Он мог в день по вершинам семи рек проходить. По одной речке спустившись, по другой подняться. Так и обратно. В общем, расстояния он проходил очень большие. Раньше [даже] не считали,

⁷⁴ «Давно у нас, говорят, сильный человек [= богатырь] был, по имени Халадьил В ламутской земле один ламут (был), такой же сильный человек. ...Ламут сказал: “У юкагиров сильный человек есть. Ты не знаешь?”» (I); «Среди юкагиров жил один сильный человек. Его имя было Аландин... Коряки... убить Аландина послали самого сильного человека» (II); «Халантин был... сам [= самый] юкагирский богатырь, убил всех коряков. Убив, убил самого последнего, самого начальника [= самого главного]... Его [этого главного коряка] нож такой – с железной ручкой, ведь он [главный коряк] богатырь» (IV); «Пришел коряк-богатырь» (V); «...Жил юкагирский богатырь Халанчин... Он был хитрым, сильным человеком... Коряки спрашивают...—Где Сэбирдэх хайын — юкагирский богатырь?» (VII, где выражение «юкагирский богатырь Халанчин» вообще употребляется устойчиво); в VIII о противнике Халандина говорится: «Высокий такой, телосложение здоровое, богатырское такое строение»; «Чукчи и коряки рассказали своим о Халандине. Сказали, что такой человек есть, сильный, очень храбрый. И направили на поиски Халандина чукотского богатыря – богатого человека. Специально вызвали чукотского богатыря-воеводу со всеми богатырскими доспехами, сильного и хорошего воина, богатого.... – Я вашего богатыря убил... [сказал Халантин]» (X).

⁷⁵ То, что это прекращение – естественное, ожидаемое следствие гибели их главного богатыря, в некоторых текстах выражено прямо и развернуто: «Халантин пришел, [говорит дочери убитого богатыря]: – Сейчас вернись обратно в море [к морю, к своим] и скажи, чтоб больше не приходили за Халандином... Поэтому-то Халандина бояться, не стали больше ходить» (VIII); «...[Халантин] сказал: – Я вашего богатыря убил, сюда больше не возвращайтесь... Халантин рассказал, как он убил чукотского богатыря и сказал его дочери, чтобы они [чукчи] больше не приезжали. С тех пор не стали они приезжать» (X); «...Домой пошел, сказал: “Не бойтесь [больше набегов], я того предводителя убил”» (XI).

сколько он проходил. Говорят, что от вершины Поповки до вершины Шаманихи мог добраться, а от Шаманихи – куда-нибудь еще дальше. Вот какой был человек. Он был сильный, выносливый, на лыжах хорошо ходил, способностями воина обладал. ...Он и сохатых догонял. Такой выносливый был. ...Халандин сам [был] очень хитрый человек. Видел человека насквозь и чувствовал, что у него на уме... Лежа возле костра, иной раз искра прыгала на него – долететь не успевала – он ее в воздухе ловил. 80-летним стариком ходил по стоячим деревьям с копьем наперевес. На землю [один раз] наступая, метров сто пробежал [до следующего касания ногой о землю]» (X).

В рассказе VIII о Халандине говорится, что в течение всего охотничьего сезона он вместо обычной охотничьей одежды носил одежду, сделанную сплошь из медвежьих шкур, и что это было его личной особенностью (VIII.2). Вероятно, эта деталь призвана служить приметой необычности и особой мощи Халандина и в какой-то мере уподобляет его медведю (ср. характеристику «здоровый как зверь» в VI.1).

Далее, практически все предания подчеркивают, что в лице вражеского богатыря Халандину противостоит достойный соперник, равный ему или даже превосходящий его в силе и/или вооружении. Это выражено уже в общих характеристиках этого богатыря (см. прим. 74, например: «такой же сильный человек [как сам Халандин]», рассказ I), а также в его обещании: «Я острым [оружием Халандина] не убью, [одними голыми] руками взявши, все его кости сломаю» (I). В ряде рассказов подчеркивается превосходство этого богатыря над Халандином в физической силе или защите и соответствующие опасения Халандина: «Халантин насторожился, насторожился, думает, что его убьют. Смотрит: тот рубашку снял, сняв, оделся весь в железо. Такое железо, железный жилет [панцирь]... Только подмышкой дырка [проем], а все [остальное] железо. “Как такого убью, какой хитростью его убью?” – говорит [себе Халантин]» (IV); «Халанчин чувствует себя не в своей тарелке и думает: “Когда же прикончит меня?” ...Халанчин про себя решает, что сколько бы ни был силен враг, все равно он должен его одолеть, убить» (VII); «...Чукотский богатырь вдруг лицом к лицу встретился с Халандином. “Этот человек мне не по зубам”, – подумал Халандин. – “Здоровый, сильный и храбрый, видать. Я его никак не смогу одолеть. Надо что-то [хитрое] придумать”» (X).

В самом деле, почти во всех рассказах повторяется тот мотив, что вражеский богатырь, уже получив смертельную рану ножом от Халандина (который отбросил этот нож подальше сразу после удара), бросается на него, хватая его подмышку и вместе с ним бежит в сторону отброшенного Халандином ножа, чтобы подобрать его и убить им Халандина⁷⁶. По

⁷⁶ В нескольких рассказах этот мотив передается с определенным размытием, а в одном (VII) – с резким переименованием. Приведем сводку его реализаций:

контексту из этого становится ясно, почему Халандин отбросил нож, а не продолжал держать его: как видно, оценив мощь врага, Халандин опасался, что иначе тот, даже будучи смертельно ранен, найдет в себе силы отнять у него нож и убить его им. В самом деле, смог же этот враг, получив тяжелое ранение, все равно схватить и зажать Халандина одной рукой (ес-

(1) Халандин бьет богатыря ножом сзади, выдергивает и отбрасывает нож после удара; раненый богатырь захватывает Халандина подмышку и вместе с ним бежит к ножу, но падает и умирает, *не* успевая схватить этот нож (большинство рассказов: II.3b, III, IV, VIII), или даже *успев* схватить его, но не успев сделать ничего больше (рассказ I);

(2) Халандин бьет богатыря ножом сзади, выдергивает и отбрасывает нож после удара и успевает отпрыгнуть сам, вражеский богатырь с криком прыгает за ножом, но, не допрыгнув, падает и умирает, успевая еще произнести горькую короткую речь (X);

(3) Халандин бьет богатыря ножом сзади, но не успевает выдернуть нож, как раненый богатырь хватается за него под мышку, ломая ему силой захвата ребра, и пытается вытащить нож из раны, но умирает (рассказ V).

Обратим внимание на то, что в фабульных вариациях (2) и (3) вражеского богатыря «лишают» одного из действий, совершенных им после ранения в основной вариации (1), но в обоих случаях рассказчики сразу «компенсируют» ему это сокращение, приписывая ему, наоборот, некое добавочное действие после ранения, которое в вариации (1) отсутствует: при вариации (2) вражеский богатырь в отличие от вариации (1), не успевает схватить Халандина, но зато, опять же в отличие от (1), успевает, упав, произнести речь; в вариации (3) он, в отличие от вариации (1), никуда не бежит, но, зато, опять же в отличие от (1), не просто хватается Халандина подмышку, а еще и ломает ему при этом ребра. Таким образом, рассказчики всячески хотят подчеркнуть, сколь долго и твердо противник Халандина «держался» после ранения, и если сокращают в этой области что-то сравнительно с основной вариацией (1), то тут же и компенсируют это сокращение каким-то дополнительным проявлением живучести и упорства вражеского богатыря.

(4) Особняком стоит лишь рассказ VII, где многое инверсировано: Халандин внезапно набрасывается на врага спереди (тот не отворачивался), сам сдавливая его, ломая ему ребра, затем бьет его ножом в сердце, а не сзади; соответственно, и в богатырстве названному врагу здесь отказано: «Оказывается, он был куда слабее, чем Халандин, и вовсе не такой богатырь, как притворялся». Инверсия заходит так далеко, что даже трубку Халандин забивает здесь не свою, а вражескую. Характерно, что тот же рассказчик (Н.М. Лихачев), который сообщил обсуждаемый рассказ VII, в другом своем рассказе о Халандине – рассказе V – приводил, как только что говорилось, прямо противоположное описание. В то же время и в самом рассказе VII указывается (VII.8), что вражеский богатырь был в панцире, делавшем его неуязвимым всюду, кроме ног. Это мало совместимо с тем, чтобы Халандин убивал его ударом в сердце (как сообщается в рассказе VII дальше), и имело бы смысл только в совокупности с тем стандартным в сказаниях о Халандине элементом, что Халандин убил его неожиданным ударом сзади (ибо столь мощная панцирная защита делала невыгодной схватку с ним лицом к лицу). Таким образом, и в рассказе VII имплицитно отражены следы того исконного вида предания, в котором Халандин убивает врага ударом сзади, хотя эксплицитное описание этого убийства в рассказе VII противоположно.

тественно, преодолев при этом его сопротивление) и броситься, продолжая удерживать его на весу, к отброшенному ножу; и рассказчику, и слушателю было очевидно, что успел бы сделать такой силач, окажись нож рядом с ним, хотя бы и в руке Халандина. В одном из рассказов даже говорится, что, сжимая Халандина, враг сломал ему четыре ребра, и тот так и умер впоследствии от этой раны (V). Весь этот мотив ярко изображает мощь богатыря-чужеплеменника, с которым не побоялся столкнуться юкагирский воин, причем изображает ее именно как мощь, существенно превосходящую силы самого Халандина: если даже со смертельной ножевой раной враг сумел схватить Халандина подмышку, да еще бегать вместе с ним, то насколько же он превышал Халандина по физической силе и что случилось бы с Халандином, схватись они в открытом бою на равных? Неудивительно, что в ряде рассказов Халандин сам размышляет с тревогой о физическом превосходстве противника, см. выше, с. 67.

Мотив столкновения со столь могучим врагом, без сомнения, раскрывает физические и умственные способности Халандина, победившего такого противника, и лишний раз разъясняет, почему Халандин убивает его не в открытом бою, а хитростью, подговорив его сначала отвернуться и нанеся ему неожиданный удар сзади (так почти во всех рассказах). В рассказе IV прямо говорится, что Халандин намерен победить богатыря «хитростью» (IV.2).

Еще более заострено это объяснение в тех вариантах, где сообщается, что вражеский богатырь был облачен в доспех, в том числе такой, который оставлял открытым одно-единственное всерьез уязвимое место – подмышку (в этом случае в нее и направляет удар Халандин): «...Он [вражеский богатырь] оделся весь в железо. Такое железо, железный жилет [панцирь]. Только здесь с дыркой [проемом], только здесь с дыркой, только подмышкой дырка, а все [остальное] железо» (IV.2); «...появляется человек, облаченный в панцирь. Только видны глаза да нос, а открытое место только в ногах. ...Этот человек вечером показывает свой панцирь и хвастается: — Никто меня в этом панцире не убьет, не победит» (VII.8); «Специально вызвали чукотского богатыря-воеводу со всеми богатырскими доспехами... “Этот человек мне не по зубам”, – подумал Халандин... А тот [чукотский богатырь] уже подготовился. Нож взял свой богатырский. На груди – кольчуга [панцирь], чтобы стрелами не достали. Ноги тоже защищены [поножами]... Халандин за ним смотрит – кроме подмышек, у него незащищенного места нет. Везде кольчуга» (X.15). На Халандине по контексту доспеха, разумеется, нет.

Весьма вероятно, что облачение вражеского воина в доспех упоминалось уже в исконном варианте предания.

В.И. Иохельсон писал, что «такое предательское убийство чужеплеменного богатыря [какое совершил Халандин] не осуждается примитив-

ной моралью» юкагирских сказителей и аудитории [Иохельсон 1900: 136]. Отсутствие осуждения тут несомненно (хотя вообще Халандина рассказчики как раз могут за что-то осуждать, иногда даже весьма резко, как в IX.6; это осуждение героя, вероятно, относится к позднему времени, не случайно данная этическая составляющая выпукло присутствует в рассказах современных носителей фольклора. См. подробно ниже, с. 87 слл.). Более того, в одном из преданий прием с прочисткой трубки и ударом в спину воспроизведен для Халандина дважды в ситуации с двумя разными людьми (II.3a, 3b) как «наиболее понравившийся, в котором проявляются хитрость, смелость, находчивость героя» (комм. 3 к II). Аналогичным образом в других преданиях продублирована вне центрального эпизода выдача Халандином себя за собственного работника, обиженного на хозяина, имеющая целью втереться к врагу в доверие и погубить его внезапным ударом (и в II.3a, и в VII.5b этот мотив соединен с обрушиванием жилища на головы врагов, в то время как центральный эпизод с повторным таким же притворством Халандина следует дальше, II.3b и VII.8). Коль скоро эта «предательская» военная хитрость дублировалась в юкагирском фольклоре, и даже в двух видах (само по себе притворное изображение Халандином собственного работника продублировано внутри VII, то же притворство вместе с развивающей его хитростью с трубкой продублировано внутри II), ясно, что юкагирские сказители и их аудитория не только не видели в ней ничего дурного, но и прямо ей восхищались и не избегали приписывать Халандину по две таких хитрости на сюжет.

Однако, по нашему убеждению, все это не дает повода говорить ни о предательстве, ни о примитивной морали. О предательстве речи быть не может уже потому, что речь шла о вооруженном враге во время войны, враг этот сам собирался убивать Халандина отнюдь не в открытом бою, а исподтишка, планируя втайне от Халандина использовать для его убийства его раба-домочадца (которым прикидывался сам Халандин), а неожиданные удары были на войне в повсеместном употреблении и у юкагиров, и у их соседей и ничьего военного этоса не нарушали. Вполне характерно поэтому, что в том рассказе, где вражеский богатырь успевает перед смертью обратиться к своему погубителю – Халандину с речью, он упрекает вовсе не Халандина в предательском приеме, а одного себя – в непредусмотрительности: «–Ох, не знал [= не предвидел, не догадался], – говорит. – Убил ты меня. Убежал ты от меня. Не знал я... От своей глупости умираю» (X.15).

Применение военной хитрости и внезапных ударов по не готовому к схватке врагу – общее место на войне любого времени; существующее в европейской (и, с некоторого времени, международной) военной культуре требование даже при нанесении таких ударов иметь на себе опознавательные знаки своей воюющей стороны, а не имитировать дру-

жественный и мирный вид – требование не очень давнее, к тому же и сейчас относящееся не ко всякой вооруженной борьбе.

Поскольку рассказы о Халандине представляют его прежде всего как воина-лидера, воина-победителя (в XI – еще и как вождя своего стойбища, см. с. 57, прим. 58), реально существовавшего в давнем прошлом (в частности, даже указывается, какие современные рассказчику юкагирские семьи происходят от Халандина, IX.7–8), они могут рассматриваться, как и другие предания лесных юкагиров о межплеменной борьбе, не просто как исторические, а как историко-героические предания. Предания о межплеменной борьбе являются своеобразной народной летописью, отображающей историю далекого прошлого (реальные племенные войны завершились для юкагиров еще в XVIII в., хотя отдельные стычки с иноплемениками на уровне отдельных лиц, семей и локальных групп могли случаться и позднее). По большей части в этих преданиях нет отдельных выдающихся личностей, герои, как правило, безымянны и неиндивидуализированны. Тем не менее, ряд верхнеколымских преданий о военных подвигах юкагирских мужей, содержательно уже ориентирован на героизацию соплеменников и стоит по своему развитию на пути к героическому эпосу. Одним из примеров зарождающейся героической эпики и является то, что в фольклоре выдвигается богатырь с конкретным именем Халандин, имя которого обрастает легендами (другим примером богатыря, выведенного под собственным именем, в фольклоре лесных юкагиров является Криворот, см. с. 79, прим. 79, однако о нем не зафиксировано столь же богатой традиции, как о Халандине).

Характерным жанровым признаком исторических преданий, относящихся к сфере архаического героического эпоса и воссоздающих реальные события старины с упоминанием конкретных действительных мест (рек, гор и т.д.), является применение определенных художественно-образительных средств – гипербол, эпитетов и сравнений, посредством которых юкагирские воины живописуются невероятно сильными, ловкими и храбрыми. Наличие этих средств также приближает предания лесных юкагиров к героической эпике. Так же, как другие предания о межплеменных столкновениях, сюжеты о Халандине содержат гиперболизированное описание физических качеств героя, что подробно прослеживалось выше.

Фольклорную героизацию героя, включающую описание его сообразительности и фантастической силы, в некоторых поздних вариантах можно усматривать еще и в наличии волшебных элементов (так, Халандин наделяется способностью читать чужие мысли на расстоянии, IX.6; X.15), в том числе заимствованных из иноэтнического фольклора (в XI перед встречей с предводителем коряков Халандин видит в лесу оленя с золотыми рогами и остается на месте, разглядывая его, пока прямо на это место не выходит корякский богатырь: по пояснению рассказчицы, это

высшая сила отправила Халандину на помощь чудесного оленя, чтобы он помог Халандину дожидаться врага в нужном месте и в нужное время, см. с. 58 сл., прим. 61]). Однако в целом волшебные элементы для традиции о Халандине весьма нехарактерны (и даже гиперболизация встречается в ней нечасто).

(в) *Межплеменная борьба в эпосе о Халандине.* Истории о Халандине посвящены герою и событиям межплеменной борьбы. Как и в других преданиях о такой борьбе, причины и цели межплеменной вражды в них не акцентируются, но не так уж редко упоминаются по ходу изложения. Это угон людей, прежде всего женщин и детей (II.1, VII.3, X.8), но также иногда и мужчин (в рабы, II.1), захват оленей (враги захватывают оленей у юкагигов, X.10, а юкагиры и эвены в ответ захватывают оленей у этих врагов, X.16; Халандин захватывает оленей у эвенов – VI, VIa.2, VII.5a, VIII.4) и иной добычи (X.8 – рыбы). Для достижения этой цели применяются набеги. Лишь в одном случае (XI.1) упоминается попытка захватить саму территорию чужой племенной группы, т.е. расширить свою ресурсную базу за счет чужеземцев. Иногда называются анахроничные цели нападений, домысленные существенно позже самих описываемых войн под впечатлением от позднейших явлений хозяйственной жизни: так, в некоторых случаях сообщается, что агрессоры нападали на юкагигов прежде всего для того, чтобы отнимать у них пушнину (VII.5b, X.3, X.4, X.5, X.8), а в другом случае – что агрессоры приходили на колымских юкагигов, чтобы овладеть колымским золотом (VII.2; этот мотив мог попасть в предание только в XX в.). Предания о Халандине рисуют межплеменные столкновения крайне кровопролитными и ожесточенными, и, по видимому, передают тот острый период, когда обоюдные нападения зачастую уже носили характер истребления и максимально полного захвата чужого имущества. В таком духе рисуются не только набеги коряков и иных врагов на юкагигов, но и контрдействия против них Халандина, и, в меньшей степени, агрессивные грабительские действия самого Халандина против каких-то эвенов. Приведем соответствующие описания.

«Раньше юкагиры сражались с коряками и эвенами.... Князцы коряков и эвенов послали [людей] убить юкагигов. Для этого сильных людей нашли, чтобы по следам юкагигов искать, искать и убить. Их [юкагигов] детишек, жен, стариков, сильных людей к себе взяли [коряки], чтобы [юкагиры] у них работали. Коряков все боялись» (II.1); «Среди ночи коряки пришли.... половину [юкагигов] убили. Опять пришли. Тогда много пришло, около тысячи человек убили.... В третий раз большая война была» (V.1–3); «Давным-давно на Колыме коряки впервые убили много юкагигов. ...Прибыло на оленях около ста коряков с целью добыть колымское золото. Началось кровавое сражение между юкагирами и коряками.... Коряки удавили детей, а девушек забрали в плен» (VII.1–3); «Вы [коря-

ки] без боя можете схватить его [Халандина], а главное — в доме его найдете большой мешок пушнины». Коряки, услышав это, обрадовались и воскликнули: — Давайте, пойдем туда!» (VII.5b); «[Халандин] грабил чукчей и коряков, что на побережье жили, которые набеги совершали на оленях зимой. С ними дрался, грабил, убивал их так же, как и они юкагирских бедняков, которые жили в верховьях речек в своих зимовьях, которые жили, спокойно промышляя на своей территории» (IX.1); «Раньше набеги бывали со стороны чукчей, коряков. Они много ущерба наносили безоленным юкагирам. В одно прекрасное время на реку Коркодон коряки пришли. Говорят, очень много кочевых юкагиров, которые на собаках кочевали, убили, пушнину всю забрали, сами ушли. В общем, грабежом занимались» (X.3); «...Как такие добрые люди могут таким делом заниматься – убивать стариков, женщин, пушнину их забирать, что они зимой загоняют. Весной река вскрыется [купцы приедут]. На эту пушнину они [юкагиры] купят себе дробь, порох, капсулы и такие продукты как чай, табак – все что им необходимо. Тогда муки, конечно, мало было. Привозили с материка. Тяжело доставалась» (X.4); «Коряки... специально ездили вдоль Колымы, отбирали пушнину и уходили» (X.5); «Коряки... грабить ходили. Придут и уходят, придут и уходят... привозят [себе] пушнину, женщин, девушек молодых, которых брали себе в жены... [Коряки] на оленях приехали, а вместе с ними тундровые чукчи. Они тоже юкагиров грабили. Пушнину, рыбу брали, девушек с собой уводили» (X.8); «Тех оленей и все награбленное юкагиры себе забрали. Это богатство и было в действительности их, ограбленных юкагиров. Оленей разделили между собой поповские, ясачненские, омулевские юкагиры» (X.10); «Постепенно ожили местные эвены, от корякских и чукотских оленей богатыми стали» (X.16); «...<Эвены> [на деле коряки; рассказчица ошибочно называла сначала эвенов вместо коряков, но вскоре поправила сама себя, см. ниже]... юкагирам сказали: “Ваше место нам дайте”. Тогда юкагиры сказали: “Нет, нашу землю вам не дадим”. Как отдадим, где жить будем, что кушать будем, наше место, где мы питаемся, ведь.... Тогда один предводитель сказал: “Мы возьмем ваше место, отдавайте не отдавайте”. Не эвен был, коряк был. Потом ушли [и их преводитель начал подстергать и по одному убивать юкагиров]» (XI.1–2).

Сам Халандин также ходит с набегами на эвенов (см. подробный разбор этого мотива ниже, с. 78 сл.) с целью захвата оленей, и при этом убивает многих (но не всех) жертв своих набегов: «Эвенов так убивал. Тех эвенов убивал, оленей всех приносил [=приводил]. Принеся, делил между юкагирами» (VIa.2, ср. VI); «Халандин..., убивая ламутов, перегонял их оленей и этим кормил своих сородичей» (VII.5a); «Он через некоторое время исчезает... ..В ту сторону, к ламутам... заходит. Некоторых ламутов убивает. Урасы вот сторожит, там палка есть. Он эту палку дверную

поднимает, дергает. Ураса падает. Ламутов некоторых убивает. Оленей сколько-то берет. Оставшимся... /говорит/: – Оленей, – говорит, – гоните по моему следу!... Эти гонят. Ламуты боятся же, /что иначе/ убьет всех он. Сюда /к стойбищу Халандина/ пригонят» (VIII.4); «Рассказывали про Халандина, что он таким грабителем был» (IX.1); «Он страшно людей грабил.... Вблизи находившимся людям говорил он: – Возьмите и разделите между собой» (IX.6).

Помимо захвата добычи, все стороны конфликта стремятся отомстить за убитых соплеменников: «Халанчин ждал [подстерегал] коряков [идуших в новый набег], чтобы отомстить за убитых юкагиров» (VII.5b); «Халандин.... защищал бедных, обиженных [набегами] людей, мстил за них» (IX.1); точно так же богатырь из числа врагов, совершающих набеги на юкагиров (см. с. 39, прим. 40), заявляет: «– [Я за] Халандином пришел. Халандин всех людей [наших, совершающих набеги на юкагиров,] убивает. Я его возьму [в отместку за их гибель]. За этим пришел» (VIII.5).

Нередко подчеркивается ожесточенность врага, совершающего набеги на юкагиров: «Коряки удавили детей, а девушек забрали в плен...» (VII.3); «...Как такие добрые люди могут таким делом заниматься – убивать стариков, женщин» (X.4); «Коряки такие были, что ни стариков, ни детей – никого не жалели» (X.12). Как видим, убийство женщин, детей и стариков рассматривается юкагирами как чрезмерная жестокость на войне. В одном исключительном случае, однако, специально сообщается, что коряки пощадили двух стариков и ребенка – не из милосердия, а из уважения к воинской доблести сыновей этих стариков, только что павших в бою с названными коряками: «Коряки... пришли к старику юкагиру Нарчаде. У него было двое сыновей и жена. Здесь коряки удавили детей, а девушек забрали в плен. Старик со своими сыновьями сражался храбро. Они уничтожили много врагов. Коряки ушли, когда от юкагиров остались в живых только один мальчик и старик [Нарчаде] со старухой... Нарчаде успокаивает жену: – Смотри, не плачь. Наши сыновья отчаянно сражались... Не горюй. Если бы у нас не было сыновей, то и нас не пощадили бы. Так что нам гордиться ими надо» (VII.3).

В ответ на жестокость совершающих набеги врагов аналогичную жестокость к вражеским стойбищам (но только к тем, что непосредственно пришли с враждой на их землю) проявляют и сами юкагиры, причем неоднократно упоминается суровость самого Халандина, особенно обострившаяся после того, как коряки убили в виде мести ему его родных: «[Халандин] ламутов постоянно убивал» (I.1; в этом рассказе в качестве агрессоров, совершающими набеги на юкагиров, подразумеваются именно ламуты); «Он не жалел никого [врагов]. Пощады не имел» (IX.6); «[При разгроме стойбища коряков, пришедшего с очередным набегом на землю юкагиров Халандин] ни детей, ни женщин не оставил.... ..С теми, кото-

рые юкагиrow убивали, он вот так рассчитывался» (X.5–6); «Ярость Халандина и его воинов была так велика, что он не стал дожидаться ночи, а прямо днем открыто напал на коряков. Они ведь у Халандина убили отца с матерью и родных. Он не знал жалости тогда. Юкагиры всех перебили...» (X.8)⁷⁷.

С этой суровостью резко контрастирует акт великодушия Халандина в отношении дочери вражеского богатыря в центральном эпизоде (см. выше, с. 63 сл.). Контрасту этому есть особое основание: обсуждаемым актом великодушия (своего рода «жестом доброй воли») Халандин хочет завершить войну (с этой дочерью он передает врагу призыв отказаться от ее продолжения), суровость же проявлял ранее по ее ходу.

При всем этом пафос эпоса о Халандине (определяющийся и всем его содержанием, и его финалом) посвящен не экспансии, а самозащите, и не максимальной мести чужеземцам-агрессорам, тотальной победе над ними, перенесению войны на их территорию и т.д. (всего этого вообще не происходит), а принуждению их к твердому миру после полного отражения их натиска, причем предложение мира делается самим победителем и сопровождается упомянутым выше актом доброй воли и великодушия (несмотря на все ожесточение по ходу предыдущих военных действий). Этот человеческий подход и готовность сменить даже успешную войну на достойный мир, ценить его больше, чем продолжение мести врагам, характерны для юкагирского военного этоса и юкагирской культуры (точно таким же прочным примирением оканчивается вражда с пришельцами-ламутами в фольклоре верхнеколымских юкагиrow

⁷⁷ Рассказ X содержит любопытный, но не вполне понятный момент: вообще Халандин и его юкагиры при разгроме коряков, пришедших с набегами на их землю, забирают себе оленей, находившихся при этих коряках (X.10, последний пассаж; то же самое следует из последней фразы X.8), – что вполне естественно. Но вот когда Халандин впервые узнает об убийстве коряками его родственников, то при *первых* совершенных им после этого (то есть совершенных с наименее утоленным еще пылом мести) действиях против коряков он и его люди захватывают у побежденных ими коряжских групп любую добычу, но только не оленей – оленей при этом почему-то просто разгоняют (хотя позже, как только что говорилось, захватывали уже и оленей): «Уцелевшие юкагиры рассказали ему [Халандину], что его отец, мать и родные убиты коряками. Он, разгневавшись тогда, теперь уже открыто собрал лучших воинов-охотников и с ними вместе пошел на коряков. Он грабил, а их оленей *разгонял*» (X.7–8, курсив наш). Не следует ли видеть ли здесь отголосок какого-то юкагирского обычая, по которому мститель, чтобы подчеркнуть, что его главная цель в данный момент – не добыча, а месть (за особенно большое причиненное ему зло), мог демонстративно пренебрегать главным богатством (т.е. оленями) тех, кому он мстил, и при их разгроме брать у них различную добычу, но вот их оленей не присваивать, а разгонять – и лишь совершив с такими самоограничениями первую месть, в дальнейшем со спокойной душой брать и оленей?

[Иохельсон 1900 № 52: 128] и вражда с пришельцами-чукчами в фольклоре тундренных юкагиров [ФЮ: 168–169, бл. 22]).

(г) *Предание о первых набегах коряков в эпосе о Халандине*. В двух сообщениях Н.М. Лихачева разобранному выше центральному эпизоду предшествует не упоминающий Халандина рассказ о трех набегах коряков на юкагиров и их последствиях. Н.М. Лихачев приводит этот рассказ дважды (V.1–4, VII.1–4) с разной степенью стяжения и расширения отдельных составляющих повествования об указанных трех набегах. О первом из них подробнее сообщается в V.1, где, говорится, в частности, что этот набег коряков был предсказан одним не вполне нормальным человеком, но ему никто не поверил, и совсем кратко – в VII.1, где о таком предсказании ничего не сказано. Зато ниже в том же рассказе VII, уже после описания всех трех коряжских набегов, как раз сообщается (VII.7), что некий «странный человек» высказал не вызвавшее ни у кого доверия пророчество о набеге коряков (во множ. числе), и оно оправдалось тем, что тут же коряк-богатырь пришел убивать Халандина (VII.7–8). Сравнение этого момента с V.1 (и тот факт, что и в VII.7 «странный человек» пророчествует именно о приходе коряков во множ. числе) показывает, что обсуждаемый сюжетный элемент, в котором некий «странный» человек предсказал приход врагов-коряков, но ему не поверили, исходно был частью рассказа о первом из трех набегов, освещенных в сюжете V.1–4 / VII.1–4 (как и есть в V.1), но впоследствии мог и отрываться от него и переноситься на более поздний сегмент фабулы всего цикла, оказываясь, например, вступлением к эпизоду с Халандином и пришедшим по его душу врагом-богатырем (как и есть в VII.7).

О втором из трех указанных набегов коряков кратко говорится в обоих изложениях Н.М. Лихачева (V.2, VII.2), чуть пространнее – во втором.

О третьем набеге (ключевой момент повествования о нем – похороны четой стариков-юкагиров их сына/сыновей, павшего/павших в борьбе с коряками) кратко сказано в V.3, намного подробнее – в параллельном VII.3.

В V сообщается, что после этих трех набегов больше нашествий коряков (какое-то время) не было, и лишь однажды люди подняли тревогу, думая, что приближаются коряки, но на самом деле это были юкагиры (V.4). В VII этому сообщению соответствует более краткая констатация того, что больше набегов коряков (какое-то время) не было (VII.4; см. в целом Приложение 1 на с. 110 слл. – синоптическое приведение обоих рассказов Н.М. Лихачева). Затем в обоих обсуждаемых рассказах и следует центральный эпизод с Халандином, обманувшим вражеского богатыря (здесь этот богатырь – коряк). В V этот эпизод идет сразу после

рассказа о трех набегах коряков, в VII между ними вставлен еще один эпизод борьбы Халандина с теми же врагами.

Таким образом, традиция, переданная Н.М. Лихачевым, соединяет в единую последовательность два сюжетных компонента: предание о трех набегах коряков (не упоминающее Халандина как такового) и сообщения о деяниях самого Халандина как о следующих после этих трех набегов звеньях фабулы. Основанием для такого соединения является, несомненно, то, что традиция о Халандине рисует его именно героем борьбы с набегами коряков, завершившим эту борьбу.

Итак, у Н.М. Лихачева развернуто выражено представление о том, что вступлению Халандина в борьбу с коряками предшествовали некие враждебные коряков действия против юкагиров, описываемые без упоминания Халандина и его рода. Стяженное (уложившееся в один небольшой абзац) выражение тех же представлений мы находим в одном из рассказов В.Г. Шалугина (X.3), где оно служит краткой экспозицией к дальнейшему рассказу о действиях самого Халандина: здесь говорится, что в свое время «набеги бывали со стороны чукчей, коряков... В одно прекрасное время на реку Коркодон [где жил тогда Халандин] коряки пришли» с набегом на тамошних юкагиров, и лишь в ответ на этот набег Халандин и вступает в борьбу с коряками.

Подчеркнем, что обсуждаемая традиция о трех набегах коряков включает утверждение, что это были вообще первые набеги коряков на юкагиров: «Давным-давно на Колыме коряки *впервые* убили много юкагиров» (VII.1 о первом набеге, курсив наш).

(д) *Мотив обрушивания Халандином жилища на головы противников. Халандин и эвены.* В рассказах II (неизвестный информант) и VII (Н.М. Лихачев) центральному эпизоду с участием Халандина непосредственно предшествует сообщение о том, как Халандин убил целую группу совершавших набеги врагов, обрушив на нее ее жилище (у рассказчика в II.3а эти враги – то коряки, то коряки и эвены, действующие совместно; Халандин, обрушив на них их жилище, добывает их ножом, когда они пытаются встать; в VII.5b это коряки, они погибли под обвалом дома, обрушенного на них Халандином). В обоих случаях Халандин тут, аналогично центральному эпизоду, прикидывается другим лицом и обманывает противника. В рассказе II эта ассимиляция с центральным эпизодом еще и усилена тем, что здесь в историю об обрушении жилища (II.3а) вставлен продублированный в нее, опять-таки, из следующего далее центрального эпизода мотив хитрости с прочисткой трубки и убийством противника-силача (посланного убить Халандина) ножом самого этого силача. Затем, в самом центральном эпизоде, этот мотив фигурирует снова, в обычном своем виде (II.3b), так что получается, что по рассказу II Халандин два раза подряд одним и тем же обманным приемом убивает

двух силачей противника, только первый из них не был князцом, а второй – был. Ясно, что это удвоение мотива вторично и произошло в результате его интерполяции из центрального эпизода в эпизод с обрушением жилища, а более ранняя версия воспроизводится в VII.

В рассказе X (В.Г. Шалугин) Халандин также обрушивает жилище на группу коряков, совершавших набеги на юкагиров (X.5), однако между этим эпизодом и центральным эпизодом – хитроумным убийством вражеского богатыря – вставлено еще несколько эпизодов борьбы Халандина с коряками и чукчами, совершавшими набеги (X. 6–14).

В рассказе VI (Н.М. Лихачев) о смерти Халандина последний также обрушивает жилище неких эвенов на его обитателей и уничтожает их, однако здесь этот момент никак не связан с войнами и борьбой против врагов – напротив, данные эвены к описываемому моменту явно были с Халандином в мирных и даже в какой-то степени дружественных отношениях: Халандин пришел просить их поделиться с его голодающим стойбищем мясом, что было бы невероятно, находишь он к тому моменту во вражде с ними. Когда же они, пожалев свои ресурсы, отказали ему в этой просьбе, он внезапно обрушил на них их жилище и перебил их, чтобы захватить их оленей. В рассматриваемом сказании этот поступок в какой-то мере осуждается: самому Халандину стыдно рассказать сородичам о своем деянии, хотя он совершил его только ради них, а при его совершении Халандин получает рану и позднее умирает от нее, что остается рассматривать как своего рода кару судьбы за содеянное. В других сказаниях о Халандине этот конкретный эпизод отсутствует, но есть несколько параллелей к нему. Тот же Н.М. Лихачев в рассказе VII упоминал, что Халандин вообще, «убивая ламутов, перегонял их оленей и этим кормил своих сородичей» (VII.5a), причем эти ламуты-эвены тоже выступают здесь исключительно как жертвы Халандина, поскольку набеги на юкагиров в сказании VII осуществляют отнюдь не ламуты, а лишь коряки (к числу последних здесь относится и вражеский богатырь из центрального эпизода сказания), и о каких-либо действиях эвенов против юкагиров или Халандина ничего не говорится. По сути так же, но короче Н.М. Лихачев рассказывает о Халандине и эвенах в VIa.2. Аналогично Д.Г. Дьячков в VIII сообщает (VIII.3–4⁷⁸), что Халандин, когда сородичи просили его добыть для них при случае хотя бы шкуры и жилы, через некоторое куда-то «исчезал» от них, разыскивал группы эвенов, нападал на них и отбирал оленей: «Ламуты кочуют же с оленьим стадом. Он туда заходит, ходит. Некоторых ламутов убивает. Урасы вот сторожит, там /опорная/ палка /дверная/ есть. Он эту палку дверную поднимает, дергает. Ураса падает.

⁷⁸ Как упоминалось (с. 37, прим. 35), подчеркнутые в VIII.3–4 фразы принадлежат содержательно единому пассажи: на эвенов Халандин нападает (VIII.4) именно для того, чтобы выполнить просьбы нуждающихся родичей (VIII.3).

Ламутов некоторых убивает. Оленей сколько-то берет. Оставшимся людям... /говорит/: – Оленей, – говорит, – гоните по моему следу!... Эти гонят. Ламуты боятся же, /что иначе/ убьет всех он. Сюда /к стойбищу Халандина/ пригонят». Здесь всех оленей убивали, и Халандин раздавал все добытое нуждавшимся сородичам. При этом указанные эвены ничем не вызывали юкагиров на вражду: в сказании VIII набеги на юкагиров совершают вовсе не эвены, а чукчи, и враг-богатырь из центрального эпизода является здесь, соответственно, чукчей (VIII.5, см. особенно последние фразы). Характерно, что Д.Г. Дьячков отзывается об указанных эвенах скорее как о внушающих некоторое сочувствие жертвах (с. 89)⁷⁹. Намного яснее выражено это отношение в рассказе В.Г. Шалу-

⁷⁹ Весьма близкую по фабуле параллель к рассказам о том, как Халандин напал на эвенов и отнимал у них имущество, представляет собой верхнеколымский юкагирский рассказ о Кривороте (Кривороте; это реальное лицо середины XVII в., Криворот Мотоков русских документов [Долгих 1960: 416]), записанный В.И. Иохельсоном [Иохельсон 1900 № 55: 136–137]. Криворот налетает на ламутов, угоняет у них оленей и кормит их мясом своих сородичей. При этом с данными ламутами на момент описываемого набега у Криворота и его людей вражды нет – это видно из того, что пострадавший ламут вопрошает позднее Криворота, почему тот не пришел просить мяса по-хорошему, а предпочел действовать силой. Такой вопрос был бы невозможен, если бы описываемые ламуты на момент набега Криворота находились с ним или его общиной в состоянии уже идущего вооруженного конфликта. При этом никаких дистанцирующихся или упрекающих нот в адрес Криворота (или сочувственных нот в адрес ламута) в обсуждаемом рассказе, в отличие от дошедших рассказов об аналогичных поступках Халандина, нет. Подчеркивается, правда, что Криворот крайне не хотел убивать пустившегося за ним в погоню сына ламута и сделал это только потому, что тот, несмотря ни на какие уговоры Криворота, не желал отставать и стрелял по нему, надеясь вернуть оленей. Впоследствии Криворот предлагает пострадавшему ламуту забрать обратно часть его оленей, но тот не воспользовался этим великодушием, так как не поверил Кривороту и «побоялся» (очевидно, того, что Криворот сделал это предложение лишь из хитрости, а сам намеревается его убить). Таким образом, тотальной вражды к ламутам в рассказе нет, рассказчик подчеркивает, что Криворот налагает на себя определенные ограничения в причинении зла ламутам. Однако сам факт нападения на ламутов и их ограбления рассматривается здесь, по-видимому, как нечто вполне оправданное и служащее только к славе героя. Сравним: про Халандина в целом ряде рассказов говорится, что себе он ничего из отнятого у эвенов не брал, все раздавал родичам, и при этом не желал признаваться им, что добыл для них пищу путем совершения налета на эвенов (см. сводку на с. 78–80); Криворот, напротив, сам ест добытое грабежом мясо вместе с родичами и явно не скрывает от них того, как его получил («Криворот оленей до товарищей пригнал. Много мяса кушая, сидели»). Как видно отсюда, рассказчики упомянутых историй о Халандине ощущают его грабительские набеги на эвенов как нечто не вполне приемлемое, и поэтому стремятся дистанцироваться от этих набегов или даже по возможности дистанцировать от них самого Халандина – хотя бы в той форме, чтобы он лично не пользовался их плодами; рассказчик же истории о Кривороте ничего подобного об аналогичном набеге Криворота не думает (и лишь подчеркивает, что Криворот и в

гина – IX, где говорится (IX.6): «О Халандине очень много рассказывали... как об умном и справедливом человеке. Ну, я не сказал бы, что справедливо он действовал. Защищать – защищал бы, но он страшно людей грабил. Разграбит – но себе ничего не брал» (все отдавал своим людям). В свете всего сказанного ранее становится ясно, что в данных репликах В.Г.Шалугин имеет в виду те самые неспровоцированные грабежи и убийства, что были описаны в изложенных выше сюжетах (VI; VII.5a; VIII.3–4), и в целом разделяет и противопоставляет действия Халандина против тех, кто совершал набеги на юкагиров (в IX это чукчи и коряки, IX.1), и против тех, кого неспровоцированно грабил сам Халандин – хотя и делая это лишь ради своих сородичей: для самого себя он, как видно, поступать так не стал бы. Тот мотив, что Халандин грабит именно и только в пользу сородичей, выражен более или менее ясно и в IX.6, и в VIII.3–4, и в VII.5a, и в VI, и в VIa.2, и в X.14 [«Он берет не себе... Халандин же грабит не для себя, а для своих людей»]. При этом в рассказе VI еще и показывается, что сам Халандин осознает такие поступки как недоброе дело, в котором даже не хочет признаваться сородичам, а в VIII.4 Халандин также уходит грабить эвенов втайне от сородичей – «исчезает», не извещая их о своих намерениях, и является обратно уже с добычей, то есть и тут стремится не показывать сородичам, какими именно средствами он собирается удовлетворить их нужды (все это рассказ VIII даже подчеркивает, см. выше прим. 36). Во всем этом тоже наблюдается некоторая переключка с одним из тундренных сказаний об Эдилвэе, где Эдилвэй атакует группы чукчей без вполне необходимых оснований (за что и осуждается положительными персонажами-юкагирами), но встает на этот путь вопреки собственному желанию, по настоянию своих людей и ради их блага [ФЮ: 167, 169]. В рассказах VI и VIII еще и подчеркивается, что грабит эвенов Халандин даже не просто ради сородичей, а лишь тогда когда сородичи находятся в особенно отчаянной нужде и это положение нельзя исправить «по-хорошему»: в VI говорится, что Халандин пошел к ламутам, когда «люди голодали», и сперва просил у них мяса миром, а к насилию перешел лишь после отказа; в VIII Халандин ходит грабить ламутов лишь ради наиболее нуждающихся, лишенных кормильца и дошедших до крайней нищеты женщин из числа сородичей, и ни для кого другого (прим. 38)⁸⁰.

этом набеге старался по возможности ограничиться тем, чтобы отнять у ламутов оленей и безопасно вернуться с добычей, не причиняя ламутам зла сверх этого).

⁸⁰ В том же рассказе VIII достаточно развернуто выражено, что Халандин мог бы убивать всех в атакованном ламутском стойбище и забирать всех его оленей, но убивает лишь «некоторых» и забирал лишь часть оленей (прим. 37). Эта своеобразная «умеренность» переключается с аналогичной «умеренностью» Кривороты в адрес ламутов (см. с. 79, прим. 79).

В рассказе II говорится (II.4–5), что «после этого [гибели вражеского богатыря-коряка в центральном эпизоде и окончания набегов коряков], сражаясь с эвеннами, Аландин однажды чуть-чуть не умер. От шестнадцати эвенских парней он своей ловкостью и силой от смерти спасся. Он, состарившись, умер». Не говорится, однако, кто именно и как оказался зачинщиком этого конфликта. Тот факт, что он происходит уже после завершения основных событий, связанных с Халандином (то есть после его борьбы с врагами, совершавшими набеги, венчающейся и завершающейся центральным эпизодом – хитроумным убийством вражеского богатыря), сближает эту историю с рассказом VI, где Халандин незадолго до смерти оказывается ранен при успешной в остальном попытке ограбить и уничтожить группу эвенов (ничем не посягавших на юкагиров, см. выше) и в конце концов умирает от этой раны; в обоих случаях сообщение о смерти Халандина идет сразу после сообщения о его конфликте с эвеннами. Вероятно, это реализации одного и того же сюжетного мотива – о том, что уже после окончания войн с противниками, совершавшими набеги на юкагиров, Халандин подвергся какой-то сильной опасности в конфликте с группой эвенов; просто в II он счастливо избегает этой опасности и умирает от старости, а в VI – умирает как раз от раны, полученной в этом конфликте.

Подождим сказанное. В разобранном материале сказаний II, VII, VIII и IX ясно прослеживается выделение двух составляющих деятельности Халандина (подразумевающееся также и в сказании VI, где прямо речь идет только о второй из них):

– первая составляющая: борьба с группами, агрессивно совершающими набеги на юкагиров (в VII это коряки, в II – коряки и действующие совместно с ними группы эвенов при доминировании коряков, в VIII – чукчи, в IX – чукчи и коряки [IX.1], в основном изложении X – коряки и чукчи [см. с. 50 сл., прим. 46]). Эта борьба заканчивается центральным эпизодом – убийством вражеского богатыря, а этому эпизоду может прямо предшествовать история о том, как Халандин обрушил на группу тех же врагов их жилище (II.3a; VII.5b);

– вторая составляющая: нападения самого Халандина ради добычи на группы эвенов, ничего не делающих против юкагиров (VII.5a; VIII.3–4; VI; о том же, видимо, – IX.6, II.4); к этой стороне своей деятельности Халандин и сам относится с неким сожалением, стремится скрыть ее от сородичей и идет на подобные поступки только ради последних, не беря себе ничего из захваченного⁸¹. В двух рассказах (II.4; VI) эпизод таких

⁸¹ Ср.: Л.Н. Жукова указала нам, что по представлениям юкагиров их шаман мог по просьбе нуждающихся сородичей магическим способом похищать для них у кого-то нечто нужное (например, чай и табак), беря на себя тем самым «грех» (грех при этом ложился и на тех, кто просил его о таком похищении и получал просимое),

нападений на эвенов помещен уже после окончания борьбы Халандина с врагами, совершающими набеги, и сразу после этого эпизода говорится о смерти Халандина.

К первой составляющей в перечисленных рассказах выражено лишь положительное отношение, ко второй – иногда смешанное, с меньшей или большей (иногда очень сильной, как в IX) степенью осуждения.

В других рассказах (I, III, IV, V, X) вторая из вышеназванных составляющих отсутствует – в них либо прямо сообщается, что Халандин действует против врагов, совершающих набеги на юкагиров, либо причины конфликта не оговариваются, но само изложение полностью параллельно рассказам о том, как Халандин борется именно с агрессивными врагами, приходящими на юкагиров набегами, а иных противников у него тут нет. Такова же картина в основном повествовании рассказа II (II.1–3; рассказ о финальном столкновении Халандина с эвенами II.4 – явное прибавление к этому повествованию). В рассказах III, IV, V этот совершающий набеги противник – коряки; в основном повествовании рассказа II (II.1–3) этот противник периодически определяется как коряки и некие присоединяющиеся к ним эвены, но при изложении они все время заменяются просто коряками, так что и здесь исходно в роли указанного противника выступали только коряки, а эвены были присоединены к ним на более поздней стадии бытования этого рассказа. В рассказе X агрессивный противник – коряки и выступающие с ними совместно чукчи. Правда, в одной фразе этого рассказа, в X.10, в общем виде упоминается и присоединение к корякам каких-то эвенов⁸². Однако в

однако сам шаман не должен был пользоваться ничем из этого похищенного; тем не менее, по сообщениям юкагиров, находились шаманы, которые применяли магическое похищение, чтобы обеспечивать самих себя [Жукова 2012а: 271, ср. 358]. Как видно, в изложенных представлениях отразился тот же этический взгляд, что и в комментируемом мотиве преданий о Халандине: человек, похищающий нечто для нуждающихся сородичей, берет на себя тем самым определенный грех, но еще большим (и качественно иным, более тяжелым) этот грех был бы, если бы он воспользовался похищенным для себя самого.

⁸² «Одна база у чукчей, которые шли с оленями, была примерно около вершины [реки] Мургали. Там оленье пастбище богатого оленевода Петерги (а после уже колхозное пастбище стояло). По тем местам раньше ходили грабители: чукчи прибрежные, тундровики, *эвены*, которые объединялись с коряками» (курсив наш). Обратим внимание на то, что об этом объединении эвенов с коряками для грабежа говорится здесь даже не непосредственно применительно ко времени борьбы Халандина с врагами, а применительно к какому-то неопределенному «раньше». Судя по всему, это «раньше» отсчитывается по отношению к моменту речи рассказчика, а не по отношению к описываемому им здесь моменту прошлого (ведь рассказчик здесь дает своего рода примечание от себя, пояснение к описываемой им ситуации, и в этом пояснении упоминает, в частности, колхозное пастбище – иными словами, обсуждаемое пояснение относится ко всему прошлому, отсчитываемому от времени самого рассказчика,

этом рассказе Халандин обрушивает дом именно на коряков; в вышеназванной фразе X.10 эвены как союзники коряков против юкагиров упоминаются совершенно маргинально – лишь при общем описании ситуации прошлого; при этом ни одного случая борьбы Халандина и юкагиров с эвенами – даже как с сообщниками коряков, а не самостоятельным противником – рассказ X не описывает, а в конце его, X.16, об эвенах вообще говорится как о союзниках и симбиотах юкагиров, и прибавляется, что благодаря подвигам Халандина эвены наряду с самими юкагирами получили в добычу оленей от враждебных чукчей и коряков (совершавших на них и юкагиров набеги) и почитали Халандина⁸³. Таким образом, упоминание эвенов в числе противников юкагиров во фразе X.10, видимо, вторично (см. с. 50 сл., прим. 46). В рассказе I противник Халандина – просто эвен (в остальном этот рассказ совершенно параллелен рассказам III и IV). Мы толкуем появление эвенов в составе совершающих набеги врагов (II.1–3; маргинальное замечание в X.10) и появление эвенов в качестве единственного такого врага (I) как вторичный результат частичной контаминации или ассимиляции преданий о борьбе Халандина с противником, совершающим набеги на юкагиров, и преданий о неспровоцированных нападениях самого Халандина на эвенов ради добычи: как видно, под влиянием сюжетов второго рода эвены иногда вставлялись и в сюжеты первого рода в качестве врагов.

Итак, в традиции о Халандине можно выделить два главных направления: в одной группе повествований (II, VII, VIII, IX, аналогично VI, VIa) он отражается как герой, который не только боролся с агрессивными нападениями врагов (исходно – коряков) на юкагиров, но и сам иногда совершал такие же нападения на эвенов, не выступавших против юкагиров. В другой группе повествований (I, III, IV, V, X, XI) Халандин

включая самое недавнее прошлое, когда появились колхозы). Тогда смысл тут тот, что вот когда-то «вообще в прошлом» по данной местности пролегали пути набегов, которыми среди прочих занимались и эвены. Из этого даже не следует, что эвены занимались такими набегами в ходе или в период событий, вовлекавших Халандина. Если же это «раньше» отсчитывается все-таки от самого описываемого здесь момента прошлого, т.е. от времени Халандина (что нам кажется невероятным), то получится, что участие эвенов в обсуждаемых набегах вообще имело место именно до времени деятельности Халандина, «раньше» этой деятельности, а не в период ее самой.

⁸³ «Постепенно ожили местные эвены, от корякских и чукотских оленей богатыми стали. Они вместе с юкагирами жили. Уважаемым человеком был [Халандин] и среди эвенов, и среди юкагиров». Точно так же в рассказе XI сразу вслед за сообщением об убийстве Халандином корякского богатыря и окончании набегов коряков об эвенах говорится как о симбиотах юкагиров – симбиотах, выигравших от подвига Халандина наравне с самими юкагирами (XI.3с, последняя фраза: «Так хорошо зажили, с эвенами ходя, юкагиры»). Такое восприятие эвенов принадлежит, видимо, не изначальной, а более поздней стадии бытования традиции о Халандине, см. с. 84–88.

выступает лишь в первой из этих ролей – роли борца с агрессорами. Один и тот же рассказчик может излагать о Халандине истории из обеих этих групп. Так, Н.М. Лихачев передавал и рассказы первой группы, VII, VI и VIa, и рассказы второй группы, IV и V; аналогично В.Г. Шалугин рассказывал о Халандине и в первом духе – IX (с развернутым осуждением агрессивных действий Халандина в IX.6) и во втором – X⁸⁴.

Отметим, что в рассказах первой группы, т.е. излагающих обе обсуждаемые составляющие деятельности Халандина, они представлены в определенном хронологическом соотношении: согласно этим рассказам, к моменту своего вступления в борьбу с врагами, приходящими с набегами на юкагиров, Халандин уже неоднократно совершал набеги на эвенов с целью обеспечить сородичей (VII.5a; аналогично в рассказе VIII сообщение о набегах Халандина на эвенов, VIII.3–4, приводится еще до описания единственного в этом рассказе эпизода его борьбы с врагами, совершавшими набеги на юкагиров, VIII.5).

Чем объяснить то, что ряд рассказов о Халандине полностью опускает упоминающиеся в других рассказах агрессивные налеты Халандина на эвенов, а в тех вариантах, где они все же упоминаются, они часто рисуются с долей осуждения и стыда за них, причем сходное отношение к этим деяниям приписывается самому же совершающему их персонажу – Халандину (см. выше, с. 80)? Почему в юкагирской традиции прославляемому ей герою оказались приписаны поступки, которые достаточно критично воспринимает сама эта традиция, по крайней мере в той поздней ее форме, в какой она была зафиксирована собирателями?

Особо следует оговорить соотношение сюжетов о набегах Халандина на эвенов с общими представлениями верхнеколымских юкагиров об истории их взаимодействия с эвенами. Уже к концу XIX в. у юкагиров Верхней Колымы существовала на эту тему четкая схема, зафиксированная материалами В.И. Иохельсона. Согласно ей, отношения верхнеколымских юкагиров с эвенами прошли две фазы (см. выше, с. 15). На первой фазе, в давнем прошлом, эвены приходили на территорию, где мирно жили и хозяйствовали юкагиры (то есть на юкагирскую территорию), и все описываемые традицией столкновения между юкагирскими и эвенскими группами (включая взаимные атаки и поиски противника для нападения на него) происходили именно при этом, т.е. в рамках борьбы юкаги-

⁸⁴ При этом в рассказе X рассказчик «избавляет» Халандина от агрессивных нападений на эвенов сразу двумя способами: по основному повествованию Халандин вообще с эвенами не сталкивается и эвены уважают его так же, как и юкагиры (X.16), маргинальное же упоминание в X.10 (какие-то эвены соединялись с коряками в грабительских нападениях коряков и чукчей на юкагиров) подразумевает, что если (бы) Халандин и сталкивался с эвенами, то не агрессивно, а, наоборот, борясь с агрессией соответствующих эвенских групп.

ров с эвенскими вторжениями на юкагирские земли. Затем между верхнеколымскими юкагирами и эвенами был заключен мир, который образует вторую и последнюю фазу их отношений⁸⁵.

Между тем сюжеты о набегах Халандина, как и о набеге Криворота (см. с. 79, прим. 79) не вписываются в только что изложенную схему, так как указанные набеги – это сугубо индивидуальные налеты Халандина и Криворота на отдельного соседнего эвена или эвенское стойбище, проходящие вне войны каких бы то ни было групп, без вражды между этими эвенами и какой бы то ни было юкагирской общиной – в том числе общиной самого налетчика⁸⁶. Напротив, эвены, на которых совершаются эти налеты, рисуются просто как соседи юкагиров, с которыми на момент налета у юкагиров – в том числе у самих Халандина и Криворота! – не только нет вражды, но есть даже достаточно привычные мирно-

⁸⁵ В основе этой схемы лежит реальный ход событий: в первой половине – середине XVII в. эвены активно расселяются на юкагирские земли и занимают их (см., в частности, с. 158 сл.); естественно, этот процесс шел прежде всего за счет военных столкновений, так как мирно свои территории для проживания пришельцам никто бы, как правило, не уступал – это означало бы поступиться в их пользу своей ресурсной базой. Однако под общей русской властью военные действия между юкагирскими и эвенскими группами постепенно сходят на нет, и в XVIII – XIX вв. по отношению к верхнеколымским юкагирам эвены выступают уже как тесно связанные с ними соседи и симбиоты, ярким проявлением чего являлись и совместное кочевание, и процессы взаимной ассимиляции (в XVIII в. значительная часть юкагиров была ламутизирована, в XIX в., наоборот, несколько ламутских групп прошли юкагиризацию, которая для немалой части этих групп была фактически ре-юкагиризацией. Так, 2-й ламутский Каменно-Дельянский род к концу XIX в. стал жить вместе с верхнеколымскими юкагирами, т.е. с Ушканским юкагирским родом и слился с ним воедино, перейдя, в частности, на юкагирский язык и распространив на себя самоназвание «одулы», т.е. юкагиры. Русский официальный учет по инерции продолжал рассматривать их как два отдельных рода, один ламутский, другой – юкагирский, но сами ушканцы уже в начале XX в. рассматривали этих бывших ламутов просто как часть своей общности: например, Тэки Одулок, перечисляя семьи верхнеколымских одулов 1920-х гг., никакого разделения по этому признаку внутри них не проводит и дельянцев среди них никак не отличает и не выделяет [Спиридонов 1930/1996]. Раннесоветский учет колебался между воспроизведением дореволюционной традиции и попытками хоть как-то отразить присоединение обсуждаемых дельянцев к общности ушканцев: в 1926 в советской документации упоминается единая общность «нелемных юкагиров и ламутов», имеющая в окружном Совете одного представителя – Василия Шадрина, а в проекте постановления ВЦИК «Об административном делении ЯАССР» от 1927 г. по-прежнему различаются Дельянский род ламутов и Ушканский род юкагиров [Астахова 2015: 92]). Всю эту эволюцию, как видно, и отразила, с обычным для фольклора некоторым сгущением событий (сначала период, полный лишь самой ожесточенной вражды, потом – столь же однозначный период ненарушимого мира и тесной дружбы), излагавшаяся выше фолькорно-историческая схема верхнеколымских юкагиров.

⁸⁶ Повторим, что и в VI, и в VIII Халандин даже осуществляет свои набеги на эвенов втайне от сородичей.

прияженные отношения⁸⁷. Набеги Халандина и Криворота на эвенов оказываются по контексту никак не спровоцированными самими эвенами (будь то непосредственными объектами этих набегов или какими бы то ни было эвенами вообще).

В рамки излагавшейся выше фольклорной схемы, утвердившейся еще до конца XIX в.: сперва вооруженная борьба с нашествиями эвенов, потом нерушимый мир с ними, – подобные налеты, по сути, не вмещаются, так как в сюжетах о них нет ни того, ни другого. Согласно названной схеме, юкагиры атаковали и убивали эвенов, лишь борясь с их нашествиями в рамках племенной вражды, а не нападали на них неспровоцированно сами; Халандин же и Криворот совершают личные нападения на эвенов, хотя те на юкагиров не нападают и с ними не велось вражды (даже у самих Халандина и Криворота).

В таком случае можно думать, что сюжеты о неспровоцированных индивидуальных налетах юкагирских героев на эвенов, мирно живущих по соседству, появились в юкагирской традиции еще до того, как в ней кристаллизовалась обсуждавшаяся стяженная схема (в которую эти налеты плохо укладываются), и что в пору появления и начального бытования этих сюжетов никакой неловкости у носителей юкагирской традиции они не вызывали (в противном случае зачем их создавали и устойчиво передавали? И действительно, в предании о Кривороте никаких следов осуждения или неловкости в адрес его налета на эвенов нет, см. прим. 79).

С учетом сказанного можно предположить такую эволюцию преданий о взаимоотношениях Халандина с эвенами: первоначально, когда свежа была память о том, что эвены пришли с юго-запада и захватили бывшие юкагирские земли (см. ниже, с. 158 сл.), а спорадические столкновения с ними продолжались⁸⁸, нападения на них не нуждались в

⁸⁷ Повторим, что и Халандин, и Криворот имеют возможность попросить у соответствующих эвенов мяса по-хорошему, надеясь на успех (Халандин в рассказе VI это и сделал, и хотя получил отказ, не встретил никаких враждебных действий в свой адрес. Кроме того, ясно, что Халандин и не обращался бы к эвенам с просьбой, если бы не надеялся на ее выполнение. Криворот даже не пробовал просить у ламута мяса миром, и ограбленный им ламут его за это упрекает: попроси его Криворот о мясе, он выполнил бы эту просьбу по доброй воле).

⁸⁸ Ср. пример: в 1678/1679 г. индигирские ламуты Зашиверского зимовья (то есть деляны-зельяны) жаловались в зимовье, что «в прошлом, великий государь, во 186-м году [сент. 1675 – авг. 1676 г.] убили у нас холопей твоих на соболином промыслу на Ковыме реке ковымские ясачные юкагиры и неясачные Ченога с товарищи вместе родников наших до смерти, а жен и детей их они Ченога с товарищи взяли к себе в полон, а достальных у нас холопей твоих олени и всякой живот пограбили» [КПМЯ 169: 213; обратим внимание на то, что в реальности, как и в ряде юкагирских преданий (включая мотив о том, как Халандин пощадил родствен-

особых оправданиях и не рассматривались юкагирами как чистая, неспровоцированная агрессия даже независимо от того, совершали ли данные эвены потом еще и набеги на юкагиров или просто жили на занятых ими силой недавних юкагирских территориях – в последнем случае юкагирам также было бы из-за чего сохранять к ним враждебное отношение, и для юкагирского богатыря оказывалось вполне подходящим делом ходить на них набегами (если в этих набегах возникала достаточная надобность или они приходились к случаю и давали пользу), даже если данная эвенская группа на юкагиров непосредственно уже не нападала, а лишь обитала и кормилась на захваченной ей или ее недавними поколениями юкагирской земле.

В эти времена оба легендарных компонента деятельности Халандина: набеги на эвенов и борьба с набегами коряков – рассматривались как имеющие достаточные оправдания (ср. историю о Кривороте с ее положительным отношением к его набегу на ламутов с целью их ограбить, аналогичному обсуждаемым нападениям Халандина, с. 79, прим. 79). Однако затем память о нашествиях эвенов, хотя и сохранялась, утратила прежнюю актуальность, и на первый план у юкагиров вышло восприятие эвенов как своих давних соседей и симбиотов, какими эвены массово стали с XVIII в. (и какими они прямо представлены в рассказах X и XI, см. выше с. 83, прим. 83). Теперь грабительские набеги Халандина на эвенов, о которых юкагирская традиция по-прежнему сообщала, не приводя им конкретных обоснований (поскольку в прошлом они были самоочевидны), выглядели уже иначе и вызывали у самих носителей традиции определенное напряжение и вопросы. На это затруднение юкагирская традиция отвечала несколькими способами:

сказания одного типа по-прежнему отражали и признавали эти набеги (II.4; VI; VIa.2; VII.5a; VIII.3–4; IX.6), но теперь уже часто осуждая их (особенно IX) и приводя им некоторые смягчающие обстоятельства (делал это лишь для спасения родичей от нужды, себе ничего не брал);

сказания второго типа просто опустили обсуждаемые набеги (III, IV, V, XI, основное повествование в X), в них Халандин занимался отныне только тем, что боролся с коряжскими (или коряжско-чукотскими) группами, которые сами нападали на юкагиров;

ниц/родственницу врага-богатыря), юкагиры убили только мужчин противника, женщин и детей пощадили (но в реальности еще и угнали с собой)]. Речь здесь идет именно о верхнеколымских юкагирах: именно с ними граничили дельяны, в то время как до нижнеколымских омов от них было слишком далеко. Отметим, что оказаться «на Ковыме» и быть там убитыми «ковымскими ясачными юкагирами» дельяны могли, только если зашли для промысла на территории верхнеколымских юкагиров (см. их примерные ареалы на карте 1, с. 144), то есть нарушили границы чужих угодий – одна из постоянных причин для конфликтов между разными племенами и территориальными подгруппами племен в регионе.

сказания третьего типа сливали воспоминания о конфликтах Халандина с эвенами с сюжетом о его борьбе с набегами коряков, делая соответствующих эвенов участниками этих набегов (отразилось в П.1–3, X.10), или вообще заявляли, что врагами, совершающими набеги на юкагиров, были именно эвены (I). В обоих случаях набеги Халандина на эвенов вопросов больше не вызывали – тут он действовал против эвенских стойбищ, участвовавших в набегах на юкагиров.

Сказание VI (рассказчик Н.М. Лихачев) относится к первому из названных только что типов. Сочетание свойственных этому типу подходов представлено здесь особенно ярко: сказание дает понять, что эвены, о которых идет речь, поддерживают добрососедские отношения с Халандином и его людьми (Халандин в пору смертельного голода просит этих эвенов поделиться мясом, которое у них в достатке; раз он может обратиться к ним с такой просьбой, значит, это именно мирные соседи, с которыми уже установлены соответствующие, достаточно дружественные отношения, а не враги и даже не просто чужаки, с которыми никаких отношений нет); в сказании проводится и известное осуждение действий Халандина против этих эвенов (он получает по воле сказителя возмездие – умирает от полученной при грабеже эвенов раны, в то время как в основном кусте сказаний о Халандине он умирает мирно в глубочайшей старости), и объяснение этих действий крайностью ситуации (Халандин пошел на это лишь для того, чтобы спасти сородичей от смертельного голода, сначала просил эвенов поделиться по-хорошему), и передача того, что Халандин и сам считает совершенное им дело скверным и испытывает в связи с ним горечь (даже не желает признаваться сородичам, как именно он добыл мясо), хотя по совокупности обстоятельств и сделал выбор в пользу того, чтобы его совершить.

Не менее ярко выражено новое восприятие преданий о нападениях Халандина на эвенов в различных рассказах В.Г. Шалугина, где реализуются все три изложенных выше подхода: в одном рассказе В.Г. Шалугин признает подобные нападения и осуждает за них Халандина (IX.6), в основном повествовании другого рассказа (X) он вообще исключает конфликты Халандина с эвенами (здесь эвены уважают Халандина и выигрывают от его побед наряду с юкагирами, X.16), а в своего рода внутреннем примечании к этому рассказу (X.10) дает понять, что если (бы) Халандин и сталкивался с эвенами, то не как агрессор, а как борец с их собственной агрессией (см. с. 50, прим. 46). Таким образом В.Г. Шалугин использует все мыслимые варианты изображения отношений Халандина с эвенами, кроме одного: признавать агрессивные нападения Халандина на эвенов, не находя в этом в то же время ничего плохого (как, вероятно, было на первичной стадии существования эпоса о Халандине, аналогично рассказу о Кривороте, с. 79, прим. 79). Даже в очень близком к

последнему подходу рассказе VIII Д.Г. Дьячков все же высказывается в духе некоторого сочувствия к эвенам, как бы входя в их положение: «Эти [ламуты] гонят [олений]. Ламуты боятся же, [что иначе] убьет всех он» (Л.Н. Жукова услышала и при отредактированной передаче этого рассказа усилила эту ноту: «Что делать эвенам? Боятся его — убьет» [Хозяин земли 1994: 81]. Все это лишний раз показывает, насколько напряженно могли носители юкагирской традиции на позднейших этапах ее существования (во времена эвенско-юкагирского симбиоза) относиться к дошедшим до них рассказам о неспровоцированных нападениях Халандина на эвенов, насколько неловко им было теперь воспринимать подобные рассказы и как они стремились отныне различными путями избегать одобрения таких поступков Халандина (от изъятия этих поступков из биографии Халандина до их осуждения).

Поскольку сказания всех трех изложенных выше типов, с их разногласиями по вопросу о передаче и оценке действий Халандина против эвенов, с момента формирования этих типов существовали в традиции верхнеколымских юкагиров одновременно, у многих юкагиров, знакомых со всеми ними, сложилось неоднозначное мнение в отношении собственного героя. С одной стороны, это заступник, который «в тяжелые времена помогал своим людям» (X), легендарная личность, «как Манчары» (VIa). С другой стороны, отмечается обратная сторона его собственных набегов, сопровождавшихся разбоем. Приведем полностью суммарную амбивалентную характеристику, которую дал ему в одном из своих повествований В.Г. Шалугин: «Халандин – это наш национальный юкагирский герой. Он защищал бедных, обиженных людей, мстил за них... О Халандине очень много рассказывали как о национальном герое, как о богатыре, как об умном и справедливом человеке. Ну, я не сказал бы, что справедливо он действовал. Защищать – защищал бы, но он страшно людей грабил. Разграбит – но себе ничего не брал» (IX).

(е) *Распределение сцен обрушивания Халандином жилища в связи с другими мотивами.* Тот мотив, что Халандин обрушивает на людей, против которых он выступает, их жилища, присутствует и в тех сказаниях, где Халандин только борется с агрессорами (X.5), и в тех сказаниях, где Халандин и сам выступает агрессором против эвенов, причем в сказаниях последней группы он применяет этот прием либо в собственных агрессивных набегах на не посягавших на юкагиров эвенов (VI; VIa.2; VIII.3–4), либо, наоборот, при борьбе с агрессорами (II.3a, VII.5b), но не в обеих этих ролях сразу: если описанный прием он применяет в грабительских набегах на эвенов – то уж не против агрессоров в том же сказании, и наоборот. Чем вызвано такое распределение реализаций обсуждаемого мотива, сказать трудно. Возможно, сказители просто избегали использовать его чаще одного раза в одном и том же сказании, считая, что делать этот

прием повторяющимся методом Халандина в борьбе против разных врагов было бы невыигрышно; возможно, в каком-то варианте традиции было неким образом зафиксировано, что такой случай с Халандином произошел лишь однажды, так что потом оставалось приурочивать его либо к одному, либо к другому моменту его деятельности, но не сразу к нескольким из них.

(ж) *Другие эпизоды борьбы Халандина с врагами, совершающими набеги на юкагиров.* В рассказе X перед изложением заключительного эпизода борьбы Халандина с агрессорами – убийства вражеского богатыря (X.15) – присутствует, кроме обрушивания жилища на одну из групп этих агрессоров (X.5⁸⁹), еще целый ряд эпизодов борьбы Халандина против них, развернувшихся между двумя названными событиями. В остальных рассказах этим эпизодам либо ничего не отвечает, либо отвечает лишь краткая констатация того, что Халандин перед столкновением с упомянутым богатырем уже убил множество врагов той же группы (I.1, IV.1 – в обоих случаях эта формулировка покрывает заодно и историю с обрушиванием жилища, в этих рассказах тоже специально не упоминающуюся). Таким образом, рассказ X – самое развернутое повествование о воинских деяниях Халандина. В рассказе XI описаны враждебные действия агрессоров против стойбища Халандина (XI.1–2), в ответ на которые Халандин и выступает на борьбу с этими агрессорами, но сама борьба сведена к центральному эпизоду и какие-либо иные, более ранние или более широкие атаки тех же агрессоров против юкагиров не упоминаются (в отличие от большинства других рассказов).

Отметим, что предания о Халандине обнаруживают достаточно твердые представления о последовательности связываемых с ним сюжетов. Так, эпизод с обрушиванием жилища на головы врагов, участвующих в набегах, во всех трех содержащих этот эпизод рассказах (X.4–5, II.3a, VII.5b) помещается до центрального эпизода. При этом в рассказе VII он помещен после сюжета о трех нашествиях коряков (VII.1–4) и приурочен к некоему следующему их набегу.

В совокупности своей рассказы о Халандине задают следующие фазы борьбы с агрессорами, которую он, согласно этим рассказам, победно завершил:

– первые нашествия этих агрессоров, описываемые без упоминания Халандина (V.1–4, VII.1–4, X.3); в одном случае вместо этого описаны враждебные действия этих агрессоров против стойбища самого Халандина, состоявшиеся накануне его личного выступления на борьбу с ними (XI.1–2);

⁸⁹ Аналогично II.3a, VII.5b.

– выступление Халандина против агрессоров (XI.3а и т.д.) и подвиги, совершенные им в борьбе с ними еще до центрального эпизода (II.3а, VII.5b, X.4–14), прежде всего обрушение жилища на голову их группы (II.3а, VII.5b, X.5);

– центральный эпизод и его результат – пресечение нападений агрессоров.

(3) *Сообщения о родичах, происхождении и местообитании Халандина* таковы. В центральном эпизоде Халандин выступает в ряде вариантов как человек, находящийся с женой и одной дочерью (I; III; аналогично II); в одном варианте вместо них выступают две дочери (VIII), в еще трех упоминается только жена (IV; V; VII), в еще одном только дочь (X). Очевидно, что в исконной традиции в этом месте значились жена и дочь, а в позднейших вариантах то забывали про одну из них, то заменяли жену второй дочерью.

При этом в ряде преданий утверждается, что у Халандина были и другие дети, и сведения об этом по-разному согласуются с описанием его семьи в центральном эпизоде. В рассказе II говорится, что, кроме жены и дочери, у Халандина был приемный сын, которого Халандин взял малолетним из другой семьи (II.2, 3а). Почему при этом в эпизоде встречи с вражеским богатырем при Халандине упоминаются просто «остальные» «люди» (члены семьи, II.3b), оказывающиеся далее лишь женщинами (II.3b: «Мужчины [Халандин и вражеский богатырь] ушли. Женщины [жена вражеского богатыря и «люди» семьи Халандина] за ними пошли»), а из них специально называется лишь дочь, рассказчик не поясняет. В рассказе VII у Халандина шестеро детей; почему далее в эпизоде с вражеским богатырем о Халандине говорится, что он жил в яранге с женой, без упоминания детей, также не поясняется. В рассказе X говорится, что у Халандина были еще какие-то дети, кроме дочери, и здесь рассказчик как раз специально объясняет, почему же, согласно его изложению, в эпизоде с вражеским богатырем рядом с Халандином оказывается лишь дочь: остальную свою семью, по разъяснению рассказчика, Халандин тогда оставил в другом месте (X.15)⁹⁰.

⁹⁰ Укажем, что для преданий верхнеколымских юкагиров о межплеменной борьбе, как и для их несказочной прозы в целом, вообще характерна детализация состава семьи и указание количества людей. Это является признаком того, что предания воспринимаются носителями фольклора как абсолютно достоверные истории. Зачастую информация о членах семьи не востребована содержанием рассказов, однако ее наличие объясняется тем, что речь идет о реальных людях и событиях (по крайней мере с точки зрения носителей традиции, а часто и на деле). Разного рода конкретизации призваны убедить слушателя в действительности рассказываемого, являясь таким образом одним из признаков установки на достоверность.

В.Г. Шалугин устойчиво упоминал (вступительный комм. к II; IX.7–8), что у Халандина осталось потомство среди коркодонских юкагиров, и его потомки ныне – это Дьячковы и Тайшины. Эти заявления явно не могли быть плодом личной импровизации В.Г. Шалугина как сказителя, они должны были воспроизводить общие генеалогические убеждения верхнеколымских юкагиров. Таким образом, то, что у Халандина осталось потомство, должно было быть устойчивым элементом преданий о нем.

По одному из рассказов В.Г. Шалугина, семья, заведенная Халандином, умерла от порчи, наведенной на нее шаманами совершавших ранее набеги врагов в отместку за то, что Халандин совершил в борьбе с этими набегами (X.16).

Складывается впечатление, что исходная традиция не говорила о потомках Халандина ничего определенного, кроме того, что при встрече с вражеским богатырем при нем были жена и дочь и что у него осталось потомство, к которому относятся такие-то современные юкагиры. Каким именно образом это потомство произошло от Халандина, традиция устойчиво не сообщала, и потому разные сказители приписывали Халандину разный состав семьи, помимо жены и дочери, и по-разному могли согласовывать (или никак не согласовывать) этот состав с упоминанием лишь его жены и/или дочери в центральном эпизоде.

Определенные сведения приводятся и о родительской семье и месте проживания Халандина. По рассказам того же В.Г. Шалугина, Халандин был родом из омонских юкагиров (IX.3, 7; X.1; разбор этого сообщения см. на с. 94 слл.), и у него были три брата, сестра, мать и отец, убитые коряками (IX.7 + X.1, 7; прим. 2 к II) как раз тогда, когда Халандин был в отлучке – ездил за невестой с Коркодона, где тогда проживал он и вся его семья вместе с ним (перейдя туда с Омолона), на Омулевку (IX.7 + X.7). Это убийство семьи Халандина имело место уже на фоне его борьбы с коряками, но до убийства им вражеского богатыря. После этого Халандин оставался на Омулевке и умер там (прим. 5 к II; IX.7). Потомки Халандина, по В.Г.Шалугину, и дальше жили на Коркодоне (вступительный комм. к II) или (сначала?) скорее на Омулевке (IX.7). Согласно наиболее подробному рассказу В.Г. Шалугина (X) получается, что Халандин на момент своего вступления в борьбу с коряками жил на Коркодоне, а на Омулевку переселился позже⁹¹. Напротив, в рассказе А.В. Слепцовой

⁹¹ Это видно из того, как В.Г. Шалугин описывает здесь начало борьбы Халандина с врагами, совершающими набеги (X.3–4): «Тогда раньше набеги бывали со стороны чукчей, коряков. Они много ущерба наносили безолненным юкагирам. В одно прекрасное время *на реку Коркодон* (курсив наш. – Авт.) коряки пришли. Говорят, очень много кочевых юкагиров, которые на собаках кочевали, убили, пушнину всю забрали, сами ушли. В общем, грабежом занимались. Вот он [Халандин] с некоторыми своими товарищами договорился: «Давайте за ними [коряками и чукчами] охотиться». Однажды на разведку пошел он» и т.д. Итак, Халандин здесь поднимается

Халандин к моменту конфликта коряков с ним и его родом является вождем юкагирского стойбища на виске и озере Нёхуння при протоке «Корякской» (Кэрэкэ), близ озера, названного впоследствии по имени самого Халандина (XI. 1–2, 4) – все эти водные объекты располагались при р. Мамонтова/Мамота (VIa.3, 5, ср. XI.1), левом притоке Ясачной. По Н.М. Лихачеву, Халандин обитал там же, на р. Мамонтова при озере, названном потом по его имени (VIa.3, 5).

Омулевка и Мамота – левые притоки Ясачной, текущие в ~60 км друг от друга (первая впадает в Ясачную выше Рассохи, вторая – ниже), так что версии, отразившиеся у Н.М. Лихачева и А.В. Слепцовой (Халандин жил и умер на Мамоте) и В.Г. Шалугина (Халандин поселился на Омулевке, жил там и умер там) не вполне совпадают, хотя и не очень далеки друг от друга: речь одинаково идет о левобережье Ясачной. В большинстве рассказов вообще не упоминается, к какой из локальных групп верхнеколымских юкагиров принадлежал Халандин. Можно думать, что устойчивых сведений на этот счет традиция не сохранила. Сообщение В.Г. Шалугина о том, что Халандин вообще часто менял место обитания и жил то на одной реке, то на другой («один год жил у омонских своих сородичей, один год на Колыме, один год на Ясачной, на Коркодоне один год», X.1), отвечает, скорее всего, тому, что деятельность Халандина связывалась в различных преданиях с различными реками (вероятно, потому, что разные локальные группы юкагиров стремились приурочить сказания о нем к наиболее родным и знакомым им местам), и приведенное сообщение сводило эти привязки воедино единственным возможным для этого способом: представляя дело так, что Халандин успел пожить на каждой из соответствующих рек и все время переезжал с одной из них на другую.

Отметим, что наличие озера Халандина рядом с протокой «Корякской» в бассейне р. Мамота не обязательно означает, что исторический Халандин действительно жил именно здесь: учитывая популярность сказаний о Халандине, подобные названия, увековечивающие борьбу Халандина с коряками, могли и задним числом приурочиваться к различным объектам (в действительности не имевшим отношения к этой борьбе). В 1811 г. (см. с. 7) упоминается Аланчин, глава «Рыбникова» рода верхнеколымских юкагиров, обитавшего на р. Поповка (левый приток Колымы выше Ясачной), однако отсюда еще нельзя заключить, что этот юкагирский род имел более тесное отношение к Халандину, чем другие.

против коряков в ответ на совершенное теми нападение на коркодонских юкагиров; из этого следует, что в рамках данного сюжета Халандин сам на тот момент жил на Коркодоне и был связан с подвергавшимися указанному нападению коряков коркодонцами. Ср. сообщение того же В.Г. Шалугина в IX.7 о переселении членов родительской семьи Халандина с Омолона на Коркодон.

(и) *Омолонское происхождение Халандина в свете исторических и историко-географических данных.* Как уже говорилось выше, в некоторых сказаниях о Халандине (IX.3, 7; X.1) упоминается, что он был родом из омолонских юкагиров (то есть из некоей омолонской подгруппы юкагиров-верхнеколымцев), и лишь позднее переселился на левобережье Ясачной. Это, казалось бы, вступает в противоречие с основной историко-географической реконструкцией Б.О. Долгих, по которой ареал верхнеколымских юкагиров (когимцев) в середине XVII в. вообще не захватывал Омолону [Долгих 1960: карта, ср. 422]. Однако в одном русском документе 1679 г. [КПМЯ № 192: 241] упоминается группа ясачных юкагиров во главе с Накичей, платившая ясак в Верхнеколымском зимовье (т.е. относившаяся к племенному объединению верхнеколымских юкагиров) и жившая на «Каменю» (который Б.О. Долгих и считает водоразделом Колымы и Омолону) [Долгих 1960: 422], причем ниже в том же документе заявляется, что, по словам ясачных юкагиров Среднеколымского зимовья, эта группа Накичи живет «на Омолоне реке». Таким образом, в XVII в. некая группа верхнеколымских юкагиров обитала, по-видимому, не только на «Каменю», но и вплоть до самого Омолону, причем коль скоро платила ясак она в Верхнеколымском зимовье, но в то же время подробности о ее местообитании сообщали юкагирские плательщики Среднеколымского зимовья, помещать район возможного выхода этой группы Накичи к Омолону надо скорее ниже ареала выхода к нему ходынцев (т.е. к северо-востоку от Коркодона), чем выше этого ареала (т.е. к юго-востоку от истоков Коркодона): во втором случае группа Накичи, пожалуй, оказывалась бы слишком отдаленной от Среднеколымского зимовья. Впрочем, общая схема реконструкции Б.О. Долгих допускает коррекции, при которых ареал верхнеколымских юкагиров выходил бы к Омолону и выше района расселения омолонской группы ходынцев, и ниже его, и «подковообразно» (одновременно и выше, и ниже этого района). Кроме того, реконструкция Б.О. Долгих в любом случае и не обязана одинаково отвечать всей середине – второй половине XVII в., так как за эти несколько десятилетий границы юкагирских племен и их подгрупп в каких-то районах, несомненно, изменялись, так что если в какой-то момент этого периода рубежи верхнеколымских юкагиров и не выходили к Омолону, то на протяжении все того же XVII в. они могли все равно достичь его.

В частности, Табушкан (Таушкан), первоначально один из членов Нартицына рода верхнеколымских юкагиров, а потом основатель Заячьего (Ушканского) рода (как видно, отделившегося от Нартицына), упоминается в русской документации за 1699 г. как «омолонский Ушкан», а за 1700 и 1704 гг. – как «омолонский Таушкан» [Долгих 1960: 417, прим. 219], хотя позднее Ушканский род обитал на Ясачной. Сам Нартицын род в

1660-х гг. был переведен платить ясак из Верхнеколымского зимовья в Чендонское все на том же Омолоне (см. выше, с. 11 сл. и [Долгих 1960: 413, 423]), т.е., очевидно, оказался неподалеку от этой реки. Как видно, формирование Ушканского рода путем отделения части рода Нартицына происходило как раз за счет дальнейшего смещения этой части на Омолон (и именно поэтому Табушкан определяется в русских документах рубежа XVII–XVIII вв. как «омолонский»), а на Ясачную основанный Табушканом Ушканский род переместился лишь позднее.

Из сказанного видно, что если даже считать, что в середине XVII в. границы верхнеколымских юкагиров не захватывали долины Омолона, то в течение второй половины XVII в. некоторые группы этих юкагиров оказывались на Омолоне. Далее, можно заметить, что обнаруживающееся перемещение Ушканского рода с Омолона на Ясачную параллельно по содержанию сообщениям В.Г. Шалугина о перемещении Халандина и его рода с Омолона на левые притоки Ясачной. Если это не случайное совпадение, то «омолонские юкагиры», к числу которых относит Халандина В.Г. Шалугин – это и есть та самая группа отошедших в направлении Омолона и на сам Омолон юкагиров, включающая Нартицын и отделившийся от него Ушканский род, которая известна по русским документам XVII в., и Халандин принадлежал к этой группе, а предание о его переселении через Коркодон в бассейн Ясачной исторично и отвечает тому дальнейшему перемещению (или серии перемещений), которое привело с Омолона на Ясачную Табушкана и его род. С такой гипотезой согласуется один из рассказов В.Г. Шалугина (IX), приписывающий Халандину ученичество у Атыляхана – вероятно, того, что был вождем Ушканского рода в начале XVIII в. (в юкагирской эпической памяти, впрочем, его перемещали более чем на полвека назад, к 1640-м гг., см. выше с. 9); хотя сама по себе такая связь Атыляхана и Халандина анахронична и домыслена, она все равно может отражать общую связь Халандина с той самой оказавшейся при Омолоне частью верхнеколымцев, из которой вышел Ушканский род «омолонского Таушкана» и его сына Атыляхана.

Наконец, следует подчеркнуть, что еще позже несколько родов верхнеколымских юкагиров, в том числе непосредственные носители самого этнонима *когимэ*, наиболее тесно связанные с этим этнонимом, переселились на Омолон и в целом на север. В частности, в конце XIX в. юкагиры, остававшиеся на Верхней Колыме, говорили В.И. Иохельсону, что «когимэ» – это название одульского рода (то есть рода колымского юкагирского языка; тундренных юкагиров верхнеколымские юкагиры времен В.И. Иохельсона «одулами», т.е. юкагирами, не считали и не называли), еще недавно жившего на Омолоне, но к концу 1890-х вымершего и исчезнувшего [Иохельсон 2005: 51; Иохельсон 1900: 209,

прим. 1; Иохельсон 1900б: 159], а 1-й Омолонский юкагирский род XIX в. действительно говорил на колымском юкагирском [Иохельсон 2005: 103].

Тем самым открываются две возможности объяснять противоречие между сообщениями о том, что Халандин был родом из омолонских юкагиров, и основной реконструкцией Б.О. Долгих, по которой ареал верхнеколымских юкагиров вообще не достигал Омолона.

(1) считать, что речь идет не о роде, действительно жившем на Омолоне в XVII в., а о группе верхнеколымцев-когимцев, которая лишь позднее мигрировала на Омолон в ходе последнего из вышеупомянутых расселений и, соответственно, была известна среди колымских юкагиров XIX – XX вв. уже как «омолонская». Юкагирские рассказчики XX вв. так ее и воспринимали, и, не зная, что столетия назад, во времена Халандина, ее предки, к числу которых относился по юкагирским воспоминаниям сам Халандин, еще не жили на Омолоне, закономерно говорили о нем просто как об одном из «омолонских» юкагиров, бессознательно перенося известную им ситуацию размещения родовых групп юкагиров на прошлое. В результате рассказчикам приходилось объяснять, как же Халандин, предания о котором связывали его подвиги с бассейном Ясачной, мог оказаться там, если он был из омолонского рода, и им оставалось домысливать переселение Халандина с Омолона на Ясачную.

(2) считать, что основная реконструкция Б.О. Долгих в данном вопросе не вполне исчерпывающа, а на деле не только ареал ходынцев, но и ареал верхнеколымцев-когимцев постоянно или временно захватывал часть бассейна Омолона, и именно к соответствующей части верхнеколымцев принадлежал Халандин. В рамках этого решения наиболее вероятным было бы отнесение Халандина к тем самым группам верхнеколымцев, к которым принадлежал и Табушкан, поскольку какие-то части этих групп (как, например, Ушканский род) действительно обитали одно время на Омолоне, а потом переместились оттуда в бассейн Ясачной, а именно такое перемещение приписывает Халандину В.Г.Шалугин. Этот вариант и кажется нам наиболее вероятным.

При этом географически место расселения на Омолоне той части верхнеколымцев, к которой принадлежал Халандин, можно реконструировать двояко:

(2.1) оно могло занимать район *выше* (южнее) отрезка выхода к Омолону ходынцев – за счет части тех территорий, которые в реконструкции Б.О. Долгих показаны как коряжские (в самой верхней части течения Омолона) или смежные ходынские (чуть ниже по Омолону). В этом случае родительская семья Халандина оказывалась бы живущей непосредственно у границы с коряками (см. карту 1 на с. 144), и его описываемое В.Г. Шалугиным переселение на Коркодон, а далее на левобережье

Ясачной оказывалось бы, скорее всего, частью отступления юкагиров с верховьев Омолона под напором корякских набегов;

(2.2) оно могло лежать при Омолоне, наоборот, *ниже* (севернее) района выхода к нему ходынцев (и этот ареал верхнеколымцев отражен, возможно, в КПМЯ: 241).

Выбор между названными вариантами (2.1) и (2.2) остается за рамками задач настоящей работы.

(к) *Смерть Халандина* описывается двояко. Согласно неизвестному информанту (II.5) и В.Г.Шалугину (X.16; прим. 5 к II), он умер от старости. По Н.М. Лихачеву, он умер от ран, полученных, согласно одному рассказу Н.М. Лихачева, при агрессивном нападении на эвенов, не посягавших на юкагиров (VI), а по другому рассказу того же Н.М. Лихачева – при убийстве вражеского богатыря в центральном эпизоде (V.5–6). Поскольку все остальные изложения центрального эпизода не упоминают такого его результата, из двух версий Н.М. Лихачева более устойчивой и древней надо считать ту, что изложена в VI.

В свете всего сказанного выше можно допустить, что в исконной традиции Халандин умирал от старости, но в пору, когда его набеги на эвенов, не посягавших на юкагиров, стали рассматриваться как сугубо агрессивное дело, появился и мотив кары его за это смертью от ран, а дальше оба финала могли появляться в разных сказаниях в разном виде.

(л) *Содержательный состав преданий о Халандине*. В целом эпическая традиция о Халандине включает, по-видимому, следующие элементы (изложены ниже при возможности в хронологическом порядке, как он рисуется в преданиях):

(1) сведения о происхождении Халандина (IX.3, 7, X.1, 7 – все от В.Г. Шалугина);

(1а) общие характеристики Халандина и его эпохи (I.1, II.1–2, IV.1, VIIa. 1, 4; VIII.1–2, IX.1, 3, 6, 8, X. 1–2, 6, 11, 14, 16).

(2) набеги Халандина на эвенов с целью обеспечить сородичей, разворачивавшиеся еще до его борьбы с врагами, совершающими набеги на юкагиров /коряками/ (VIa.2, VII.5a, VIII.3–4, фактически о том же IX.6, X.14).

(3) предание о начале противоборства верхнеколымских юкагиров с коряками – три нашествия коряков на юкагиров; Халандин здесь не упоминается (V.1–4, VII.1–4; первое нашествие – V.1, VII.1 /плюс мотив не вызвавшего доверия пророчества об этом нашествии, перенесенный в рассказе VII в другое место предания – VII.7/; второе нашествие – V.2, VII.2; третье нашествие – V.3, VII.3, пауза после него – V.4–5, VII.4–5b). В стяженном, общем и кратком виде о том же – X.3a (и в какой-то мере X.3b, где упоминается нападение коряков на коркодонских юкагиров,

случившееся еще накануне того, как Халандин лично вступил в борьбу с ними).

(4) новые набеги коряков на юкагиров, вовлекающие в борьбу с ними Халандина и его род; вступление Халандина в борьбу с этими совершающими набеги врагами и обрушивание им жилища на их группу (VII.5b, где устанавливается последовательность этого эпизода с тремя первыми нашествиями коряков как идущего после них; II.3a; X.4–5; аналогично, но в сокращенном и стяженном виде в XI.1–2, где описывается начало вражды рода самого Халандина с коряками, когда Халандин руководит родом в условиях этой вражды, но еще не предпринимает личных вылазок против коряков). В X.3b говорится, что коряки совершили кровопролитный набег на юкагиров Коркодона, при котором тогда жил Халандин, и именно после этого Халандин начинает бороться с коряками (X.4). Возможно, рассказчик подразумевает, что обсуждаемый набег прямо затронул и стойбище самого Халандина при Коркодоне (хотя во фразе об этом набеге Халандин непосредственно не упоминается).

(5) дальнейшие действия Халандина против врагов, совершающих набеги (X.6).

(6) гибель родительской семьи Халандина от рук этих врагов во время сватовства Халандина (X.7); семья, которую завел сам Халандин, и ее состав (II.2, 3b; прим. 2 к II; III.1, VII.6, X.7, 9, 12, 15, 16).

(7) дальнейшие действия Халандина против врагов, совершающих набеги (X.8–14).

(8) центральный эпизод эпоса, завершающий борьбу с этими врагами: Халандин хитростью убивает богатыря врагов, совершающих набеги (I.2; II.3b, частично продублировано в II.3a; III.2, IV.2, V.5, VII.7–8, VIII.5, X.15 /итоги – также в X.16/; XI.3a–3e).

(9) заключительный конфликт (конфликты?) с эвенами, следующий уже после завершения борьбы с врагами, совершавшими набеги на юкагиров (II.4; VI).

(10) смерть Халандина (II.5, прим. 5 к II, V.6, VI; VIa.4, 6; X.16).

(11) потомки Халандина (вступительный комм. к II; IX.8).

(12) озеро, названное по Халандину (VIa.3, 5; XI.4).

Рассмотрим теперь, как представлены только что перечисленные сюжетные компоненты традиции о Халандине в дошедших рассказах о нем. Нижеследующая таблица показывает, как распределяются по рассказам основные из этих компонентов⁹²:

⁹² Тексты VIa и IX не включены в таблицу, так как они содержат лишь характеристики Халандина, а не сюжетно законченные истории о нем.

	сведения о роде Халандина	набеги Халандина на эвенов	начало набегов врагов (исходно и в большинстве вариантов – коряков), описываемое без упоминаний Халандина (т.е. мыслящееся как происходящее до его вовлечения в борьбу с ними)	эпизоды вражды Халандина и его рода с противниками, совершающими набеги, имеющие место до центрального эпизода	центральный эпизод – Халандин хитростью убивает вражеского богатыря; прекращение набегов	набег Халандина на эвенов после центрального эпизода
I					I.2	
II				II.3a (*)	II.3b	II.4
III					III.2	
IV					IV.2	
V			V.1–4		V.5	
VI						VI
VII		VII.5a	VII.1–4	VII.5b (*)	VII.7–8	
VIII		VIII.4			VIII.5	
X	X.1, 7		X.3a (и X.3b??)	X.3b(?), 4–14 (**)	X.15	
XI	XI.1–2, 4			XI.1–2 (***)	XI.3a–3e	

(*) только эпизод с обрушиванием Халандином жилища на головы врагов, совершающих набеги.

(**) эпизод с обрушиванием жилища (X.5) и целый ряд других эпизодов (X.4, 6–14).

(***) только ультиматум, поставленный коряками стойбищу Халандина, и тайные нападения корякского богатыря на людей этого стойбища.

Как видно из таблицы, сюжетное ядро преданий о Халандине составляют центральный эпизод (убийство им главного богатыря врагов, совершающих набеги на юкагиров) и – во вторую очередь – представление о его собственных набегах на эвенов (с целью обеспечить свое стойбище). Центральный эпизод включен во все представленные в таблице рассказы, кроме одного (VI), а некоторые рассказы фактически только из центрального эпизода и состоят (I, III, IV). Остальные тексты вдобавок к центральному эпизоду сообщают в разном наборе еще несколько сюжетов, в частности о том, как Халандин сам ходил на эвенов, не нападавших непосредственно на юкагиров (этот мотив присутствует в II, VII, VIII; отражен также в VIa, IX), а один текст (VI; аналогично в VIa) как раз только о таком его конфликте с эвенами и говорит, а никаких иных эпизодов, в том числе центрального, не сообщает. Предшествующие центральному эпизоду моменты борьбы Халандина с врагами, совершающими набеги на юкагиров,

описываются в II, VII, X, подробнее всего – в X (кроме того, XI.1–2 рассказывает о некоей начальной фазе конфликта, когда Халандин уже столкнулся с агрессивными действиями врагов против его стойбища /и, по-видимому, руководит последним/, но еще не двинулся на этих врагов).

Таким образом, большинство дошедших рассказов представляет собой, по сути, сообщение о центральном эпизоде с теми или иными прибавлениями, причем одно из этих прибавлений (о набегах Халандина на эвенов) особенно устойчиво и может функционировать и как самостоятельный рассказ (VI, ср. VIa). Наиболее важная составляющая рассказов о Халандине – повествование о его действиях против врагов, совершающих набеги на юкагиров, – обычно сводится к изложению центрального эпизода (I, III, IV, V, VIII, XI); в трех рассказах к этому прибавляется история о том, как Халандин обрушил на головы группы этих врагов их жилище (II, VII, X; весьма возможно, эта история является просто плодом «пересаживания» в представления о борьбе Халандина с агрессорами, совершающими набеги, мотива обрушивания дома, исконно входившего в иной пласт сюжета, а именно в представление о набегах самого Халандина на эвенов). Исключение составляет один из этих трех рассказов, изложенный В.Г. Шалугиным (X), где к центральному эпизоду и эпизоду с обрушиванием жилища прибавляется еще целый ряд сюжетов, изобилующих подробностями о том, где, с кем и как воевал богатырь (пять-шесть эпизодов⁹³); центральный эпизод с трубкой оказывается здесь лишь не очень большой, хотя и кульминационной, частью повествовательного ряда. Учитывая объем и содержание текста X, его можно оценивать как достаточно крупное эпическое произведение.

(м) *Цикл преданий или варианты предания?* Все сказанное позволяет ставить вопрос: представляет ли собой традиция о Халандине цикл преданий или это варианты одного предания? Состояние традиции в зафиксированном ее виде, как мы видели, таково: один сюжетный элемент (цен-

⁹³ Разведывательное посещение вражеской яранги и удачное бегство из нее с боем (X.4); [обрушивание жилищ врагов на их головы – X.5]; убийство коряками родственников Халандина и общая характеристика его набегов в отместку за них (X.7–8); разгром Халандином семи-ярангового стойбища врагов на Омолоне, возглавляемого тремя вождями (X.8); разгром Халандином в трехдневных действиях другого семи-или восьми-ярангового стойбища врагов в верховьях Омолона (X.8); разгром Халандином в трехдневных действиях еще одной группы врагов на Поповке и при Мудудюге ближе к устью Поповки, преследование врага после этой операции и разгром его за верховьями Столбовой (X. 9–10); иное (или все же то же самое?) столкновение за верховьями Столбовой (X.13); [центральный эпизод, состоявшийся, согласно рассказчику, на третьем году от вступления Халандина в борьбу с коряками – X.15]. Обратим внимание на повторение мотива троичности в этом ряду (три дня боев, третий год; ср. с тремя первыми нашествиями коряков у Н.М. Лихачева в V и VII).

тральный эпизод) присутствует практически во всех рассказах, другой (набеги Халандина на эвенов) представлен достаточно устойчиво, а остальные сюжетные элементы присутствуют в различных рассказах в самых разных (стяженных до одной фразы или пространных) видах и комбинациях, с приведением одних и отсутствием других. Такое положение дел могло получиться в результате четырех альтернативных путей развития традиции о Халандине:

первый вариант: изначально сложился один развернутый рассказ о Халандине, нечто вроде его подробной эпической биографии (отдаленно сходной с исландскими сагами о том или ином персонаже), в котором фигурировали все или почти все известные сейчас эпизоды историй о нем (присутствующие теперь в разных рассказах), а дальше этот рассказ начали передавать по-разному – кто-то более полно, кто-то менее полно, в одних пересказах уцелели одни эпизоды (иногда – вообще один-единственный эпизод, даже не обязательно центральный, ср. VI), в других – другие;

второй вариант: изначально о Халандине ходили отдельные законченные истории, их могли по-разному передавать и комбинировать (чаще всего рассказывали центральный эпизод, как наиболее популярную из исходных историй о Халандине, нередко добавляя к нему в разных комбинациях какие-то другие эпизоды, известные из других историй о нем), и с этими комбинациями мы в основном и имеем дело сейчас;

третий вариант – своего рода гибридный между первым и вторым: сначала ходили разные законченные истории (как при втором варианте), потом они (или большинство из них) оказались связаны в единый цикл, а потом он разрушался, и дальнейшее развитие шло так, как при первом варианте;

четвертый вариант: разрастание одного первоначального сюжета (включавшего центральный эпизод и, вероятно, сообщения о набегах Халандина на эвенов) за счет позднейших домыслений новых эпизодов, а также за счет включения различных элементов из других сказаний о межплеменной борьбе. В прошлом у лесных юкагиров было немало преданий о различных межплеменных столкновениях, в позднейшие времена часть из них могли помнить лишь в общих чертах. И эти предания, и творческая фантазия сказителей могли служить резервуаром, из которого черпался материал для различных дополнений и расширений первоначального сюжетного состава традиции о Халандине.

Подчеркнем, что процесс, являющийся основой четвертого из названных вариантов – вставка в традицию о Халандине новых, ранее не фигурировавших в связи с ним элементов, – в каком-то объеме шел заведомо, т.е. осуществлялся при любом из этих вариантов. Например, Н.М. Лихачев в двух из своих рассказов о Халандине привел в качестве экспозиции к его деяниям – каждый раз с определенными вариациями – предание

о трех нашествиях коряков на юкагигов (V.1–4, VII.1–4), в котором Халандин и его род даже не упоминаются и которое в свое время должно было функционировать как самостоятельное сказание. Прочие рассказчики, говоря о Халандине, этого предания не приводят. При этом Н.М. Лихачев в одном из двух случаев изложения им этого сюжета говорит кратчайшим образом о двух тополях, с которых стреляли юкагиры (V.4), тогда как П.Е. Прокопьева в 2000 г. записала от С.К. Спиридонова (1923 г.р.) небольшое предание о воевавших с коряками двух юкагирских юношах (не опубликовано), где о таких двух деревьях рассказывается подробно (юноши взобрались на два тополя, увертываясь от стрел врагов; коряков же было так много, что их стрелы срезали эти тополя наполовину). Начало того же сюжета о трех нашествиях коряков в изложении Н.М. Лихачева, где полоумный парень пророчит появление коряков, а сородичи смеются над ним (V.1; с транспозицией внутри фабулы рассказа – VII.7), можно в какой-то мере сопоставить с преданием, записанным В.И. Иохельсоном [Иохельсон 1900 № 52: 127], где шаман предчувствует набег ламутов, но к его словам никто не прислушивается. В.Г. Шалугин, в свою очередь, в одном и только одном из своих рассказов о Халандине делает его учеником Атыляхана (IX.1, 3, 5) – вероятно, того самого, который был самостоятельным персонажем верхнеколымского юкагирского эпоса и приходился сыном Табушкану – основателю Заячьего рода верхнеколымских юкагигов (как уже говорилось, Табушкан жил ок. 1700 г. и упоминается в русских документах [Долгих 1960: 417]; Атыляхан как сын и преемник Табушкана фигурирует в одном из сказаний о приходе русских на Колыму [Иохельсон 1900 № 28: 83; 90, прим. 22]). Между тем остальные рассказчики, а также и сам В.Г. Шалугин в других своих рассказах о Халандине Атыляхана в связи с ним не упоминают.

Пример особенно далеко зашедшей модификации предания о Халандине за счет заимствования из иных источников дает рассказ XI, где в центральный эпизод вставлен чудесный олень золотые рога, посланный Богом на помощь юкагирам (XI.3b + 3d). Этот сюжетный элемент появился здесь под влиянием русского фольклора и русских представлений. При этом сам по себе центральный эпизод передан в рассказе XI предельно стяженно и кратко (XI 3a + 3c + 3e), с выпадением подавляющего большинства его элементов, приводимых в остальных рассказах; зато ему предпосланы сообщения об ультиматуме коряков юкагирам (XI.1) и охоте вражеского богатыря на юкагигов рода Халандина (XI.2), отсутствующие в прочих рассказах.

Иногда расширение предания о Халандине идет за счет редупликации его же собственного исконного мотива (так, в VII и II хитрость Халандина, притворившегося собственным работником, повторяется по два раза, в II – еще и с повторением обманной просьбы о ветке, см. с. 70 сл.).

Таким образом, из суммарного репертуара сюжетов и мотивов верхнеколымского юкагирского фольклора (а иногда и иноэтничного фольклора, например русского, как в XI) рассказчики действительно берут то один, то другой элемент, чтобы пополнить им свой рассказ о Халандине (хотя данные элементы исконно с ним связаны не были), и тем самым создают новые варианты сюжетов о нем. Вопрос, однако, в том, попали ли таким способом в предания о Халандине вообще все или хотя бы большинство эпизодов сверх их сюжетного ядра (т.е. центрального эпизода + сообщений о набегах Халандина на эвенов), – в этом случае и имел бы место четвертый из перечисленных выше путей развития традиции о Халандине, – или заимствования из других сюжетов и вторичный вымысел дали лишь небольшую часть эпизодов, фигурирующих в рассказах о Халандине, а большая их часть даже и помимо центрального эпизода и набегов на эвенов была исконно связана с именем Халандина (тогда имел место один из трех первых путей развития традиции о нем).

При втором и третьем из вышеназванных путей эволюции преданий о Халандине мы имеем дело с циклом сказаний, при первом и четвертом – с разными вариантами одного сказания (более или менее сокращенными и разрушенными при первом пути или, наоборот, по-разному дополненными – при четвертом). Окончательное решение вопроса о том, какой же из обсуждаемых путей имел место на самом деле, выходит за рамки настоящей работы (хотя тот факт, что в наших текстах устойчиво повторяется центральный эпизод и распространен – в различных реализациях – мотив набегов Халандина на эвенов, а все остальные элементы появляются существенно реже и, по-видимому, как дополнительные к только что названным, создает впечатление, что имеющийся материал все же представляет собой скорее варианты предания, чем результат развития цикла преданий).

(н) К вопросу о внешних параллелях эпоса о Халандине. Сказания о Халандине с первого взгляда обнаруживают параллели с другими юкагирскими и некоторыми неюкагирскими преданиями. Систематическое выявление и анализ таких параллелей – дело будущего. Пока приведем лишь несколько примеров. Многочисленные тематические параллели с тундренным эпосом об Эдилвэе (внимание к вопросу о пределах насилия по отношению к чужакам и/или нарушителям, представление о связанной с убийством как таковым «скверне», которая ложится на того, кто убивает людей даже на правой войне⁹⁴, тема отражения

⁹⁴ В тундренном эпосе об Эдилвэе (где указанная скверна определяется словом *ньальвэ*, досл. «грех») этой теме посвящено особое внимание [ср. Немировский 2017]; в связи с Халандином тот же мотив упоминался в объяснении того, почему Халандин усыновил чужого ребенка: «У [верхнеколымских] юкагиров среди “сильных людей

приходящих набегами иноплеменников, после которого юкагиры утверждают с ними мир, делая при этом первыми жест великодушия) уже отмечались выше (с. 4; с. 45, прим. 44; с. 64, 75 сл.). Некоторые действия Халандина, прежде всего против ламутов, находят явную аналогию в верхнеколымском юкагирском предании о другом историческом герое юкагиров XVII в., запомнившимся юкагирам под русским прозвищем Криворот, в юкагирской адаптации «Криборот», – Кривороте Мотокове (см. с. 79, прим. 79); определяя природу Криворота как персонажа, В.И. Иохельсон писал: «Это тип юкагирского богатыря, грабившего и отбиравшего у ламутов домашних оленей, чтобы доставить своим родичам пищу» [Иохельсон 1900: 137, прим. 1]⁹⁵. Еще больше сходжений дает эпос о Халандине с эвенским преданием о Киророте – то есть все о том же Кривороте Мотокове. В фольклоре среднеколымских эвенов, ближайших соседей юкагиров верхней Колымы, юкагирский богатырь Киророт, назвавшись слугой Киророта, обманом завладевает ножом эвенского силача (просит у эвена нож, чтобы заострить палку для шашлыка, ссылаясь на то, что собственный нож затупился) и убивает его [Фольклор эвенов Березовки 2004: 268–269] – с пошаговым подобием тому, как поступил Халандин с корякским силачом. Данная эвенская композиция соединяет мотивы, известные нам по дошедшим текстам о Кривороте и Халандине, но как получилось это соединение (на эвенской или еще на юкагирской почве; за счет простой контаминации отдельных мотивов преданий о Кривороте и Халандине, ранее не сочетавшихся друг с другом, или более сложным путем), еще предстоит выяснять.

Тот сюжетный ход, что Халандин встречает врага, ищущего его, и скрывает своё имя, представляясь работником, встречается применительно к другому герою в одном эпизоде первого булунского варианта хосунного эпоса северных якутов [Ксенофонтов 1992 кн.2: 212–213]. Здесь герой предания, вождь народа «маятов» Юнгкэбил встречает тунгусского богатыря, пришедшего сразить его, но не знающего его в лицо, выдает ему себя за бывшего работника Юнгкэбила, ругает своего бывшего «хозяина» за то, что тот плохо кормил своих работников, и некоторое время общается с врагом (но, в отличие от истории Халандина, потом открывается врагу, устрашает его своей силой, с презрением дает ему пощадку и отпускает к своим на олене, срезав ему лишь косу вместе с частью кожи на голове. То,

[богатырей], которые грех делали, людей убивали”, существовал обычай брать из другой семьи ребенка в качестве своего. Он своей чистотой как бы “закрывал”, “смывал грех” этой семьи» (см. выше, с. 24, прим. 2 публикаторов к рассказу II).

⁹⁵ Ср. также: Криворот вошел в юкагирскую эпическую память не под своим исконным юкагирским именем, а под данным ему русскими, иноязычным для юкагиров прозвищем. Аналогично о Халандине В.Г. Шалугин сообщает, что его истинное имя неизвестно, а «Халандин» – его иноязычное прозвище (X.14).

что противника здесь отправляют к своим, также перекликается с финалом центрального эпизода предания о Халандине). Отметим, что Юнгкэбил и его маяты, как показал Б.О. Долгих, относились к западным группам древних юкагиров, позднее отунгушенным, а еще позже осамоедившимся по языку и ставшим одним из главных компонентов формирования этноса нганасанов (XVII в.) [Долгих 1952: 82 слл.], и появление в предании о Юнгкэбиле того же мотива, что встречается в юкагирском предании о Халандине, дополняет юкагирские коннотации самого Юнгкэбила.

Мотив с работником до известной степени перекликается и с другим эпизодом того же первого булунского варианта хосунного эпоса [Ксенофонов 1992 кн.2: 208–209]. Здесь Юнгкэбил, враждующий с богатырем Чэмпэрэ, ловит работника Чэмпэрэ, запугивает его и велит вернуться к хозяину и совершить предательское действие против него, которое облегчило бы Юнгкэбилу нападение на Чэмпэрэ. Итак, здесь присутствует мотив использования богатырем против враждебного богатыря раба этого последнего; первый богатырь подбивает этого раба на предательство хозяина. Но именно это хочет проделать с Халандином чужеплеменный богатырь в традиции о Халандине – использовать против него предательство его «работника» (за которого выдает себя сам Халандин, в свою очередь, имитирующий ту же коллизию со стороны работника). Мотив внезапного нападения Халандина на ничего не подозревающего, не готового к сватке врага, как и намерение самого этого врага внезапно напасть на Халандина, находит общие параллели во внезапных нападениях, совершаемых теми же Чэмпэрэ и Юнгкэбилем во втором булунском варианте хосунного эпоса (сначала Чэмпэрэ нападает так на брата Юнгкэбила, потом Юнгкэбил с другим своим братом – на самого Чэмпэрэ) [Ксенофонов 1992 кн.2: 231–233]⁹⁶.

Все эти схождения сказаний о Халандине с хосунным эпосом, вероятно, не случайны и не являются плодом чистой конвергенции: носители юкагирской традиции и традиций хосунного эпоса близко контактировали друг с другом, сам хосунный эпос создавался на основе синтеза, вовлекавшего, в частности, элементы юкагирской и тунгусской традиций (которые и сами по себе интенсивно взаимодействовали, включая роль отунгушен-

⁹⁶ Конкретные детали у внезапных нападений в эпосе о Халандине и в преданиях о Юнгкэбиле и Чэмпэрэ, однако, разные. Представляется, что и в воображении создателей хосунного эпоса, и в воображении создателей эпоса о Халандине одинаково стояло, что богатырь может использовать против своего врага раба этого врага, и такую коллизию естественно использовать в эпических сюжетах, но насколько в данном случае может идти речь о прямом заимствовании в ту или иную сторону, судить пока трудно. Однако даже отсутствие таких заимствований не обязательно значит, что дело тут в чистом совпадении, т.е. в не имеющих никаких общих корней и связей, сугубо конвергентных процессах сюжетобразования.

ных в разное время юкагирских групп и юкагиризованных и ре-юкагиризованных групп тунгусских), а поле культурного обмена, возникавшее на пространствах Восточной Сибири в ходе многосторонних якутско-самодийско-тунгусско-юкагирских контактов, естественно могло порождать некий общий «пул» мотивов, из которого все стороны могли бы брать элементы для создания и модификации собственных сказаний⁹⁷. Заимствование из русского фольклора в один из рассказов о Халандине (XI-й) оленя золотые рога оговаривалось выше (с. 102).

(о) *Атыляхан, наставник юкагирских юношей и Халандина, и Атыляхан, сын Табушкана.* В рассказах В.Г. Шалугина фигурирует Атыляхан – наставник юкагирских юношей, и, в частности, Халандина (с. 42–44, прим. 42). Этот Атыляхан вместе со своими сыновьями жил, по В.Г. Шалугину, «по всем речкам» юкагирского верхнеколымского ареала (IX.2; сами эти «все речки» перечислены В.Г. Шалугиным чуть выше, в IX.1), участвовал там вместе с другими семьями в местной хозяйственной жизни (рыбной ловле, охоте, IX.2), был великим богатырем и воспитателем богатырей, и верхнеколымские юкагиры отдавали ему на воспитание своих детей. Его сыновья участвовали в местных состязаниях (IX.5). Само имя «Атыляхан» В.Г. Шалугин объясняет из «старинного юкагирского» языка (давая ему этимологию с общим значением «недоходя до, досрочно», IX.2), и независимо известно, что это имя действительно встречалось у верхнеколымских юкагиров (прим. 8). Тем не менее сам В.Г. Шалугин говорил в том же рассказе, что не знает этнической принадлежности Атыляхана: «Этот Атыляхан – кто он – юкагир, якут или эвен, я не знаю» (IX.5).

Несомненно, что это незнание – лишь плод разрушения юкагирской традиции. В.Г. Шалугин не приводит какую бы то ни было определенную версию о происхождении своего Атыляхана (которая, например, могла бы отличить его от юкагира Атыляхана, сына Табушкана, см. о нем ниже), а говорит, что он вообще не знает, к какому народу относился Атыляхан. Но невероятно, чтобы в юкагирской традиции при введении столь значительного героя уже с самого начала не приписывали ему какого-либо

⁹⁷ Отметим в связи с этим некоторые другие сходства хосунного эпоса и верхнеколымских юкагирских преданий о межплеменных столкновениях. Так, в юкагирском «Рассказе о Пакостнике» [Иохельсон 1900 № 65] в моменте, когда юкагиры приносят матери Пакостника его печень со словами «Бабушка, годового оленя печень, на рожне изжарив, ешь» (потом обнаруживается, что печень Пакостника полна вшей), просматривается параллель с устойчивым для хосунного эпоса мотивом приношения части тела поверженного врага (обычно голени) матери или жене этого врага [Ксенофонтов 1992 кн.2: 225–231, 234–237, 240–241, 244–262]. Другой общий элемент – сравнение противника с диким оленем [соответствующие предания в хосунном эпосе: Ксенофонтов 1992 кн.2: 234–237, 240–241, 256–259].

определенного происхождения и заявляли, что неизвестна даже сама его этническая принадлежность; остается считать это незнание результатом размывания исконного предания, в котором эта принадлежность еще называлась.

При этом из характеристики, которые дает своему Атыляхану сам же В.Г. Шалугин, следует, что в исконном виде традиции о нем это был именно верхнеколымский юкагир, почитаемый и выдающийся среди своих сородичей: ведь если уж в верхнеколымской юкагирской традиции с восхищением обрисован богатырь, живущий на «всех речках» в самом сердце верхнеколымского юкагирского ареала, участвующий вместе с жителями этой же юкагирской территории в их хозяйственной жизни и воспитывающий богатырями, опять-таки, местных юкагиrow, то, очевидно, в исходной версии предания это и был юкагир (член одного из юкагирских родов, независимо от своего личного происхождения), а не представитель чужого племени. Собственно говоря, вести изложенный образ жизни и мог бы только человек, включенный в местные юкагирские территориально-родовые группы, а не глава какой-то чужеплеменной семьи, не вступившей ни в одну из таких групп; проживания и кочевания такой семьи на чужой племенной территории просто не потерпели бы. Повторим в связи с этим, что сам же В.Г. Шалугин, хотя и не знает этнической принадлежности Атыляхана, объясняет его имя именно из «старинного юкагирского», а не какого-либо иного языка.

Итак, Атыляхан В.Г. Шалугина – это некий великий богатырь верхнеколымских юкагиrow «старинного» времени. Между тем еще в конце XIX в. верхнеколымские юкагиры хорошо помнили и сообщали В.И. Иохельсону о своем древнем герое и вожде Атыляхане – сыне Табушкана, основателя Заячьего (Ушканского) верхнеколымского юкагирского рода, и тем самым предке в 5-м колене князца, возглавлявшего этот род к 1900 г. (к тому времени Заячий род уже вобрал в себя всех верхнеколымских юкагиrow) [Иохельсон 1900: 83; 90, прим. 22]. Какие-либо другие Атыляханы в дошедших верхнеколымских преданиях не упоминается, да во всех наших источниках это имя появляется крайне редко (кроме Атыляхана, сына Табушкана, известен только один пример: по словам Тэки Одулока, так звали его отца, см. прим. 8). Тогда тот факт, что в рассказе В.Г. Шалугина говорится не просто о некоем Атыляхане, но о великом богатыре Атыляхане, знаменитом среди юкагиrow и жившем в некие давние времена, делает наиболее вероятным, что в действительности речь в этом сюжете и шла об Атыляхане, сыне Табушкана, поскольку этот Атыляхан, вместе со своим местом в генеалогии вождей верхнеколымских юкагиrow, в самом деле прочно оставался в памяти своего народа и упоминается в независимо зафиксированном верхнеколымском предании [Иохельсон 1900: 83–84]. К

середине же – второй половине XX в., ко временам В.Г. Шалугина, идентичность этого Атыляхана оказалась забыта вместе с прочими генеалогиями вождей (которые еще были памятны во времена В.И. Иохельсона, но уже не приводятся в фольклорном материале конца XX в., как и многие другие исторические сюжеты, еще записанные В.И. Иохельсоном).

(п) *Железо в преданиях о Халандине.* Из всех рассказов о Халандине железо упоминается только в одном (текст IV) – причем не у юкагиров, а у вражеского богатыря-коряка, и вдобавок это не обычный коряк, а главный корякский богатырь. Он в этом предании одет в железный панцирь и имеет нож с железной рукоятью (несомненно, подразумевается, что и лезвие этого ножа железное, так как нож, в котором железо пущено лишь на рукоять, но не на лезвие, невероятен; смысл слов рассказчика тот, что даже рукоять этого ножа, не только лезвие, была из железа), причем рассказчик прямо связывает наличие этого железного ножа с особым богатырством данного воина: «Его нож такой – с железной ручкой, ведь он богатырь» (IV.2). В остальных текстах, где говорится о панцире или ноже этого богатыря, не упоминается, из железа они или нет. Для Халандина и других юкагиров вообще ни в одном тексте не упоминаются ни панцири, ни железные элементы доспеха и оружия, ни иные железные изделия. Не упоминается железо и у врагов, исключая главного вражеского богатыря, и то лишь в тексте IV.

Из сказанного следует, что во времена, отраженные в преданиях о Халандине, железо было распространено у верхнеколымских юкагиров (как, впрочем, и у их врагов) крайне мало, являясь большой редкостью и приметой особо знатных и могучих воинов. Причем даже бытование преданий о Халандине на протяжении последних веков, когда железо получило у юкагиров и их соседей намного более широкое распространение, не привело в этом вопросе к каким-то изменениям (хотя другие анахронизмы под влиянием новых реалий в этих преданиях иногда появляются) – рассказы о Халандине по-прежнему рисуют мир, почти лишенный железных орудий и оружия. Оговорим, что для датировки предания о Халандине эта картина ничего не дает, поскольку положение с железными вещами у юкагиров обстояло именно изложенным образом на протяжении всех XVII – XVIII вв., как и ранее: железные предметы и оружие у них все это время имелись и появлялись⁹⁸, но были достаточной

⁹⁸ Приведем несколько примеров. В челобитье Прокопия Краснояря от 1645 г. сказано, что уже в 1642 г. индигирские юкагиры атаковали русских служилых врукпопашную не только своим обычным оружием (ножами, копьями, каменными топорами и т.д.), но и «саблями (!)» [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. № 43. Л. 47] – разумеется, железными; таким образом, уже ок. 1640 г. юкагиры успешно вооружа-

редкостью, и собственного полного цикла железной металлургии и производства железных изделий юкагиры северо-востока Азии и их соседи по региону не имели.

лись железным клинковым оружием, получаемым от соседей, в том числе пришельцев-русских. В 1649/1650 г. янские юкагиры в составе выплачиваемого русской власти ясака передали русским служилым «десять куяков [наборных панцирей. – *Авт.*] якутских [якутские панцири были, разумеется, железными – *Авт.*] да четверы нарушны [наручн. – *Авт.*], шапку железную [шлем из железа. – *Авт.*], девять безмен олова, двести восемьдесят семь полиц [пластин. – *Авт.*] куяшных, две пальмы большие....., два ножишка руския [русские ножи были, естественно, железными. – *Авт.*]» [РМЛТО № 66]. Таким образом, у янских юкагиров было столько железных якутских панцирей, железных шлемов, русских железных ножей, что они могли внести их в выплачиваемый ими ясак за один год в указанном в процитированном документе количестве; в то же время эти железные панцири и ножи были не их собственного производства, а якутские и русские. У юкагирского вождя Эдилвзя, героя борьбы алазейских юкагиров с соседними чукчами, реально происходившей в начале XVII в. (обоснование этой датировки см. в: [Нефёдкин 2016: 56 сл.]), предание отмечает железный панцирь [ФЮ 2005: 171, 183]. У анадырских юкагиров-ходынцев к моменту появления русских своего железа не было или практически не было, но они его знали и ценили: в начале 1654 г. их группа – род Чекчоя – обещала русским возить их грузы с Анадыря на Анюй в обмен на «железо всякое дельное» (т.е. на всевозможные изделия из железа) [Самойлов 1945: 130–131]. Отметим, что приохотские эвены (ламуты), постоянные противники юкагиров в XVII в., в 1651 г., по сообщению русского документа, бились с русскими «збруйны и оружейны, с луки и копыя, в куяках и шишаках, в *железных* и костяных» [Гурвич 1966: 29; курсив наш – *Авт.*].

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

***Предание о трех нашествиях коряков в двух изложениях
Н.М. Лихачева***

V

VII

<p>Семья из десяти человек жила. Среди них один парень юкагир полоумный. Спал, проснулся, посреди урасы встал, голову наклонил вниз, говорит:</p> <p>– Завтра ночью коряки придут.</p> <p>Молодые смеются:</p> <p>– Ты что? Коряки придут?</p> <p>Старики говорят:</p> <p>– Покараулить надо ночью.</p> <p>Молодые отвечают:</p> <p>– Не болтайте!</p> <p>Один старик всю ночь сидел. Среди ночи коряки пришли. За верхушку урасы арканом бросили. Старик стал стучать:</p> <p>– Вставайте, коряки пришли.</p> <p>Коряки половину [юкагиров] убили. Старик остался, убежал. Бежал, где люди живут. Люди все пришли.</p>	<p>Давным-давно на Колыме коряки впервые убили много юкагиров. Они, оставляя поле брани, обещали вернуться сюда еще через год.</p>
<p>Ждали год. Нет. Опять пришли. Тогда много пришло, около тысячи человек убили. Коряки победили.</p>	<p>Когда настал тот день, юкагиры ждали их с луками. В назначенное время со стороны моря прибыло на оленях около ста коряков с целью добыть колымское золото. Началось кровавое сражение между юкагирами и коряками. С обеих сторон было убито много людей. Те, которые погибли от стрел луков, навсегда остались на этой земле. Живые вернулись домой.</p>

В третий раз большая война была. Дедушка и бабушка после войны остались. Бабушка плачет, сына нашли, похоронили. Старик говорит:

– Не плачь. Наш сын недаром умер. Видишь, сколько людей лежат.

Коряки в третий раз пришли к старику юкагиру Нарчаде. У него было двое сыновей и жена. Здесь коряки удавили детей, а девушек забрали в плен. Старик со своими сыновьями сражался храбро. Они уничтожили много врагов. Коряки ушли, когда от юкагиров остались в живых только один мальчик и старик со старухой. Старуха говорит своему старику Нарчаде:

– Давай, поищем наших сыновей.

– Хорошо, пошли, – ответил старик.

Они горько заплакали и пошли искать сыновей. На поле битвы лежало много убитых. Старики приподнимали и внимательно присматривались к лицам каждого павшего воина. Нарчаде успокаивает жену:

– Смотри, не плачь. Наши сыновья отчаянно сражались наравне с ними и теперь вместе лежат под одной подушкой. Не горюй. Если бы у нас не было сыновей, то и нас не пощадили бы. Так что нам гордиться ими надо.

И так они прошли за три дня три версты. Кругом лежали одни мертвецы. Вдруг они натолкнулись на тела своих сыновей. Прямо на луже крови лежали их родные. Они с глубокой скорбью прикоснулись к их давно остывшим холодным телам. Так погибли сыновья юкагирского старика и старухи в неравном бою с коряками.

После той битвы осталось несколько юкагиров. Они целыми месяцами искали рыбу в реке, но не находили; чтобы утолить голод, ели всякую всячину. Целых два месяца хоронили людей, убитых во время сражения с коряками. Так и убитые коряки сгнили на земле Колымы.

Два года ничего не было. Одна женщина рыбачит, пришла, говорит:

– Люди идут на оленях.

Приготовились. Два тополя есть. Из лука стали с них стрелять. Юагиры пришли /т.е. это была ложная тревога: подходившие были своими, юагирами, а не врагами-коряками/.

Год прошел после битвы. Юагиры ждали коряков, хотя они не обещали вернуться обратно.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Центральный эпизод эпоса о Халандине

Структура изложения центрального эпизода эпоса о Халандине в разных вариантах сказаний о нем оказывается настолько близка, что это позволяет выявить некий основной, исходный вариант. Ниже приведены изложения этого эпизода во всех приведенных выше сказаниях, разбитые на последовательные сегменты. Сравнительный анализ этого материала позволяет выделить следующие фабульные сегменты основного / исходного варианта обсуждаемого эпизода (эти сегменты представлены в сопоставительных таблицах ниже на с. 120–143; в совокупности там полностью приведены изложения центрального эпизода во всех преданиях о Халандине. Некоторые эпизоды отсутствуют в одних рассказах и присутствуют в других):

Начальная часть:

(1) некие экспозиционные ремарки;

(2) вражеский богатырь приходит, разыскивая Халандина, и встречает его (но не знает, что это он);

(3) между ним и Халандином происходит разговор, в котором Халандин притворяется, что он не Халандин, а некто иной (работник Халандина);

Сегменты (4–6): богатырь и притворяющийся работником Халандин сговариваются убить Халандина:

(4) богатырь сообщает о своем намерении убить Халандина, Халандин высказывает этому намерению притворную поддержку;

(5) богатырь и Халандин ставят жилища рядом, богатырь угощает Халандина, отрезая ему кусок мяса ножом (подразумевается, что Халандин обращает внимание на этот нож, – именно его в большинстве вариантов Халандин потом хитростью выманит у богатыря и убьет его этим ножом⁹⁹), Халандин жалуется на своего «хозяина-Халандина» и

⁹⁹ Эта сцена, специально вводящая нож вражеского богатыря и обращающая на него внимание слушателей еще до того, как этот нож сможет фигурировать в сцене убийства богатыря, присутствует в рассказах I, IV, V, причем в рассказе IV в этой сцене внимание читателя особенно фокусируется на этом ноже и он определяется как особенный, богатырский («[Коряк] жирного мяса из котелка отрезал, отрезал ножом и дал [Халандину] жирного мяса. Его [коряка] нож такой – с железной ручкой, ведь он богатырь»). В рассказе X сцена угощения отсутствует, но ей имеется параллель: здесь тоже нож вражеского богатыря специально упоминается заранее (при описании этого богатыря) – и тоже с привлечением внимания слушателя к указанному ножу как

высказывает ненависть к нему, чтобы вызвать еще большее доверие богатыря¹⁰⁰;

(6) Халандин и богатырь окончательно договариваются на следующий день двинуться и убить Халандина.

Отметим, что какие-то из сегментов (5–6) часто опускаются или в той или иной степени редуцируются, так что все единство сегментов (4–6) может оказаться представлено только сегментом (4) – так в сказаниях II, III, X. Все три сегмента (4–6) последовательно представлены в сказании I; сегмент (5) то в комбинации с (4) без (6), то в комбинации с (6) без (4) представлен в сказаниях IV, V, VII, VIII.

(7) Халандин предупреждает свою семью (дочь) о том, каким условным знаком он сообщит при возвращении о результатах своего замысла убить вражеского богатыря (в сказании V, наоборот, и способ убийства, и условный знак Халандину рекомендует его жена)¹⁰¹.

«богатырскому» – еще до того, как этот нож будет фигурировать в сцене убийства врага («А тот [вражеский богатырь] уже подготовился. *Нож взял свой богатырский*. На груди – кольчуга, чтобы стрелами не достали. Ноги тоже защищены», курсив наш). По нашему мнению, это первое введение ножа вражеского богатыря в текст отвечает знаменитой чеховской формулировке о ружье, которое вводят в первом акте, чтобы оно выстрелило в третьем, – т.е. служит для предварительного привлечения внимания слушателя к этому ножу и подразумевает именно то, что в дальнейшем этот нож окажется задействован в сцене убийства названного богатыря.

¹⁰⁰ Мотив жалоб притворного «работника» на своего «хозяина»-Халандина, объясняющих мстительную готовность «работника» помогать чужеплеменному богатырю в убийстве Халандина, повторяется в половине рассказов (I, II.3a, V, VII, VIII), но выпадает в подробном рассказе X (где вообще не приводится мотива, по которому «работник» готов содействовать убийству Халандина) и, разумеется, в стяженном рассказе XI (где опущен весь мотив притворства Халандина и дальнейшего сговора его под видом «работника» с вражеским богатырем), а в рассказе IV мотив жалоб и мести не просто выпал, но и оказался заменен на иной: здесь «работник» изъявляет готовность единолично убить своего «хозяина»-Халандина не из мести (он на него тут и не жалуется), а просто за плату, и чужеплеменный богатырь обещает ему: «Я у тебя несколько лет буду бесплатно работать тебе».

Жалобы Халандина, притворившегося «работником», на якобы имеющегося у него жестокого, жадного и скупого «хозяина» дают яркое представление о том, что именно рассматривалось у юкагиров как плохое, недолжное обращение хозяина с его зависимым человеком, естественно вызывающее у последнего желание отомстить хозяину и разделаться с ним. В I «работник» жалуется на то, что хозяин совсем не оставляет ему мяса; в II – на то, что хозяин принуждает его к слишком тяжелому труду (в составе вынесенного перед центральным эпизодом его частичного дубля, II.3a); в V и VII.8 – на битье и слишком тяжелый труд (в продублированном мотиве в VII.5b – просто на битье); в VIII – на битье и на то, что хозяин забирает себе слишком большую часть из добычи работника.

¹⁰¹ В преданиях устойчив архайский мотив обозначения победы и убийства противника спущенными книзу голенищами (в X – наколенниками) сапог (рассказы I,

(8–11) Убийство вражеского богатыря и его последствия:

(8) Халандин идет с вражеским богатырем и убивает его по дороге. Исходная фабула этого эпизода, сохранившаяся в более или менее полном виде в большей части рассказов, такова: Халандин втайне забивает свою трубку, потом просит у своего спутника его нож, чтобы прочистить ее, прочищает нарочито неудачно (иногда даже портит или ломает при этом трубку), затем просит своего спутника отломить и дать ему ветку растущего рядом деревца, чтобы он мог поправить дело (прочистить этой веткой трубку или починить трубку, используя древесину ветки), и когда тот, чтобы исполнить эту просьбу, поворачивается спиной к Халандину, Халандин убивает его сзади его же собственным ножом, только что полученным от него (I, III, IV, V, VIII, X; при этом в IV Халандин просит ветку явно для того, чтобы прочистить трубку, в V и, видимо, в VIII – чтобы починить ее, а в I, III, X неясно, для какой именно операции с трубкой Халандин просил эту ветку)¹⁰². То, что вражеский богатырь отво-

V, VIII, X, см. особенно прим. 21). В некоторых поздних вариантах этот мотив претерпевает изменение в деталях (вероятно потому, что ритуал не очень понятен): здесь юкагирский богатырь демонстрирует свою победу тем, что «кафтан его не висит» (рассказ II), либо упавшей на уши шапкой (рассказ XI).

¹⁰² В других рассказах этот ряд излагается в более или менее размытом, усеченном или переиначенном виде. В текстах II и XI Халандин не просит у своего спутника-богатыря нож, а сразу просит его о ветке (в II.3а, 3б – чтобы прочистить трубку, в XI не сказано, для какой именно операции с трубкой), и, когда тот отворачивается, Халандин убивает его – либо своим ножом (XI), либо все же, как и в основном варианте, ножом этого спутника, выхватив у последнего этот нож, когда тот собрался отрезать им ветку (II.3б; см. также с. 117, прим. 104). В рассказе VII вся хитрость Халандина изложена иначе, чем в остальных вариантах. Здесь Халандин оставляет дома свой нож, но забивает не свою трубку, а трубку вражеского богатыря, именно последний, соответственно, не может раскурить трубку и просит у Халандина нож для ее прочистки, так как замечает, что у Халандина нож есть (но откуда, если только что было сказано, что Халандин оставил свой нож дома? Разве что подразумевается, что богатырь по дороге уже успел дать свой нож Халандину; но тогда почему рассказчик этого не упомянул, и почему, согласно его выражениям, богатырь *заметил*, что у его спутника есть нож: если это нож самого богатыря, который он дал своему спутнику в дороге, он должен был это твердо знать, а не «замечать»), Халандин убивает его этим ножом, а в самом конце текста из слов дочери убитого можно понять, что это был, опять-таки, нож богатыря. По-видимому, рассказ в данном случае все же исходил в конечном счете из той общей схемы, что Халандин убил богатыря его же ножом, но рассказчик неточно воспроизвел эту схему, и в итоге она излагается им противоречиво: согласно одним моментам его повествования выходит, что это был нож Халандина, по другим – что это был нож богатыря, который Халандин попросил у него ранее (как и в основном варианте). Зато в рассказе VII сцена самого убийства становится драматичнее: вражеский богатырь сам просит Халандина о ноже – и в ответ Халандин наносит ему удар этим ножом.

рачивается, чтобы отломить или отрезать ветку, и Халандин убивает его именно ударом сзади, является общим местом для практически всех рассказчиков (не считая рассказа VII)¹⁰³. Обращенную к богатырю просьбу Халандина подать ему нож, чтобы якобы прочистить трубку, затем ветку, можно квалифицировать как основной сюжетобразующий мотив для всего эпизода.

Отметим, что, учитывая сюжетный вариант, где Халандин просит у вражеского богатыря сразу ветку, без предварительной просьбы о ноже (II.3a, II.3b, XI), можно было бы задаться вопросом: является ли этот вариант исконным, лишь впоследствии расширенным за счет добавления просьбы о ноже (ниже – решение А), или, напротив, вторичным, получившимся в результате выпадения просьбы о ноже, как раз входив-

Подчеркнем, что практически во всех рассказах Халандин убивает вражеского богатыря ножом самого этого богатыря (I, II.3b, III, IV, V; основное содержание VII, см. выше; VIII, X); единственным исключением является рассказ XI, где Халандин пользуется своим собственным ножом, но в этом рассказе вообще весь эпизод представлен в предельно стяженном и упрощенном виде.

¹⁰³ Как упоминалось (с. 67 сл.), в большинстве рассказов подчеркивается, что вражеский богатырь был чудовищно силен – даже будучи смертельно раненным, он успевает схватить Халандина и, удерживая его, двигаться, прежде чем падает и умирает (I.2, II.3b, III.2, IV.2, V.5 [здесь богатырь еще и ломает Халандину ребра, и тот умирает потом от этих ран], VIII.5; в X.15 богатырь не хватает Халандина, но какое-то время пытается преследовать его). Очевидно, этот мотив призван был пояснять, почему Халандин не рискует даже внезапно атаковать врага в лицо, а предпочитает ударить его, когда тот отвернулся: если тот даже после смертельного удара способен схватить Халандина и двигаться, держа его на весу, то понятно, почему Халандину не было бы смысла вступать с ним в бой лицом к лицу. В ряде рассказов этот мотив усилен еще и упоминанием того, что противник носил панцирь, и в связи с этим сам Халандин прямо признает невозможность для него справиться с таким врагом в открытом бою: «Такое железо, железный жилет. ...Только подмышкой дырка [проем], а все [остальное] железо. “Как такого убью, какой хитростью его убью?” – говорит [себе Халандин]» (IV.2); «...человек, облаченный в панцирь. Только видны глаза да нос, а открытое место только в ногах» (VII.8); «...воеводу со всеми богатырскими доспехами... “Этот человек мне не по зубам”, – подумал Халандин. – “Здоровый, сильный и храбрый, видать. Я его никак не смогу одолеть. Надо что-то придумать”» (X.15). Надо полагать, панцирь врага также фигурировал в исходном варианте сказания.

Лишь в VII.8 говорится, что вражеский богатырь был «слабее, чем Халандин» и от удара Халандина упал мертвым сразу, но в VII вообще вся сцена убийства подана в инверсированном виде (трубку здесь прочищает и о ноже просит именно богатырь, Халандин убивает его, когда тот сидит к нему лицом). Сразу умирает вражеский богатырь от удара Халандина и в XI.3с (но здесь не говорится, что он был слабее Халандина).

шей в исконное предание (ниже – решение Б)? Ряд соображений побуждает принять второе из названных решений¹⁰⁴.

¹⁰⁴ Уже сравнительное распространение обсуждаемых сюжетных вариаций говорит в пользу решения Б: версия с ножом и веткой представлена в шести рассказах (I, III, IV, V, VIII, X), версия просто с веткой – в двух (II и XI, причем в XI взаимодействие Халандина с вражеским богатырем вообще изложено предельно стуженно, с пропуском большинства деталей). О том же говорит присутствие в нескольких рассказах (I, IV, V, X) специального упоминания ножа вражеского богатыря еще до сцены с его убийством; это упоминание имеет, вероятно, лишь ту нагрузку, чтобы предварять для слушателя дальнейшее использование этого ножа в убийстве богатыря (см. выше, с. 113, прим. 99). Если бы само это использование было плодом вторичного добавления, как при решении А, то едва ли сказители зашли бы так далеко, чтобы не просто внести названное добавление, но еще и вставлять в более ранние сегменты своего рассказа упоминание ножа, предваряющее это добавление и как бы готовящее к нему слушателя. При решении Б, в рамках которого обсуждаемый нож играет в эпизоде убийства ключевую роль с самого начала, и разбираемое предварительное упоминание, и частота его появления в дошедших рассказах (четыре примера) вполне естественны. О том же говорит еще один сюжетный элемент, практически постоянно присутствующий в рассказах, – то, что Халандин, выходя в путь вместе с вражеским богатырем, намеренно оставляет свой собственный нож дома (I, III, V [здесь жена говорит Халандину: «Нож оставь!», VIII, X, основное повествование VII [«Халандин оставил нож в доме»]) или по дороге (IV: «Пойдя, [=по пути] Халандин свой нож выбросил нарочно»). При таком ходе событий Халандину просто не остается иного способа убить вражеского богатыря, нежели чем воспользоваться ножом последнего. Представляется, что если бы это использование было вторичным домышлением, сказители не стали бы с таким постоянством дополнительно подкреплять это домышление вставляемым перед ним и согласующимся с ним эпизодом намеренного «забывания» своего ножа Халандином. Наконец, во всех изложениях рассматриваемой сцены, кроме рассказа XI, подчеркивается, что Халандин убил чужеплеменного богатыря его собственным ножом, так что этот мотив несомненно принадлежал уже исконной версии предания; но как же, в таком случае, Халандин должен был получать этот нож в исконном предании, если не попросив его у его хозяина (как и значит в большинстве вариантов)? В рассказе II не упоминается, что Халандин оставил нож дома, и здесь Халандин просит врага только о ветке, но убивает его по-прежнему его же ножом. Рассказ II объясняет это так, что Халандин выхватил каким-то образом этот нож у противника, когда тот собрался срезать им ветку («Он пошел сломать ту ветку, за мной шел, свой нож из ножен вытащил. Я его ножом его в спину уколол»), но как раз этот сюжетный ход выглядит вторичным и искусственным: коль скоро обсуждаемый враг был так силен, что Халандин не решался напасть на него иначе как сзади, легко ли было бы его разоружить? Более вероятным кажется, что и рассказ II восходит в конечном счете к версии, в которой (как и в других рассказах) Халандин получал нож противника, просто попросив у него этот нож, но с выпадением этой просьбы, происшедшим в рассказе II, использование Халандином вражеского ножа, удержанное от исконной версии, должно было получать какое-то новое объяснение, и рассказ II выдвигает в этом качестве выхватывание Халандином ножа у богатыря (хотя оно не так уж хорошо вписывается в картину событий).

(9) Халандин возвращается; дочь вражеского богатыря узнает о гибели отца и в ряде вариантов лишается всех или большей части оленей (обычно во всем этом задействована дочь Халандина).

(10) Халандин (сам или через свою дочь или жену) позволяет дочери вражеского богатыря вернуться к своим на ее оленях (в одном варианте, возможно, сам дает ей оленей, см. с. 64, прим. 70).

(11) Итог: враги прекращают набеги. В рассказе V вместо этого Халандин умирает от раны.

Рассказ V, как видим, рисует Халандина менее героическим и победоносным, чем остальные: здесь Халандин не может сам придумать способ расправиться с врагом, и этот способ (как и способ сообщить об этом условным знаком) ему подсказывает жена, а итогом убийства врага заявляется не прекращение вражеских набегов (об этом вообще ничего не говорится), а смерть Халандина от раны, причиненной этим врагом.

При изучении структуры центрального эпизода интересно как определение базовых мотивов сюжета, так и выяснение степени их сохранности. По-видимому, наиболее слабыми (т.е. чаще всего выпадающими или варьирующимися) звеньями этого эпизода выступают символические, имеющие оттенок ритуальности мотивы (наподобие обозначения дочерью Халандина победы отца путем символического перепривязывания чужого оленя к своему). Наиболее сильными и устойчивыми предстают мотивы, теснее всего связанные с хитростью Халандина и убийством им вражеского богатыря, а также великодушное решение Халандина отпустить дочь и/или жену этого богатыря к «своим» с предложением прекратить вражду. Именно эти мотивы выполняют главную текстоорганизующую функцию, создавая вкуче образ сильного, хитрого, умного, рассудительного и некровожадного богатыря, предпочитающего мир с врагами продолжению войны и мести – но только достойный мир, оставляющий юкагирам свободу и безопасность от вражеских посягательств.

Неустойчива роль жены и дочери Халандина. Из сравнения вариантов видно, что в исконной версии предания именно своей дочери Халандин поручал исполнить две функции: и известить дочь вражеского

Итак, версия с ножом и веткой представляется исконной. Отдав свой нож, чужеплеменный богатырь тем самым и вооружает соперника, и лишается оружия, резко снижая свои возможности обороняться. Отметим, что во всех рассказах, где Халандин оставил нож дома или по дороге, вражеский богатырь ничего не знает об этом вплоть до последнего момента: Халандин сообщает ему, что не имеет при себе ножа, лишь на привале, непосредственно перед его убийством.

богатыря (иногда последняя заменяется на жену или на жену и дочь вместе) о смерти этого богатыря, и отправить ее домой, к «своим»¹⁰⁵. Можно думать, что жена Халандина в исконном предании если и вообще выступала в центральном эпизоде, то лишь ранее, в тот момент, когда Халандин под видом «работника Халандина» продолжал и закреплял сближение с вражеским богатырем (ставил свое жилище рядом с его жилищем и т.п.). Общее представление о том, что женщины-родственницы Халандина должны фигурировать в центральном эпизоде, особенно в его финале – при извещении дочери и/или жены врага о его смерти и дальнейшем отпуске ее к своим – сохранялось достаточно устойчиво и позднее, но вот конкретное его содержание размывалось, соответствующие детали отходили на второй план (вероятно, ввиду их незначительного влияния на развитие основного сюжета), варьировались и выпадали, см. прим. 105: обе вышеназванные функции дочери Халандина в финале эпизода могли передаваться то его жене (так в рассказе IV), то – частично или полностью – самому Халандину (частично – в рассказах I, III, VIII, полностью – в рассказах VII, X), а иногда и сама эта дочь исчезала из повествования (рассказы VII, V, XI, причем в V и XI выпала из сюжета и дочь вражеского богатыря).

В нижеследующей таблице знак прочерка обозначает отсутствие соответствующего эпизода в том или ином предании.

¹⁰⁵ Обе эти функции дочь Халандина по его указанию выполняет в рассказе II; в рассказе IV те же две функции выполняет не дочь, а заместившая ее в этом рассказе жена Халандина. Только первую, извещающую функцию дочь Халандина несет в рассказах I, III, VIII (вторую функцию, т.е. отправку родственницы врага к своим, в этих рассказах выполняет, соответственно, сам Халандин). Обе обсуждаемые функции берет на себя сам Халандин в рассказе VII (где его дочь не фигурирует вовсе) и в рассказе X (где в финале рядом с Халандином оказывается дочь, но она не несет никакой сюжетной функции, а лишь радуется успехам отца и доставшейся им обоим с ней добыче в виде оленей противника). В рассказах V и XI нет ни дочери Халандина, ни родственницы вражеского богатыря.

<i>I</i>	<i>II</i>	<i>III</i>	<i>IV</i>
----------	-----------	------------	-----------

(1) Экспо

—	—	<p>Жил юкагирский охотник, имел жену, ребенка, имел одну дочь, живут [вместе]. Пока так жили, пришли вести, [они] услышали новость, что придут корякские охотники. Услышав это [= к тому моменту, когда он об этом услышал], [к] их приходу [юкагирский охотник] дом заимел [=имел], с домом живет.</p>	<p>Халантин был юкагир, человек убивающий коряков, человек, убивающий корякских князей, он сам [= самый] юкагирский богатырь, убил всех коряков. Убив, убил самого последнего, самого начальника.</p>
---	---	---	---

V	VII	VIII	X
---	-----	------	---

зиция

—	<p>Однажды вдали за речкой неожиданно появился один странный человек. Его никто за человека не принял. Увидев Халанчина, он говорит: — Ох, какой богатырь идет, — смотрит на небо, пригнувшись, между ногами. — Что он колдует? — недоумевают люди. Настороженно шепчут друг другу: — Опять, видимо, коряки придут. А человек предсказывает: — Коряки идут... В то время ему никто не поверил.</p>	<p>Потом кочуют они [Халандин с дочерьми]. Девки есть у него, свои, родные. Кочуют они отдельно. Один раз тоже кочуют на оленях. У него есть там. На оленях кочует.</p>	<p>Чукчи и коряки рассказали своим о Халандине. Сказали, что такой человек есть, сильный, очень храбрый. И направили на поиски Халандина чукотского богатыря — богатого человека. Специально вызвали чукотского богатыря-воеводу со всеми богатырскими доспехами, сильного и хорошего воина, богатого. В одну из поездок на оленях Халандин взял свою дочь. Остальных своих людей [семью] Халандин [в другом месте] расселил и там с ними вместе тех, у которых олени были. Расстались они, не знают, кто, где находится.</p>
---	--	---	---

<i>I</i>	<i>II</i>	<i>III</i>	<i>IV</i>
----------	-----------	------------	-----------

(2) Вражеский богатырь приходит на поиски Халандина

<p>В ламутской земле один ламут (был), такой же сильный человек. Тот начал идти (стал придвигаться). Кочуя шел. Дошел до юкагирского места. Однажды кочуя, того юкагира встретил, сели.</p>	<p>Рассердился князец и сам пошел убить Аландина. Вступил на место Аландина, там одного человека увидел.</p>	<p>Пришел коряжский охотник,</p>	<p>Тот начальник пришел, пришел со своей дочерью.</p>
---	--	----------------------------------	---

(*) В рассказе *XI*, где центральный эпизод излагается (не считая введения в него оленя золотые рога) предельно стяженно, вместо всех тематических блоков (2) – (6) стоит лишь следующий пассаж:

Тот предводитель коряков сюда подошел, того оленя следы посмотрел, сюда-туда подошел-подошел. Алантин так сидит, притаившись. Прятался-прятался, притаившись, сказал. Когда тот человек ближе-ближе подошел, Алантин встал, сказал: «Здравствуй!» Поздоровались.

<i>V</i>	<i>VII</i>	<i>VIII</i>	<i>X</i>
----------	------------	-------------	----------

и встречает его, не зная, кто он такой (*)

<p>Пришел коряк-богатырь. Халантин там был с женой. Коряк его встретил:</p>	<p>Но спустя несколько дней появляется человек, облаченный в панцирь. Только видны глаза да нос, а открытое место только в ногах. Он пришел с дочкой.</p>	<p>В это время приходит какой-то человек. Высокий такой, телосложение здоровое, богатырское такое строение.</p>	<p>В одно прекрасное время чукотский богатырь вдруг лицом к лицу встретился с Халандином.</p>
---	---	---	---

<i>I</i>	<i>II</i>	<i>III</i>	<i>IV</i>
----------	-----------	------------	-----------

(3) *Халандин притворяется,*

<p>Ламут сказал: «У юкагиров сильный человек есть. Ты не знаешь?» Юкагир сказал: «Знаю, того сильного человека я работник».</p>	<p>Он был Аландином, [притворявшимся] «работником».</p>	<p>пришел и спрашивает: «Где здесь юкагирский охотник?»</p>	<p>Придя, говорит: «Где Халантин?» На это тот говорит: «Я покажу Халантина». А на самом деле он сам Халантин, [там] сидит.</p>
---	---	---	--

V	VII	VIII	X
---	-----	------	---

что он – иной человек

<p>– Где ваши остальные юкагиры? Халантин говорит: – Халантин отсюда недалеко.</p>	<p>Этот человек спрашивает: – Где Халанчин? Никто не отвечает. Юкагиры спрятались от коряков в Росохе, Шаманихе, Колыме, Олгуе, около озер. Пришелец еще раз спрашивает: — Я слышал, что здесь живет юкагирский богатырь Халанчин. Где он и каков из себя? Халанчин отвечает: — Он не здоровый, а худощавый и стропыный.</p>	<p>Этот [Халандин]: – О, друг, – говорит, – откуда ты пришел? – О, я с моря пришел. С Ледовитого океана, – говорит. – Зачем? – [За] Халандином пришел. Халандин всех людей убивает. Я его возьму. За этим пришел, – говорит. – Ну, ладно! – говорит [Халандин]. – Ты знаешь Халандина? – [тот] у Халандина спрашивает. Халандин говорит: – Я знаю его, я его работник.</p>	<p>«Этот человек мне не по зубам», – подумал Халандин. – «Здоровый, сильный и храбрый видать. Я его никак не смогу одолеть. Надо что-то придумать». Халандин сам [был] очень хитрый человек. Видел человека насквозь и чувствовал что у него на уме. Когда они встретились, тот чукотский богатырь спросил у него, где Халандин находится. – Э-э, – тот ответил. – Я его раб, слуга, я его пастух. Оленей мне дали пасти. Оленей смотрю. Халандин отсюда далеко.</p>
--	--	---	--

<i>I</i>	<i>II</i>	<i>III</i>	<i>IV</i>
<p>Ламут сказал: «Завтра буду кочевать. Вместе дома поставим» Юкагир сказал: «Поставим дома». Юкагир сказал: «Теперь в моем доме моего хозяина нет, я промышляя хожу». Ламут сказал: «До дома его далеко?» Юкагир сказал: «Недалеко, в один день дойдем». Ламут сказал: «Чтобы убить, ищу (его). Я острым (оружием) не убью, руками взявши, все его кости сломаю». Ламут в свой дом пошел, юкагир тоже в свой дом пошел. Завтра утром встали, юкагир укочевал, ламут тоже укочевал. Вместе дома поставили (на ночлеге). Юкагир своей жене сказал: «Тихо ставь дом (не торопясь)». Юкагир дочь имел, ламут тоже дочь имел.</p>	<p>Того «работника» позвал к себе в урасу [князец], потом сказал: «Завтра вдвоем пойдем к Аландину, там [его] убьем». «Работник»-Аландин со своей семьей [букв. людьми] к тому князю пошли, пришли, свою урасу неподалеку поставили.</p>	<p>Когда он так сказал, тот ему ответил: «Сделай дом здесь, рядом со мной, завтра я тебя отведу [к тому юкагирскому охотнику]», – сказал ему.</p>	<p>«Мне, – говорит, – пожалуйста, убей Халантина». «Я сам убью Халантина, заплаги», – говорит [Халантин], нарочно, конечно. «Я, – говорит [тот], – у тебя несколько лет буду бесплатно работать тебе», – говорит. [А это] сам Халантин [там] сидит, обманывая. «Ну ладно, я покажу Халантина, – говорит [Халантин], – завтра. Он в одном месте, отсюда в трех кочевках», – говорит. Халантин насторожился, насторожился, думает, что его убьют. Смотрит: тот рубашку снял, сняв, оделся весь в железо. Такое железо, железный жилет [панцирь]. Только здесь с дыркой, только здесь с дыркой, только подмышкой дырка, а все [остальное] железо. «Как такого убью, какой хитростью его убью?» – говорит [себе Халантин].</p>

(4) *Богатырь сообщает о своем Халандин, притворяющийся иным*

V	VII	VIII	X
---	-----	------	---

*намерении убить Халандина,
лицом, выражает ему поддержку.*

<p>– Халантина пришел убить? – Да. Как его убить? Халантин говорит: – Запросто.</p>	<p>—</p>	<p>—</p>	<p>В одно место поехали они. Договорились: «Отсюда пешком дойдем до Халан- дина».</p>
---	----------	----------	---

I	II	III	IV
---	----	-----	----

(5) *Халандин жалуется на обращение с ним богатырь угощает его мясом, Халандин*

<p>Ламуты раньше кончили, огонь развели. Тот юкагир дров нарубил. Дров нарубивши, в ламутский дом пошел, огня взять. В ламутский дом вошел, котел его начал кипеть (уже). Ламут ножом в сало ткнул, юкагиру дал. Юкагир свой нож из ножен вытащил, его сало (ламута) тотчас проколол, взял, ел. Ламут сказал: «У твоего хозяина такое ешь?» Юкагир сказал: «Такого не знаю. Жирного дикого оленя если убью — так я его и видел!»</p>	<p>—</p>	<p>—</p>	<p>Ну, Халантин говорит: «Давай пойдем, — говорит, — завтра, отсюда три кочевка, если мы хотим его убить». На это [тот говорит]: «О, ты оказывается, хороший человек», — Халантин. Жирного мяса из котелка отрезал, отрезал ножом и дал жирного мяса. Его нож такой — с железной ручкой, ведь он богатырь.</p>
--	----------	----------	--

V	VII	VIII	X
---	-----	------	---

*его якобы хозяина – Халандина,
замечает нож, которым тот отрезает мясо*

<p>–Ты покажи мне. – Пойду. Меня Халантин все время бьет, заставляет дрова рубить, охотиться заставляет. Брат, хорошо что ты пришел. Коряк взял нож, воткнул в мясо, которое лежало в котле, протянул Халантину: «На, ешь».</p>	<p>Этот человек пришел зимой. В то время Халанчин жил со своей женой в яранге. Пришелец поставил около яранги Халанчина свою. Халанчин боится его, настораживается. Вечером новоиспеченный сосед зовет Халанчина: — Иди сюда, иди. Халанчин подходит к нему и врет: — Я батрак Халанчина. Он меня и жену бьет. Заставляет работать до седьмого пота, измывается. Спаси нас, добрый человек! Тот соглашается спасти его: — Ладно, спасу, помогу. Халанчин говорит: — Угощайся оленьим мясом, — и протягивает оленину. Пришелец с дочкой досыта наедаются оленьего мяса. Халанчин чувствует себя не в своей тарелке и думает: «Когда же прикончит меня?»</p>	<p>Я охочусь – всю охоту мою он забирает, — говорит. — Чуть-чуть живу. [Ко] мне как работнику лезет, иной раз убьет [=бьет до полусмерти], если мало убью [добычи]! — Я ему покажу! — говорит [тот человек]. Они кочуют. Халандин тоже кочует с девками, с дочками. А тот тоже с дочкой кочует. На оленях же.</p>	—
---	--	---	---

<i>I</i>	<i>II</i>	<i>III</i>	<i>IV</i>
----------	-----------	------------	-----------

(б) Окончательная договоренность

<p>Ламут сказал: «Завтра твоего хозяина убью, (ты) мне поможешь?» Юкагир сказал: «Именно, чего- нибудь в этом роде ищу». Ламут сказал: «Завтра пойдем вместе».</p>	—	—	—
--	---	---	---

<i>V</i>	<i>VII</i>	<i>VIII</i>	<i>X</i>
----------	------------	-------------	----------

отправиться и убить Халандина назавтра

—	<p>Человек в панцире говорит: – Завтра пойдем к Халанчину, ты мне покажешь его. Халанчин про себя решает, что сколько бы ни был силен враг, все равно он должен его одолеть, убить. Этот человек вечером показывает свой панцирь и хвастается: — Никто меня в этом панцире не убьет, не победит.</p>	<p>– Далеко, нет? – спрашивает он. – Нет, недалеко. Завтра доедем, – говорит, – наверно. – Ух, как хорошо было бы доехать. Хорошо.</p>	—
---	---	---	---

<i>I</i>	<i>II</i>	<i>III</i>	<i>IV</i>
----------	-----------	------------	-----------

(7) *Инструкции Халандина для дочери (вариант в V:*

<p>Завтра утром встали. Ламут сказал юагиру: «Пойдем». Пошли. Своим семьям сказали: «За нами начинайте идти (покочайте)». Юагир своей дочери сказал: «(Если) вам навстречу приду, голенища сапог к низу спустив приду, (тогда) с оленя вставши, у твоей подруги повод в середине перерезав, к твоему привяжи»</p>	<p>Своей дочери говорит [Аландин]: «Когда мы с тем князцом пойдем, вы за нами идите. Ты первая иди, остальные пускай за тобой идут. Если увидите, что мой: кафтан не висит, [значит] я того князца убил. Тогда возьми жену и оленей князца и пошли назад. Если я не приду, [значит] я умер».</p>	—	—
---	--	---	---

V	VII	VIII	X	XI
---	-----	------	---	----

инструкции жены Халандина для Халандина)

<p>Ночью коряк не спал. Халантин думает, как его убить. Жена спрашивает: –Что думаешь? – Думаю, как его убить. –Думать нечего. Нож оставь. Табак возьми. Трубку закрой, в карман положи. Посмотришь, что дальше будет. Место выбери, чтобы тальник со стороны коряка был. – Ладно, так и сделаю. –Если коряка убьешь, торбаса вниз спусти.</p>	—	<p>Халандин утром встал, одел щетки. Говорит своей дочери: – Если я его убью, то щетки сделаю вниз. Так приду. Если видишь – я так иду, ты встань, иди к той дочке [его], девке. Режь сколько тебе нужно оленей, – говорит. – Там они привязаны друг у друга. Режь, – говорит, – и возьми себе. Скажут: «Что делаешь, друг?» – скажет [та] девка. Скажи: – Не видишь, мой отец твоего отца убил!</p>	<p>/В рассказе нижеследующий текст стоит в следующем эпизоде как ретроспективное описание более раннего события. Дублируем его здесь в соответствии с фабулой/ Когда... из дому выходили, Халандин сказал своей дочке: –Никому не говори что я – Халандин. Никому ничего не рассказывай, что ты дочь Халандина. Скажи – они с чукотским богатырем Халандина искать пошли. Если увидишь, что наколенники торбазов у меня будут опущены – я его победил. Тогда уже ничего не бойся. Собирайся потихоньку, и мы уедем отсюда.</p>	<p>/В рассказе нижеследующий текст стоит в следующем эпизоде как ретроспективное описание более раннего события. Дублируем его здесь в соответствии с фабулой/ Потом, Алантин, раньше когда уходил, сказал: «Я приду, на меня посмотрите, как я приду. Если моя шапка на уши упавшей будет, уши прикрывая одев, приду, тогда я хорошо пришел, всех уничтожив. Потом, если я, шапку не надев, приду, тогда я плохо пришел».</p>
--	---	--	---	---

I	II	III	IV
<p>Юкагир свой нож своей жене отдал. Без ножа пошел. Пошли. Стали отдыхать. Табак начали курить. Юкагир трубку высасывал. Юкагир ламуту сказаал: «Нож, видно, забыл, твой нож мне дай, чтобы трубку почистить». Ламут дал. Юкагир говорит: «За тобой деревцо стоит, мне дай». Ламут только деревцо сломал, юкагир тем ножом ламута пырнул. Нож его бросил далеко. Ламут, юкагира под мышку взявши, побежал в сторону ножа; только нож взял, там упал, умер</p>	<p>Назавтра встали, мужчины ушли. Женщины за ними пошли. Идут и видят – Аландин приближается, кафтан его не висит. Увидев это, дочь Аландина вернулась к жене корякского княздя, взяла его оленей и говорит: «Мой отец твоего мужа убил. Возвращаяся назад». Аландин к своей дочери пришел, на нарту [ее] посадил и рассказал: «Мы долго шли. Сели отдохнуть, покурить табак. Я говорю тому князю: дай мне твою ветку почистить трубку. Он пошел сломать ту ветку, за мной шел, свой нож из ножен вытащил. Я его ножом его в спину уколол. Его нож в снег бросил. Тот князец не упал, нет. К нему силы пришли. Меня одной рукой поднял, к своему ножу побежал. Немножко не дойдя до своего ножа, он упал мертвым».</p>	<p>Так сказав, тот юкагирский охотник, вечером взяв свою трубку, закрыл [=забил] в ней щель, а когда наступил другой день, они с тем корякским охотником пошли. Когда они отправились, он, [как бы] «забыв» свой нож, оставил [его], так пойдя, идя, юкагирский охотник говорит: «Брат, отдохнем», – говорит. Нашел такое место, усадил корякского охотника, посадил его на место с тальником, а сам сел рядом с ним в месте, где нет деревьев. Сев, вытащив свою трубку, так свою трубку сосет, ведь она закупорилась. Тогда говорит: «О!» Взял свои ножны. «Я, оказывается, забыл нож, – говорит. – О брат, – говорит, – я, оказывается, забыл нож, а у тебя есть». Корякский охотник вытащил свой нож: «Э, когда дойдем [до места], отдашь». Когда он [корякский охотник] ему нож дал, он [юкагирский охотник] кругом туда-сюда</p>	<p>Ну, так пошли. Пойдя, Халантин свой нож выбросил нарочно. Отверстие в своей трубке прочно закрыл. Заткнул деревом, чтобы совсем закрылась. «Пусть закроется», – говорит [себе]. Ну, так пошли. Пойдя, выбрали одно тальниковое место, Халантин подумал, когда шел, чтобы на месте, где он сидит, не было деревьев, а чтобы на месте, где сидит тот человек, были деревья. Разный там тальник. Такое место нашли, выбрали. Говорит, Халантин говорит: «Отдохнем здесь. Да, отдохнем», – говорит. Тот человек говорит: «Э, давай», – говорит. Сняли лыжи, сели на лыжи. Сели и собрались закурить. Халантин взял свою трубку, взяв, сосет. «О, – говорит, – закрылась». Тогда начал искать свой нож. «О, – говорит, – брат, я, оказывается, забыл нож. Умираю, как я без ножа пойду?» –</p>

V	VII	VIII	X
<p>Коряк говорит Халантину: — Давай, пошли к Халантину. Пошли. Халантин говорит: — У меня нога болит. Отдохнем. Отдохнуть сели, выбрал место с тальником [Халантин]. Курить начали. Халантин прикуривает, ничего нет, трубка забитая. — Нож забыл. Дай свой нож, трубку почистить. Коряк дал. Ковырял, трубку поломал. Говорит коряку: — Отломь тальник. Коряк хотел отломить, Халантин воткнул нож. Коряк схватил Халантина под мышку, хотел нож вытащить — умер. Четыре ребра Халантину поломал. Вниз камусные торбаса спустил, домой пошел.</p>	<p>Настало утро. Коряк говорит: — Где Халанчин? Веди меня к нему. Халанчин оставил нож в доме, напичкал щепкой трубку коряка, и они пошли «искать Халанчина». Халанчин говорит: — Посредине дороги стоит пустой дом. Халанчин, которого ты ищешь, живет там. Отсюда пять верст. Мы найдем его там. И они идут и идут... Оказывается, Халанчин нарочно подобрал такое место, какое описал коряку. Там они и остановились. Халанчин просит: — Давай, отдохнем. Отсюда до дому Халанчина рукой подать. Халанчин сидит, где рассыпано серебро, а коряк — на тальнике. Коряк-богатырь захотел закурить. Он заметил, как Халанчин набивал трубку щепкой и говорит: — Какое наказание, нечего закурить! Брат, у тебя есть нож?</p>	<p>видишь, мой отец твоего отца убил! Так утром они пошли. Халандин оставил, ножичек оставил дома. И трубку, такая деревянная трубка была раньше, палками [=щепой] забил, чтоб дым не проходил. Халандин идет: — Вот сейчас пойдем в ту сторону, такое чистое место, в тундру попали. В той стороне возвышенное место. Он там сейчас. Близко осталось. Сейчас отдохнем. Халандин вперед идет, смотрит. Тальник такой растет, тонкий. Смотрит. Он немножко прошел, сел. Этот друг сзади идет, близко [от] тальника сел. [Халандин] говорит: — Табак курить начнем. Этот взял свою трубку. Халандин тоже взял трубку так. Курить хотел, дует — ничего не идет даже. Все забито же там. — О, — говорит, — эта хамса [трубка] забита. — Ножик взял [=взять] хотел, взялся было, чтобы прочистить</p>	<p>Халандин сидит. Сам трубку свою забил [нарочно]. Трубку [всегда] курил. Нож свой [будто дома] оставил. А тот [чукотский богатырь] уже подготовился. Нож взял свой богатырский. На груди — кольчуга /наборный панцирь — <i>Авт./</i>, чтобы стрелами не достали. Ноги тоже защищены. На лыжах пошли они и отдыхали в одном месте. Когда перед этим из дому выходили, Халандин сказал своей дочке: — Никому не говори что я — Халандин. Никому ничего не рассказывай, что ты дочь Халандина. Скажи — они с чукотским богатырем Халандина искать пошли. Если увидишь, что наколенники торбазов у меня будут опущены — я его победил. Тогда уже ничего не бойся. Собирайся потихоньку, и мы уедем отсюда. Халандин с чукотским богатырем на перевале отдыхают.</p>

богатыря (стяженный вариант в XI см. на с. 137)

<i>I</i>	<i>II</i>	<i>III</i>	<i>IV</i>
		<p>посмотрев, говорит: «Ну, брат, сломай тальник, который за тобой, и дай мне».</p> <p>Корякский охотник повернувшись, когда он ломал руками тальник, тот /юкагирский охотник/ корякского охотника ножом проткнул, а нож далеко отбросил. Тогда корякский охотник, подпрыгнув, взяв юкагирского охотника подмышку, побеговав, дойдя до своего ножа, так и умер.</p>	<p>говорит нарочно [= обманываемая]. Говорит [так], [а] почему [он] обманывает? Взял палку, сломал тальник, ковыряет нарочно [= для вида], – что будет делать, еще больше закрывается [забывается трубка]. «О, – говорит, – брат, дай мне твой нож. Она совсем закупорилась», – говорит. Ковыряет, его нож ведь такой широкий [ширина его ножа], как он войдет [в трубку]? Свою трубку ковыряет нарочно [= для вида, притворно], начал ковырять. Так [= тут, затем] голову почесал, ведь нигде дерева нету, так вокруг нету деревьев, снаружи [= по сторонам вблизи от него] нету деревьев. «Тогда, – [говорит он тому человеку, – ты,] сломав одно дерево, дай, дай мне». Так [и] было, он [тот человек,] взяв то дерево, встав [для упора] на лыжах, как только оно сломалось [дерево], тот [Халантин] [его] сюда [= подмышку, в незащищенное место] ножом проколов, отбросил [нож]. Тот богатырь встал, взял Халантина, пошел к своему ножу. [И умер].</p>

(8, продолжение)

V	VII	VIII	X	XI
	<p>Он заранее приметил, что у Халанчина нож. Халанчин вдруг вскочил и сломал врагу три ребра, затем ножом пырнул прямо в сердце. Коряк упал замертво. Оказывается, он был куда слабее, чем Халанчин, и вовсе не такой богатырь, как притворялся.</p>	<p>трубку, а его нет]. – Вот, едрена палка! От Халандина даже ум потерял. От Халандина: все меня бьет, гоняет. Ножик даже не взял! – говорит. – Друг, будь добрый человек, твой ножик дай мне, я хамса [трубку] буду ковырять. [Тот дал]. Он ковырял – нет, не идет. Халандин говорит: – Друг, за тобой тальник. Его поломай, пожалуйста! [чтобы новую трубку сделать]. Он повернулся. В это время Халандин взял, ножом прямо в сердце [его ударил]. Этим большим ножиком, кинжалом. Насквозь прошел. Халандин обратно взял ножик, выбросил, сколько силы есть. Тот взял его, Халандина, прямо так [поперек тела] и туда побежал, где ножик. Ножик хотел взять, упал и умер. Так.</p>	<p>Халандин трубку свою сосал-сосал, никак раскурить не мог. –У-у! – сказал. – Ножик я свой забыл оказывается, без ножа пошел. Дай мне свой ножик, я [трубку] расковыряю». Халандин за ним смотрит – кроме подмышек у него незащищенного места [на теле] нет. Везде кольчуга. В то время Халандин трубку расковырял и говорит: – Вон около тебя маленький кустик – дай мне, сломай, пожалуйста. А тот, когда наклонился за этим кустиком – в это время Халандин ему подмышку нож всадил. Всадил, бросил [нож] и сам отпрыгнул [в сторону]. Тот богатырь с криком ворона прыгнул за ножом, до ножа не дошел и упал с таким криком. – Ох, не знал, – говорит. – Убил ты меня. Убежал ты от меня. Не знал я... От своей глупости умираю. С этими словами умер.</p>	<p>Алантин сказал: «Ну, садись, курить будем». Тот человек подошел, сел. Так разговаривали. «Откуда пришел?» Тогда тот человек, Алантина увидев, сказал: «Я здесь хожу». Тогда Алантин сказал: «Курить будем». Свою трубку взял, сказал: «О-о». Табак положил, махорку, затянулся одиножды, сказал: «Э-э, мой муштук плох, сейчас я сниму». Снял, сняв, сказал коряку: «Мне, пожалуйста, за тобой один тальник стоит, маленькую талину мне дай». Тогда коряк «э-э» сказал. Подойдя так, тот тальник взять хотел, Алантин подошел, ему в спину нож воткнул, ударил. Там уронил. Так убил.</p>

(8, продолжение)

<i>I</i>	<i>II</i>	<i>III</i>	<i>IV</i>
----------	-----------	------------	-----------

(9) *Халандин возвращается после убийства свою дочь) дочь богатыря о его гибели,*

<p>Юкагир по их дороге вернулся. Дочь его приход своего отца нашла (увидела), с оленя вставши, своей подруги повод посередине перерезав, к своему привязала. Ламутская девушка сказала: «Друг, что такое (с тобой)?» Юкагирская девушка сказала: «Мой отец твоего отца убивши, пришел». Подруга просто начала плакать.</p>	<p>/в рассказе нижеследующий текст стоит перед предыдущим эпизодом как вступление к нему, дублируем его здесь в соответствии с фабулой/ Женщины за ними пошли. Идут и видят – Аландин приближается, кафтан его не висит. Увидев это, дочь Аландина вернулась к жене корякского князца, взяла его оленей и говорит: «Мой отец твоего мужа убил».</p>	<p>Юкагирский же охотник пришел домой, придя, говорит своей дочери: «Пойди и скажи [родственникам того корякского охотника], – говорит, – не зовите вашего отца, отец не придет».</p>	<p>Свои лыжи [Халантин] не надел, только так взял нож [того человека]. Халантин на двух лошадях пошел к себе домой. Пойдя, говорит своей жене: «Он бросил вниз мои сапоги, я так не приду, так меня приготовил он. Так скажи, если он бросил [вниз] мои сапоги, скажи той девушке [дочери корякского начальника]: “Убегай, мой муж твоего отца убил”, – так скажи о ее отце.</p>
--	--	---	--

V	VII	VIII	X
---	-----	------	---

*богатыря, извещает (сам или через
дочь богатыря лишается оленей*

—	<p>Халанчин говорит дочке коряка: — Иди, скажи людям, что я победил твоего отца.</p>	<p>Теперь, значит, Халандин курил, сел как следует. Победителем стал. Пошел обратно. Идет. Сапоги сделал вот так, вывернул обратно. А та [Халандинова] дочь увидела – отец идет так, стала колоть той девки оленей, отрезать. – Что делаешь? – говорит [та]. – Не видишь, что мой отец твоего отца убил? Она заплакала просто.</p>	<p>Халандину что же остается? Этого [богатыря] бросил [оставил] так. Наколенники торбазов опустил. По их следу [Халандина и чукотского богатыря] ехала чукотского богатыря дочка, а за ней – дочка Халандина. Халандин подошел, передних оленей [дочки богатыря] взял и поворотил обратно.</p>
---	--	--	--

<i>I</i>	<i>II</i>	<i>III</i>	<i>IV</i>
----------	-----------	------------	-----------

(10) Халандин отправляет дочь богатыря

<p>Ламута жену, его дочь упомянутый юкагир назад по их дороге послал, с оленями послал (отправил), не взял.</p>	<p>«Возвращайся назад».</p>	<p>На другой день встав, юкагирский охотник запряг своих оленей, еду погрузил: «Идите по дороге, отправляйтесь к своим людям, теперь ваш отец умер, рассыпался [= прахом пошел], – говорит [родственницам того корякского охотника], – теперь расскажите там людям, корякам, чтобы они больше сюда не приходили».</p>	<p>Все возьми, дай [оставь] ей двух оленей, пусть уходит». Так на двух оленях она поехала. Еле-еле доехала.</p>
---	-----------------------------	---	---

<i>V</i>	<i>VII</i>	<i>VIII</i>	<i>X</i>
----------	------------	-------------	----------

на оленях на родину.

—	<p>Девушка прибежала к людям и кричит: — Смотрите, вон там Халанчин убил моего отца! Видите его нож, а натазник отпустил...</p>	<p>Халандин пришел, [говорит дочери того богатыря]: – Сейчас вернись обратно в море [= к своим, к берегу океана] и скажи, чтоб больше не приходили за Халандином.</p>	<p>До дороги довел. Оставил ей две нарты, сказал: – Я вашего богатыря убил, сюда больше не возвращайтесь. Иди, откуда при- шла, чтобы тебя здесь не было. Я – Халандин.</p>
---	---	---	---

<i>I</i>	<i>II</i>	<i>III</i>	<i>IV</i>
----------	-----------	------------	-----------

(11) Результат убийства богатыря: прекращение вражеских набегов (в

—	Так кончились сражения юкагиров с коряками.	После этого те коряки [больше] не приходили.	—
---	---	--	---

<i>V</i>	<i>VII</i>	<i>VIII</i>	<i>X</i>	<i>XI</i>
----------	------------	-------------	----------	-----------

рассказе V вместо этого: смерть Халандина).

<p>Потом от ран умер.</p>	<p>Халанчин приходит к сородичам. Победителя встречают радостно. Так покончили с коряками. С той поры они перестали воевать с юкагирами. Все.</p>	<p>Это чукчи [были], дочка. Поэтому-то Халандина боятся, не стали больше ходить.</p>	<p>А дочка Халандина обрадовалась, что столько оленей получила. Они собрали оленей и поехали обратно по той же дороге, по которой Халандин приехал в эти места. День и ночь они ехали, опасаясь преследования. Так они доехали до своих людей. Халандин рассказал, как он убил чукотского богатыря и сказал его дочери, чтобы они [чукчи] больше не приезжали. С тех пор не стали они приезжать.</p>	<p>Потом домой пошел, сказал: «Не бойтесь, я того предводителя убил». Так хорошо зажили, с эвенами ходя, юкагиры.</p>
---------------------------	---	--	--	---

ПРИЛОЖЕНИЕ 3


Карты и историко-географический комментарий.

КАРТА 1.

Верхняя Индигирка, Верхняя Колыма и Приохотье в XVI – XVII вв.




Условные знаки:


 предположительный ареал проникновения и присутствия юагиров в Приохотье до ламутского расселения в регионе (см. ниже, с. 147–153).

1 Яндо курсивными цифрами и надписаниями выделены названия явно и предположительно юагирских гидронимов Приохотья.

2 жирными курсивными цифрами выделены места обитания приохотских тунгусских (отунгушенных) племен середины XVII в. с этнонимами юагирского происхождения: **1** – улбиданцы, **2** – товуданы, **3–4** – кондызи и «жлады» (см. ниже, с. 147–150).

 южная граница «древнего» [т.е. предшествующего завершающим фазам ламутского расселения XVII в. и приходу русских] юкагирского ареала по реконструкции В.И. Йохельсона [Jochelson 1926: 134, map].


 границы ареалов юкагигов, коряков и тунгусов к 1630-м – 1640-м гг.

 границы отдельных юкагирских и тунгусских племенных образований к 1630-м – 1640-м гг. Неопределенность проведения когимско-ходынской и когимско-корякской границы в районе Омолона отражает соображения, изложенные на с. 94 слл.

ДЕЛЬЯНЫ

названия племенных образований XVII в.

“Л.” – примерное расположение ламутков (ламатканов) до их смещения к верховьям Яны (см. ниже, с. 157 сл.).

 – ареал объединения коряков-чавчувенов, граничившего с верхнеколымскими юкагирами (по Б.О. Долгих). Стрелками обозначены общие направления корякских набегов, отраженных в преданиях о Халандине.

Пояснения к карте 1.

Карта составлена на базе реконструкции Б.О. Долгих [Долгих 1960: карта], с уточнениями согласно рельефу и естественным границам, а также некоторым данным русских документов XVII в. (в частности, о протяжении земли «ламутков» до Индигирки, см. ниже, с. 157) и топонимики. Сама реконструкция Б.О. Долгих представлена ниже на карте 2 (с. 159). Приведем обоснования некоторых уточнений и дополнений к ней, внесенных на карту 1.

1. Шаман Пороча, сам из верхнеколымского юкагирского рода, в начале 1640-х гг. описывал русским расспросчикам главные, с его точки зрения, притоки Колымы, перечисляя их снизу вверх, и последними в этом перечне (т.е. самыми верхними из перечисленных им притоков Колымы) назвал следующие : «...да на левой ж стороне, вверх идучи [т.е. с восточной стороны Колымы, которая оказывается левой, если смотреть вверх по течению Колымы], пала [= впадала в Колыму] река Олюнга, а на правой [т.н. западной] стороне [еще выше] пала река Алач, на леве же руке [еще выше] пала река Коборой» [ОРМ № 31: 128].

Заметим, что название Олюнга выглядит не юкагирским, а тунгусским или корякским. Называть приток Колымы его корякским именем юкагир Пороча мог лишь в том случае, если он хотя бы вытекал из тогдашнего тунгусского или корякского ареала. Для XVII в. это означало, что это один из верхних притоков верхней Колымы, вытекающий из южной части ее бассейна. Таким образом, Олюнга Порочи (а тем самым и все реки, названные им после нее) в любом случае должна была лежать именно в верховьях Колымы.

Конечно, большинство гидронимов региона за последние века сменились с исконных юкагирских и иных древних названий на тунгусские, якутские и русские, но Пороча называл лишь самые важные в его глазах притоки, и это увеличивает шансы на их идентификацию. Действительно, по сообщению Р.В. Седова, магаданского путешественника и знатока бассейна Колымы, Олюнга – древнее название р. Сугой: «На «Карте земли Камчатской» Г. Ф. Миллера она обозначена как Сухая, хотя еще до походов русских землепроходцев коряки называли ее Олюнга. Топограф П. Афанасьев из экспедиции Г. Л. Майделя (1869–1870 гг.) нанес ее как река Лавдон. Это название значилось и в начале нашего века. Экспедицией И. Ф. Молодых (1928 г.) было установлено, что юкагиры в низовьях реку называют Сугой, а живущие в верхнем течении эвены – Буксунда» [Седов 1979: 43 сл.]. Итак, гидроним Олюнга известен как корякское название Сугоя. Между тем Сугой входил на большей части своего протяжения в ареал верхнеколымских юкагиров и в XIX – начале XX вв. [Спиридонов 1930/1996: 26, 29, 40], является восточным притоком верхней Колымы и вытекает из районов, входивших в XVII в. в корякский ареал [Долгих 1960: карта]. Все это полностью отвечает указанным выше критериям для Олюнги Порочи, так что последнюю можно уверенно отождествлять с одноименной Олюнгой-Сугоем.

Алач и Коборой впадают в Колыму выше Олюнги Порочи, т.е. Сугоя. Между тем, с одной стороны, как указывает Б.О. Долгих, «верховья Колымы выше Сеймчана и Буюнды, вероятно, в территорию юкагиров не входили, так как этот район чисто тунгусской топонимики» [Долгих 1960: 422], а с другой стороны, раз уж юкагир Пороча из всего множества больших притоков Колымы отобрал для своего рассказа всего несколько рек, то, надо думать, наименее актуальные для него притоки, лежавшие вообще вне территории юкагиров, в это число не попали, т.е. вовсе не были им названы. По совокупности этих соображений Алач и Коборой придется на сегмент бассейна Колымы от устья Сугого до устья Сеймчана и района немного выше последнего, но не еще выше – там обитали во времена Порочи уже не юкагиры, а коряки и тунгусы. Алач Порочи – западный приток Колымы, а единственными заметными западными притоками Колымы на только что очерченном пространстве являются сам Сеймчан и Таскан. С

одним из них и остается отождествлять Алач. Сеймчан – название тунгусское (эвенское), по-эвенски это слово значит «небольшая яма, ямка, омут» [Леонтьев, Новикова 1989: 355]. Между тем в колымском юкагирском есть слово *альоойэ* со значением «талое отверстие во льду, промоина, проталина» от основы *альяа-* «таять» с корнем *аль-* [Nikolaeva 2006: 100], что очень близко по смыслу к той же «ямке». На фоне сказанного выше это побуждает нас считать, что гидроним, записанный по-русски как «Алач», был образован от указанной основы и служил исконным юкагирским именовани^{ем} Сеймчана, а эвены, приселившись сюда, калькировали это именовани^е, переименовав реку «Сеймчаном», т.е. той же «ямкой», но уже по-эвенски. Коборой – восточный приток Колымы и, как можно судить по перечню Порочи, самый верхний значимый приток в юкагирском ареале, – тогда окажется Буюндой (иными словами, это исконное юкагирское название реки, которое эвены на своем языке назвали Буюндой); существенно выше Буюнды по течению Колымы Коборой нельзя сдвигать в любом случае, так там ко временам Порочи начиналась уже зона сплошного расселения тунгусов.

Приведенные идентификации позволяют уточнить границу верхнеколымских юкагиров с восточными тунгусами – эвенами к 1640-м гг.

2. Далее, коль скоро одно время часть верхнеколымских юкагиров платила ясак в Чендонском зимовье, находившемся тогда на верхнем Омолоне [Долгих 1960: 413], а в другой момент часть юкагиров-ходынцев платила ясак, наоборот, в Верхнеколымском зимовье (хотя и с неудобствами) [Долгих 1960: 412], основную границу между верхнеколымцами и ходынцами надо, видимо, проводить где-то между Коркодоном и Омолон^{ом}, как и делает Б.О. Долгих [Долгих 1960: карта; ср. 412] (впрочем, в то же время он указывает, что верхнеколымцы жили и на водоразделе Колымы и Омолон^а, и допускает, что по этому водоразделу их ареал достигал верховий самого Омолон^а [Долгих 1960: 422, со ссылкой на КПМЯ: 241])¹⁰⁶.

3. К середине XVII в. граница юкагирского ареала с ламутским проходила по линии: район Туостаха – район Момы – район Сеймчана. Однако ряд этнонимических и гидронимических данных позволяет думать, что в более ранние времена юкагиры присутствовали и на куда более южных территориях, вплоть до Охотского моря или, по крайней мере, вплоть до верхнего – среднего течения впадающих в него рек включительно. Это видно из следующих данных:

– в русских документах XVII в. упоминаются, среди прочих, такие группы тунгусов Приохотья: оленные тунгусы «жлады» на реке где-то

¹⁰⁶ Напомним, что в течение второй половины XVII в. отдельные группы верхнеколымцев во всяком случае выходили на Омолон и обитали при нем выше и/или ниже выхода к нему ареала ходынцев (см. с. 94 сл.).

восточнее Тауя, оленные тунгусы «кондызи» – также на реке восточнее Тауя [Долгих 1960: 539], а также (в росписи тунгусских родов 1639 г.) тунгусы-улбиданцы на Ульбее и тунгусы-товуданы на Тауе [Долгих 1960: 538; Бурыкин 2000; Бурыкин 2011: 310]. Все эти четыре этнонима несут следы юкагирского происхождения. Исход необычной формы «жлады» напоминает по окончанию обычные территориальные самообозначения юкагирских племенных и родовых групп на *-ди(у)/дьи* («люди, народ»), образованные от гидронимов и иных обозначений мест¹⁰⁷ (например, *хорходонды* «люди реки Коркодон», *пудэгэльдьиш* – «люди, которые живут вверх по реке», *чорходьиш(нэ)* – «горные люди») [ср. Бурыкин 2001: 81]; при этом Тауй по-корякски называется Дилагыйн'ын, откуда А.А. Бурыкин убедительно реконструирует исходную форму **дила(н)дьи* вместо конечного «жлады» в русском документе [Бурыкин 2001: 81; Бурыкин 2011: 379]. Принимая сказанное, остается думать, что юкагиры усвоили корякское название реки, но, как и следовало бы ожидать, в стяженной упрощенной форме вида **Дилан-*, и где-то при этой реке существовала юкагирская территориально-родовая группа, называвшаяся по ней **дилан-дьи*.

Форма *кондызи* имеет несомненный исход на формант, передающий то же юкагирское *-дьи*, и подразумевает юкагирский этноним **кондV(н)-дьи*, т.е. «люди с реки *КондV[н]*». Соотнесение этого этнонима с

¹⁰⁷ Юкагирские родовые и племенные подразделения занимали определенные территории и в норме имели по два обозначения: собственно родовое, не привязанное к определенной территории, и территориальное, обычно определенное по реке с прибавлением окончания *дьи(у)* «люди» у лесных юкагиров и *чи(и)* с тем же значением у тундренных юкагиров. Например, верхнеколымское племенное объединение юкагиров XVII в. имело родовое именование *козимэ*, юкагирск. «[люди] вóрона» и территориальное именование *онмунды*, юкагирск. «люди реки Онмун = Колымы» (прим. 10 выше), а одно из подразделений этого былого объединения в XIX в. (вобравшее с течением времени всех потомков когимцев, оставшихся на Верхней Колыме) имело родовое именование *Чолборо-д-омок*, юкагирск. «Заячий род», и территориальное именование *чахадэндьи*, юкагирск. «люди реки Чахадэн = Ясачной» [Иохельсон 2005: 174]. Тундренные нижнеколымско-алазейские юкагиры первой трети XX вв. по родовым названиям делились на группу *эрбэткэн/эрбэчкан*, тунгусск. «гусиные люди» (этот этноним был усвоенной ими в ходе симбиоза и брачных союзов с тунгусами калькой с исконного юкагирского самоназвания их предков – «гусиных людей»-яндинцев), и на группу *алайи* (значение термина неясно, возможно, *алайиш* < **аала-дьи/и/*, **«крепкие, стойкие люди»*) [Курилов 2015: 105 сл.], а территориально образовывали единую общность *улуро-чи*, юкагирск. «люди краев при оз. Улуро» [см. Курилов 1979: 6]. Добавим, что Н.И. Спиридонов – Тэки Одулок называет свой народ «Чолгородие, то есть заячьи люди» [Спиридонов 1930/1996: 19]. Это «Чолгородие», учитывая перевод «заячьи люди», остается понимать как *Чолборо+дьи(и)*; таким образом, в начале XX в. вышеуказанные системы именовании уже могли иногда смешиваться и давать формы на *-дьи(и)* от родовых названий.

конгиэнды, названием подгруппы верхнеколымских юкагиров, обитавшей на р. Конгина в бассейне Колымы [Бурыкин 2011: 379], не исключено чисто лингвистически, но речь идет в любом случае о совершенно разных группах населения: кондызи – тунгусы уже в XVII в., конгиэнды и далее были юкагирами (и оставались таковыми всегда, вплоть до своего исчезновения на исходе XIX в.); конгиэнды жили на Конгиной – притоке нижнего Омолона, кондызи – на реке в Приохотье к востоку / северо-востоку от Тауя. Само название *Кондон/Кондэн – также юкагирское (и действительно может быть однокоренным с названием р. Конгина¹⁰⁸).

Основы этнонимов улбиданцев и товуданов, т.е. формы *товудан-* и *улбидан-* образованы не непосредственно от названий рек Тауй и Ульбея, а от форм, которые сами были произведены от этих названий при помощи окончания *-дан*, – **Товудан* и **Улбидан*. Но это чисто юкагирские окончания, образующие стандартные юкагирские потамонимы на *-дан/дон/дэн* (соединительное *-д* + *-ан/он/эн*, стяженное юкагирское «река»). Отсюда видно, что русские формы «товуданы» и «улбиданцы» являются русскими адаптациями исходно юкагирских форм [Бурыкин 2001: 81; Бурыкин 2011: 320, 376–377]. Это, конечно, не требует считать, что сами названия Тауй и Ульбея должны принадлежать юкагирскому языку¹⁰⁹, но это значит, что юкагиры имели собственные названия для этих рек с окончаниями на *-дан* (ситуация, когда чужезычное название реки усваивается каким-либо народом с оформлением его типичным гидронимическим окончанием на языке самого этого народа – самая обычная для Северо-Востока Азии), и от этих юкагирских названий были образованы названия соответствующих двух племен – улбиданцы и товуданы. Все это подразумевает доминирующее юкагирское присутствие на Ульбее и Тауе в течение некоторого времени – иначе откуда могли бы взяться юкагироязычные именованья соответствующих рек и кто стал называть по этим именованьям живущие при указанных реках племена?

Сами племена «жлады»/*диланды, кондызи, улбиданцы и товуданы, как следует из юкагирских элементов в их этнонимах, в том числе из юкагироязычной принадлежности тех форм названий рек, от которых эти этнонимы образованы (притом, что на соответствующих реках данные племена и жили), были, вероятно, юкагирского, или скорее смешанного

¹⁰⁸ Хотя более вероятная, с нашей точки зрения, этимология – от *көндьэй* «стучать, колотить со стуком» или от *кундьэ* «липкая, клейкая грязь» [НШ: 33–34].

¹⁰⁹ Само название Тауй, как указывает А.А. Бурыкин, скорее всего чукотско-корякское, ср. чукотск. потамоним Тавайваам [Бурыкин 2011: 314]. Для названия Ульбея наиболее вероятной кажется корякская этимология от корякского *вуль-* «поперек, преграда» или *улвэв* «привал, остановка, отдых», подходящей юкагирской этимологии как будто нет, см. [Бурыкин 2000; Бурыкин 2001: 81; Бурыкин 2011: 323–324; ср. Леонтьев, Новикова 1989: s.v. Ульваней].

происхождения с доминирующим в определенные времена юкагирским компонентом¹¹⁰. Тогда тот факт, что русские источники говорят о них только как о тунгусах, означает, что к 1640-м гг. они относительно давно и прочно были отунгушены вследствие проникновения сюда собственно тунгусов и смешения с ними – обычное явление для Северо-Востока Азии в XVII – XVIII вв. и ранее.

Итак, мы можем реконструировать существование юкагирских по преимуществу племенных (или поначалу субплеменных) группировок улбиданцев, товуданов, кондызи и «жлады», прочно отунгушенных и воспринимавшихся как тунгусы уже в первой трети XVII в. Независимо от этого вывода присутствие юкагиров на Ульбее и Тауе вытекает, как говорилось, из самого существования основ *улбидан-* и *товудан-* (отражающих юкагирские гидронимы на *-дан* для этих рек). Кроме того, в русском документе XVII в., упоминающем улбиданцев, сама Ульбея называется «Улкондон» [Бурыкин 2001: 81; Бурыкин 2011: 319, 321, 323]: «Река Улкондон устьем пала в Ламу [Тихий океан], а по ней живут тунгусы, улбиданцы» [Бурыкин 2011: 319]. Улкондон – это юкагирский гидроним, ср. обычные юкагирские гидронимы на *-дон* [Бурыкин 2001: 81] и такое же название «Улгандона», которым вышеупомянутый верхнеколымский юкагирский шаман Пороча обозначал, по русской записи, другую реку, а именно один из притоков Колымы юкагирского ареала¹¹¹ [ОРМ № 31]¹¹².

¹¹⁰ Единственным альтернативным предположением было бы то, что это тунгусы, которых юкагиры называли не по их племенным самоназваниям, а какими-то совершенно иными, собственными – юкагирскими – обозначениями, образованными от своих собственных – юкагирских – названий рек, при которых эти тунгусы поселились (причем в двух случаях – даже с прибавкой окончания *-ды*, хотя юкагиры иноплеменное население терминами с такими окончаниями не называли), и в русские источники попали именно эти юкагирские инообозначения данных тунгусов, совершенно отличные от их самоназваний. Все это представляется невероятным: русские источники стремились вносить в документы именно самоназвания отдельных племенных и родовых группировок; юкагиры едва ли стали бы придумывать для тунгусских племенных групп, чьи родовые/племенные самоназвания были им и так известны, другие именованья, составляя их по специфической модели самообозначения своих же собственных, юкагирских групп (то есть именуя тунгусов по рекам, при которых те обитали); и, главное, роспись, содержащая этнонимы «улбиданцы» и «товуданы», была составлена казаками Ивана Москвитина, двигавшимися с Алдана через бассейн Май на Охотское море [Бурыкин 2000], то есть контактировавшими именно с тунгусами, а не с юкагирами, и записывавшими все свои названия со слов тунгусов. «Улбиданцы» и «товуданы», таким образом, в их времена были тунгусскими названиями соответствующих группировок, а не инообозначениями, сочиненными для них юкагирами в отрыве от самоназваний этих группировок.

¹¹¹ Ср. с Олгусей, притоком Ясачной [Бурыкин 2000], по названию и месту соотносимым, по нашему мнению, с «Улгандоной» Пороча.

Таким образом, Улкондон – еще одно юкагирское название Ульбеи наряду с реконструируемым по этнониму «улбиданцы» юкагирским же гидронимом *Улбидан (см. о нем выше). Поскольку Улкондон в обсуждаемом документе – единственное название Ульбеи, а форма *Улбидан отражена только в этнониме (причем в этнониме для племени, которое воспринимается уже как тунгусское), надо заключить, что Улбидан – какое-то раннее и уже вышедшее к 1640-м гг. из употребления юкагирское название Ульбеи, а Улкондон – то, которое функционировало в 1640-х гг. В любом случае чисто юкагирское название Ульбеи – Улкондон – опять-таки показывает плотное присутствие юкагиров по меньшей мере на верхней Ульбее.

На Ульбее и Тауе юкагиры могли появиться только как пришельцы с севера – северо-запада: исконно это области прагорякского – корякского расселения. Вероятно, юкагиры проникали сюда в результате передвижений, заданных их общим расселением на восток, к Анадырю, создавшим юкагирский «клин» между чукчами и коряками [о чем см. Вдовин 1965: 61; Вдовин 1972: 108 сл.; Диков 1979: 237, ср. Кирьяк 1993: 14; Крушанов 1987: 45; Крушанов 1993: 20]¹¹³.

О том же говорят названия других приохотских рек, имеющих явно или вероятно юкагирские этимологии. Вопрос о юкагирской топонимике в этом районе был поставлен на прочную основу еще в [Бурькин 2001: 81], где автор приходит к выводу, что в определенный период восточная граница «расселения юкагиров вплотную приближается к Охотскому побережью». Явно юкагирскими мы считаем гидронимы:

Яна – река, впадающая в Охотское море в бухту Нагоева, именуется так и на карте Северо-Востока Азии Я. Линденау (1742 г.) [Ефимов 1964:

¹¹² Вероятная этимология – от юкагирского *ульэгэ* «травя», т.е. «Травянистая река» [Курилов 2005: 37]. Но и независимо от того, находится ли подходящая этимология в наличных материалах юкагирского языка (множество юкагирских слов оказалось утрачено и остается нам неизвестным), юкагироязычная принадлежность форм «Улкондон», «Улгандона» стоит вне сомнения.

¹¹³ Об этом расселении сохранились предания и у самих юкагиров. А.И. Гоголев пишет, излагая и комментируя рукопись колымского краеведа первой половины XX в. Н.Н. Березкина [Гоголев 2004: 28]: «В исторических преданиях юкагиров имеются указания на то, что, когда они пришли на Колыму, её берега были заселены чукчами. Сюда юкагиров привел 33-й по счету старейшина. “Наши предки пришли на Колыму вторыми после чукчей”. Только откуда они пришли в эти места, неясно. В преданиях якутов говорится следующее: “Наши старики рассказывали, что некогда полоса правого берега р. Лена от Жиганска до устья р. Май была занята кочующими юкагирами. Шли они куда-то на северо-восток. По пути у них были кровопролитные бои с тунгусами, которые догоняли юкагиров, кочуя за ними, их тоже влекло куда-то на северо-восток” (Березкин Н. Н. Юкагиры // Архив ЛОИЭ (Кунсткамера) К-5, оп. 1 № 6 Л. 6, 8)».

№ 122, комм. с. 82–83] – ср. юкагирская Яна, впадающая в Ледовитый океан¹¹⁴;

Яндо – река, впадающая в Охотское море между Сигланом и Ямой на карте Северо-Востока Азии Я. Линденау (1742 г.) [Ефимов 1964: № 122, комм. с. 82–83] – понимать «Яндон», т.е. юкаг. *йау-д-он*, «Березовая река»?

Амундакан (Амундакан), левый приток р. Урак, и Амундакан, левый приток р. Иня. Реки с аналогичным названием расположены при Нижней Тунгуске (Амундыкан) и при Омолое (Амондачан / Амондачаан). Такой ареал распространения допускает либо тунгусскую, либо древнюю юкагирскую (относящуюся к тем временам, когда юкагиры занимали значительную часть территории Якутии и могли проникать в сопредельные регионы) этимологизацию. Окончание -кан, -чан – чисто тунгусское, но в Северо-Восточной Азии нередко образование гидронимов одного языка (со свойственными ему окончаниями) от гидронима другого языка при сохранении в той или иной форме его основы, между тем в тунгусском языке подходящей по звучанию и смыслу основы не находятся (ближайшие формы – *амут* «озеро», *амун* «навоз» и *амнунда* «наледь»); от последней формы образовано множество гидронимов, но все они сохраняют сочетание -мн-, а обсуждаемые гидронимы начинаются с *Амун-*, а не *Амнун-*), в то время как в колымском юкагирском есть слово *амундьаа*, означающее «рыба чебак» [НШ: 14]. Термином «чебак» называют в Сибири нескольких рыб, водящихся в реках Сибири и Дальнего Востока, в том числе Забайкалья, Приамурья и т.д., и от такого названия вполне естественно производить потамонимы. С этим словом мы и связываем предположительно перечисленные названия на *Амунд(а)-*.

К этому следует добавить наблюдение А.А. Бурькина из другой области топонимики: «На территории Магаданской области к северо-востоку от поселка Ола на карте отмечена гора с названием Эгуйя: это название объясняется из юкагирского языка как ‘привал’ (юкаг. *Эгуйэ*)» [Бурькин 2001: 81].

К вероятно юкагирским гидронимам Приохотья мы относим название Тунманон (правый приток р. Иня). В эвенкийском и эвенском есть корень *тумни-* «плывать» (в эвенкийском есть и его вариант с инверсией: *тунми-* [Болдырев 2000 2: 124]), но кажется не вполне понятным, как на тунгусской основе объяснять исход слова. Государственный водный реестр (<http://textual.ru/gvr/>) – самый большой доступный свод потамони-

¹¹⁴ Собственно, Йаан(г)а, «Березовая река», от юкаг. *йа(а)у* /*йэ(у)* «береза» (+*-на* из *эну(у)/ону(у)* «река»?) [ср. Курилов 2005: 38]; в русских документах XVII в. Яна нередко и именовалась «Янга». Менее вероятна этимология от юкаг. *йаунэ*, *йаунгрэ(у)* «гусь» [ЮРС: 114]: как видно из племенного названия юкагиров-«яндинцев» в русских документах, эта основа в XVII в. произносилась именно с *-д-*.

мов на территории РФ – дает только два гидронима с начальным *Тунм-*: это наш Тунманон и Тунма в бассейне Витима. Юкагирскую этимологию для них можно предложить без труда: *тунмул* «горло» + соединительное *-н-* (существующее в юкагирском наряду с более распространенным соединительным *-д-* [Курилов 1977: 72 и др.]) + обычное окончание юкагирских потамонимов *-он* (юкагирск. «река» в стяженной форме).

Возможно юкагирским (но, не исключено, и коряжским) гидронимом мы считаем название р. Улья. А.А. Бурькин производит его от чукотокоряжского *вылгил* «береза» [Бурькин 2000], возможна и этимология от коряжского *вулв-* «преграда, поперечное» [см. об этом слове Бурькин 2001: 81]. Сравним, однако юкагирские личные имена Ульята, Улята, Ульяга [Сафронов 1985: 197 из КПМЯ: 106; Долгих 1960: 402], юкагирское личное имя Ульеля [Токарев 1948: 10], потамоним Олья, отмеченный в русском документе XVII в. на чисто юкагирской территории рядом с северной Яной [Бурькин 2000: прим. 29]; юкагирский потамоним (в русской фонетической адаптации) Уляган (приток Омолона), вероятно от юкагирск. *ульэгэ* «трава» [Бурькин 2000; Бурькин 2011: 324]; юкагирский потамоним Улкондон / Улгандон(а), см. выше.

Из всего сказанного видно, что в течение достаточно длительного времени юкагиры присутствовали в Приохотье южнее водораздела бассейнов Ледовитого и Тихого океана, от района Ульбеи (если не Урака и Ульи) до района Тауйской губы (а возможно, и до района Ямской губы, где течет Яндо), выходя, вероятно, на каких-то участках этого пространства и к самому берегу. Здесь существовали юкагирские (или смешанные и обьюкагирившиеся) племена/субплемена с юкагирскими этнонимами (*диландьи – «жлады», *кондонды – «кондызи», *улбидандьи – «улбиданцы» и *товудандьи – «товуданы»), впоследствии отунгушенные и превратившиеся к 1640-м в тунгусские племенные объединения. Вероятно, это расселение юкагиров было плодом их переселений, отеснявших коряков и чукчей. Впоследствии восточные тунгусы частично вытеснили, частично ассимилировали здесь самих юкагиров, и тунгусско-юкагирская граница пролегла так, как ее реконструировал Б.О. Долгих.

4. Об одном из промежуточных этапов этого процесса говорит сообщение нижнеянских юкагиров–аманатов о реке Нероге с горой серебра, сделанное ими в Якутске в 1642 г. и до сих пор не опубликованное [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. № 43. Л. 63–64]. Обзор историографии и подробный анализ связанных с этим сообщением проблем выходит за рамки настоящей работы (ср. подробно в: [Бурькин 2013: 215–234]); отметим лишь, что индигирский аманат Шенкодье и верхнеколымский аманат Пороча в 1644 г. на Индигирке в ответ на русские расспросы об указанной реке Нероге рассказали о реке с похожим, но несколько иным названием – Нелога, и говорили о ней нечто схожее со сведениями, ранее

сообщенными янскими юагирами о Нероге (но в некоторых деталях и отличное от этих сведений) [ОРМ № 31]. В течение десятилетий считалось, что Нерога янских аманатов и Нелога Порочи и Шенкодье – действительно одна и та же река; при этом А.А. Бурькин, дополняя более ранние догадки, окончательно показал, что Нелога Порочи и Шенкодье – это река на Чукотке, впадающая в Чаунскую губу [Бурькин 2013: 217–219]. Однако, вопреки молчаливо принятой презумпции, ни из чего не следует, что эта Нелога в самом деле тождественна той реке Нероге, о которой говорили янские юагиры: даже если Пороча и Шенкодье искренне думали, что они сообщают своим русским расспросчикам о той самой реке, о которой те хотят знать (то есть о Нероге янских аманатов), они могли в этом ошибаться и рассказывать об известной им реке со схожим названием, но на деле отличной от той, которую имели в виду янские юагиры; тем более Пороча и Шенкодье могли бы рассказывать о ней просто потому, что из всего им известного именно их «Нелога» ближе всего подходила к тому, о чем их спрашивали (а о той реке, которую имели в виду янские юагиры, они просто не знали).

Полный текст сообщений янских аманатов не оставляет сомнений в том, что именно так все и произошло, ибо из этих сообщений однозначно следует, что описываемая в них Нерога впадала в Охотское море (как и заключал в свое время В.И. Огородников [Огородников 1922: 38]): «...есть-де де река, имя ей Нерога, поменши Лены реки, своим устьем в море пала... а вершина [исток Нероги] де блиско от янские вершины [от верховий/истоков Яны], и от той де Нероги блиско, куда служивые люди ходят на Янгу, и от Янские де вершины блиско... а ход де [с Яны на Нерогу] подле камень от Янские де вершины, а от Янские де вершины на камению живут юагирской князец Алганий з братом меншим [речь идет о юагирском племени онойди и его вождях]. ...И те де юагирские князцы Алганий з братом сходятца вместо с ламутками [восточно-тунгусское племенное объединение у истоков Яны] и промеж собою с ламутками емлютца, и ламутки де на ту реку Нерогу ходят всегда. И на той де реке [Нероге] живут люди сидючие, безскотные и безоленные и неочевные, а кормятся они рыбою, да на устье де Нероги реки на море промышляют, зверей колют спицами. ...А язык де у них [этих людей на Нероге] и свой, и с ламутками де сходитца [то есть похожий на ламутский, но не ламутский. Таким образом, это тунгусский язык, но при этом не ламутский/эвенский – то есть разве что эвенкийский язык или некий особый диалект эвенского, настолько непохожий на остальные эвенские диалекты, что воспринимается уже как иной язык]... А владеют де ими два брата, а в роде их зове натты... А ходу де кочевново до той реки Нероги с Янской вершины месяц... а с Ындигерскою де вершиною и Нероги реки вершина сошлась блиско. ...А видают де тех людей, кои на Инароге [Нероге] реке живут,

ламутки да и онойди, что на каменю живут на Янском хребте. А онойди де оленные люди, а юкагирской язык [= а язык у них, тех людей онойди, юкагирский]» [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. № 43. Л. 63—64].

Итак, исток Нероги недалек от истоков Индигирки, а маршрут туда с Яны пролегает через землю верхнеянских юкаги́ров-онойди и смежных с ними «ламутков» (так называлась в русских источниках определенная племенная группировка ламутов, жившая у истоков Яны [Долгих 1960: 506 сл., 546; карта])¹¹⁵. Ламутки уже непосредственно и часто появляются на Нероге, где живут некие «натты», говорящие на языке, похожем на ламутский (эвенский), но при этом все же не ламутском – т.е. на эвенкийском языке или на каком-то диалекте, промежуточном между эвенкийским и эвенским (ср. черты арманского диалекта эвенского языка). Нерога впадает в море, и «натты» обитают по ней вплоть до устья, живя и на побережье.

Все это однозначно требует помещать Нерогу приведенных описаний в Приохотье – ни одна река, впадающая в Северный Ледовитый океан, этим описаниям не отвечает, так как к устью любой из них – тем более к устью чукотской Нелогии в Чаунской губе! – от ареала верхнеянских «ламутков» и верховий Индигирки предстояло бы добираться через территорию многих юкагирских племен (между тем наши источники говорят, что «ламутки» прямо контактируют с обитателями Нероги – «наттами»), и в устье любой из рек бассейна Северного Ледовитого океана восточнее Лены говорили либо по-юкагирски, либо по-чукотски или по-эскимосски, то есть никак не на языке, который «сходится» (сходен) с ламутским, но в то же время отличен от него, как сообщается о языке обитателей Нероги. Нерогу остается помещать в район тогдашнего эвенко-эвенкийского пограничья или чересполосья в Приохотье. Пороча и Шенкодье, сообщая в ответ на расспросы об этой Нероге о совсем иной, чукотской реке Нелогии, или заблуждались сами, думая, что это и есть та река, о которой их спрашивают, или вообще не задавались этим вопросом, а просто излагали самое близкое к предмету расспросов из того, что им было известно (или, возможно, даже понимали, что речь идет о другой реке, но сознательно вводили в заблуждение своих русских расспросчиков, чтобы те не заподозрили их в заперительстве и сокрытии известных им сведений о месторождении серебра).

¹¹⁵ Откуда взялось это уменьшительное название, можно понять из тундренного юкагирского эпоса об Эдилвэе, где упоминается борьба Эдилвэя с «ламатканами» [ФЮ: 151, 155]. По-тунгусски именование «ламатканы», с уменьшительным суффиксом *-кан*, и значит «малые ламуты», что точно отвечает русскому уменьшительному «ламутки». Как видно, «ламутки» русских источников и ламатканы эпоса об Эдилвэе – одно и то же племенное объединение.

Об этнониме «натты» велось много споров, в которые мы не будем вдаваться, отметив лишь, что коль скоро выяснилось, что эти натты – приохотский тунгусоязычный народ, искать соответствия их этнониму надо среди эвенско-эвенкийских родовых и племенных названий. Мы в связи с этим предварительно обратили бы внимание читателя на народ, отмеченный в русском документе как «сидячие» (как и натты) тунгусы «анатарки» (в документе еще и «онатырки»), соседи дауров, живущие севернее нижнего Амура и восточнее дауров – «не дошод до усть Муры [Амура]» [ОРМ № 33]; не могла ли какая-либо группа этих «анатарков», расселявшаяся на север, оказаться «наттами»? В литературе закрепилось отождествление этих анатарков с нанайцами-«натками» [Полевой 1991 и др.], однако упомянутый документ определяет анатарков как тунгусов.

Подчеркнем, что сами янские юагиры не претендовали в своих показаниях на то, что они или выходцы из их племен что-то знают о Нероге по собственному опыту: по их сообщениям, ездят на Нерогу только ламутки да еще союзные этим ламуткам онойди – вместе с ламутками (и через их территорию). При этом с онойди отношения у этих янских юагиров были очень плохие и контактов с онойди у них не было – янские аманаты сообщили: «Которые де юагирские князцы на каменю на хребте живут недалеко от Янские вершины, Алганий з братом Алдакаем [вожди онойди], призвать их к русским людям не имались, и вести де к ним русских людей не смеем, потому что де людей [онойди] не силно много, только де люди [онойди] удалы, мы де их боимся» [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. № 43. Л. 64]. Иными словами, о Нероге янские юагиры знали только по слухам, идущим через онойди, которых они сами же «боялись». На таком фоне ничто не мешало бы янским юагирам, крайне далеким от Охотского моря, сформировать в своем представлении контаминированную картину, в которой сведения о нанайцах и каких-то живших к северу от них приохотских тунгусоязычных группах сливались бы в единый образ тунгусоязычных «наттов» при реке Нероге, где есть гора серебра (о давно предполагаемой возможной связи топоса об этой серебряной горе именно с Амуром и нанайцами см. [Полевой 1991]¹¹⁶), и передавать эту картину русским.

¹¹⁶ Повторно подчеркнем, что сообщения Порочи и Шенкодье о горе серебра при реке Нелогe относятся к иной, чукотской реке, и могут быть и результатом контаминации в среде колымско-индигирских юагиров каких-то слухов о горе серебра при Нероге (на деле впадающей в Тихий океан) со сведениями Порочи и Шенкодье о чукотской Нелогe (в том числе какими-то сведениями или слухами о серебре на Чукотке), и плодом сознательной попытки Порочи и Шенкодье рассказать русским расспросчикам именно то, что те хотели услышать (а русские власти хотели разузнать о Нероге только потому, что о ней янские юагиры сообщали как о реке, рядом с которой есть источники серебра), и просто плодом языкового недоразумения наподобие того, которое предположил А.А. Бурькин [Бурькин 2013: 226 сл.].

К какому, однако, времени на деле относятся сообщения янских юкагиров о контактах онойди и ламутков с обитателями бассейна реки Приохотья? По словам янских аманатов, ламутки непосредственно контактируют с этими обитателями. Однако к 1630-м – 1640-м гг. ничего подобного быть не могло: по русским источникам XVII в., учтенным в реконструкции Б.О. Долгих, ламутки жили у истоков Яны [Долгих 1960: карта], а дополняющее и корректирующее эту реконструкцию сообщение одного русского документа о походе Посника Иванова на индигирских юкагиров в 1639 г. [ДАИ II № 88 (=РМЛТО № 2). С. 241–242] удостоверяет, что тогда, в 1639 г., земля этих «ламутков» тянулась от района истоков Яны по Туостаху вплоть до отрезка течения самой Индигирки, лежавшего выше земли юкагиров-шоромба. От полосы, тянувшейся от истоков Яны до Индигирки и при этом включающей часть долины Туостаха, до верховьев любой приохотской реки было очень далеко, и между ламутками и такой рекой лежали к 1640-м гг. земли других тунгусских, прежде всего эвенских (ламутских) племен – мемельских тунгусов, кукугиров и годниканов [Долгих 1960: карта]. Остается считать, что сообщения янских юкагиров о Нероге отражают некую более раннюю ситуацию, когда расселение ламутских племен от Охотского моря на север, северо-запад и северо-восток еще не развилось так, как к 1640-м гг., и ламутки жили существенно юго-восточнее, чем к моменту прихода русских, – не у истоков Яны и по Туостаху, а в ареале, доходящем до водораздела бассейнов Индигирки и Охотского моря, так что действительно могли контактировать напрямую с обитателями бассейна какой-то приохотской реки (= «Нероги»). Северо-западными соседями ламутков были онойди, контактировавшие с ними, а через них – с теми же приохотскими обитателями. Позднее ламутки и иные ламутские племена сдвинулись к северо-западу (и, вероятно, сдвинули онойди), так что ламутки оказались у истоков Яны и на Туостахе и утратили территориальный контакт с Приохотьем. Нижнеянские юкагиры, которые, естественно, не могли иметь ясных сведений об изменении племенных границ в таких отдаленных от них районах, сохранили в своем представлении картину непосредственного территориального контакта ламутков с районом некой приохотской реки («Нероги») и сообщили ее русским, не зная, что эта картина уже устарела.

Приведенная реконструкция подтверждается тем, что в сообщениях нижнеянских юкагиров говорится одновременно о том, что истоки Нероги лежат недалеко от истоков Индигирки (и путь от Яны на Нерогу лежит через район этих истоков), и о том, что с живущим на Нероге племенем непосредственно граничат ламутки, вместе с которыми и через территорию которых на Нерогу попадают живущие у истоков Яны онойди (см. выше цитаты из этих сообщений). По совокупности этих замечаний получается, что область ламутков и простиралась как раз до истоков Индигир-

ки, и именно в этом районе (на водоразделе Индигирки и Охотского моря) граничила с землей обитателей Нероги. Но к 1630-м – 1640-м гг. ламутки жили намного северо-западнее верховий Индигирки, а район ее истоков был занят иными племенами – кукугирами, годниканами и уяганами [Долгих 1960: карта]. Отсюда вновь видно, что обуждаемые сообщения нижнеянских юкагиров отражают более раннюю ситуацию, чем та, что фактически имела место на момент этих сообщений, и что ламутки сместились к концу первой трети XVII в. на северо-запад, от верховий Индигирки к верховьям Яны.

5. Приведенные наблюдения в совокупности позволяют выделить несколько фаз динамики межэтнических и межплеменных границ в регионах от верховьев Индигирки и Колымы до Охотского моря:

– в какой-то момент юкагиры не только полностью населяли верховья Индигирки и Колымы, но и жили далее к югу, в Приохотье, в том числе в бассейнах Ульбеи и Тауя. Памятниками этого этапа остались юкагирские гидронимы Приохотья и юкагирские этнонимы у нескольких восточнотунгусских (отунгушенных) приохотских племен середины XVII в. (см. выше, с. 147–150). Соседями юкагиров в этом районе должны были тогда быть прежде всего коряки;

– затем, с нарастающим расселением тунгусов-ламатов (эвенов) от Май и Охотского моря, ряд ранее занятых юкагирами районов вошел в тунгусский (ламутский) ареал и тунгусизировался (в частности, отунгушенными оказались некоторые родоплеменные группы бассейнов Ульбеи, Тауя и смежных рек с юкагирскими названиями, превратившись в племена тунгусов-товуданов, тунгусов-улбиданцев, тунгусов-кондызи и тунгусов-«жлады»). Однако в некоторый момент этого расселения «ламутки» (ламатканы) жили еще в верховьях Индигирки, поддерживая прямой территориальный контакт с некоей группой приохотских тунгусов с ламутоподобным, но не ламутским языком (то есть либо эвенков, либо эвенов с диалектом, сильно отличающимся от прочих эвенских диалектов), а где-то севернее этих ламутков держались юкагиры-онойди, поддерживавшие вместе с ними и через их территорию контакты с упомянутой приохотской группой. Эта ситуация отразилась в сообщениях янских юкагиров в начале 1640-х гг. о реке Нероге (см. выше, с. 153–156). С дальнейшим смещением племен на северо-запад обсуждаемая ситуация перестала существовать (но случилось это не ранее начала XVII в.: если бы это произошло еще раньше, то янские юкагиры к 1640-м гг. уже не могли бы по-прежнему считать названную ситуацию все еще актуальной – за 20–30 лет они, при всей своей отдаленности от Приохотья, успели бы узнать о том, что прямого контакта ламутков с соответствующей приохотской группой уже давно нет);

СОКРАЩЕНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Астахова И.С. Юагиры Якутии: от родового строя к самоуправлению 20-х гг. XX в. // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 90–94.

Болдырев Б.В. Эвенкийско-русский словарь. 1–2. Новосибирск, 2000.

Бурыкин А.А. К истории и этимологии некоторых топонимов Охотского побережья // Электронный журнал «Сибирская Заимка». 2000. № 7.

Бурыкин А.А. К определению ареала расселения юагиров по данным ономастики (топонимики и этнонимики) // Интеграция археологических и этнографических исследований / ред. А.Г. Селезнев и др. Нальчик; Омск, 2001. С. 80–82.

Бурыкин А.А. К сравнительному изучению юагирского повествовательного фольклора: сюжеты и мотивы // Чтения памяти Ерухима (Юрия) Абрамовича Крейновича. Материалы. СПб., 2006. С. 7–13.

Бурыкин А.А. Иноязычная ономастика русских документов XVII–XIX вв., относящихся к открытию и освоению Сибири и Дальнего Востока России, как исторический источник [дисс.... д.и.н.]. СПб., 2011.

Бурыкин А.А. Имена собственные как исторический источник. По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков. СПб., 2013.

Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965.

Вдовин И.С. Юагиры в этнической истории коряков и чукчей // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 99–113.

Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. Л. 1973.

Гоголев А.Н. Этническая история народов Якутии (до начала XX в.). Якутск, 2004.

Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966.

ДАИ – Дополнения к актам историческим. Т. I–XII. СПб., 1846–1872.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979.

Дмитриева З.А. «...Но и достояние всего человечества». Фольклор в духовной жизни юагиров // Илин. 2001. № 2(25).

Долгих Б.О. Происхождение нганасанов // Сибирский этнографический сборник. Вып. 1. М. – Л., 1952. С. 5–87.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

Ефимов А.В. (ред.). Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. М., 1964.

Жукова Л. Н. Представления одулов (лесных юагиров) о первопредках по данным изобразительного искусства и фольклора // Якутский архив. 2008. № 4. С. 3–19.

Жукова Л.Н. Каннибализм и мечта о счастливой жизни в сказочном фольклоре одулов (лесных юкагиров Верхней Колымы) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2010. № 1. С. 77–82.

Жукова Л.Н. (2011а). Этнография и фольклор одулов (лесных юкагиров) о древних формах погребений // Северо-Восточный Гуманитарный Вестник. 2011. № 1(2). С. 30–34.

Жукова Л.Н. (2011б). О некоторых женских персонажах одульского фольклора // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2011. № 2(3). С. 106–111.

Жукова Л.Н. (2012а). Очерки по юкагирской культуре. 2. Мифологическая модель мира. Новосибирск, 2012.

Жукова Л.Н. (2012б). Пространственно-временные представления в языке и фольклоре лесных юкагиров // Северо-Восточный Гуманитарный Вестник. 2012. № 2 (5). С. 111–115.

Жукова Л.Н. (2014а). Сказания старины. Атыляхан: исторические предания лесных юкагиров // Илкэн. 2014. № 3 (176). С. 28–29.

Жукова Л.Н. (2014б). Халандин: исторические предания лесных юкагиров // Илкэн. 2014. № 4 (177). С. 27–29.

Жукова Л.Н. Юкагирско-китайские фольклорные параллели // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7. С. 72–76.

Жукова Л.Н., Прокопьева П.Е. Фольклорные тексты юкагиров Верхней Колымы // Язык – миф – культура народов Сибири II. Якутск, 1991. С. 146–167.

Заветный фольклор народов Якутии: (юкагиры, якуты, эвенки, русские): сказки, анекдоты, былички, песни, частушки, пословицы, поговорки, загадки. Вып. 1 / сост. Л.Н. Жукова. Якутск, 2009.

Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002.

Иохельсон В.И. (1898а). По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена // Известия Императорского Русского Географического общества. СПб., 1898. Т. 34. Вып. 3. С. 255–290.

Иохельсон В.И. (1898б). Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Якутской экспедиции // Известия Императорской Академии наук. Сентябрь. IX.2. 1898. С. 151–177.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. I–III. СПб., 1900.

Иохельсон В.И. (1900б). Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов // Живая старина. 1900. Вып. 1–2. С. 151–193.

Иохельсон В.И. Юагиры и юагагизированные тунгусы. Новосибирск, 2005.

Иохельсон В.И. Народное творчество юагагиров (на материале фольклора) // Север Азии в этнокультурных исследованиях. Новосибирск, 2008. С. 285–308.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1–5 / А.П. Окладников, В.И. Шунков. Л., 1968–1969.

Кирияк М.А. Археология Западной Чукотки в связи с юагагирской проблемой. М., 1993.

КПМЯ – Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. Сб. архивных документов. Л., 1936.

Крушанов А.И. (ред.). История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки. Л., 1987.

Крушанов А.И. (ред.) История и культура коряков. Историко-этнографические очерки. СПб, 1993.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. 1, в 2-х кн. Якутск, 1992.

Курилов Г.Н. Сложные имена существительные в юагагирском языке. Л., 1977.

Курилов Г.Н. Юагиры и их фольклор // Фольклор палеоазиатских народов (Материалы и сообщения международной конференции 26-30 ноября 2003 г.). Якутск, 2005. С. 10–15.

Курилов Г. Н. Этимологическое значение юагагирских этнонимов *вадул* и *алайши* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (52)/1. С. 104–106.

Курилов Н.Н. Тидаанэ титэ моннунги (Раньше так говорили). Якутск, 2007.

Курилов С.Н. Ханидо и Халерха. М.: Советская Россия, 1979.

Курилов Ю.Г. Юагагирские топонимы. Учебное пособие. Якутск, 2005.

Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический Словарь Северо-Востока СССР. Магадан, 1989.

Лунное лицо: Сказки юагагиров / сост., обраб. Л.Н. Жукова, О.С. Чернецов. Якутск, 1992.

Матюшкин Ф.Ф. [Омокская эпическая песнь о походе Павлуцкого на чукчей в литературной передаче Ф.Ф. Матюшкина] // Мнемозина. 1824. № 1. С. 172–176.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3. М., 2005.

Немировский А.А. Концепция *ньальлэ* и воинский этос юагагиров (по североюагагирскому эпосу об Эдилвее) // Фольклор палеоазиатских народов: материалы II Международной научной конференции, г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г. Якутск, 2017. С. 320–328.

Нефёдкин А.К. Очерки военно-политической истории Чукотки (начало I тыс. н.э. — XIX в.). СПб., 2016.

НШ – Николаева И. А., Шалугин В. Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект). СПб., 2002.

Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII – начало XX вв.) / И.С.Гурвич, Б.О. Долгих. М., 1970.

ОРМ – Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии: Сб. док. / Н.С. Орлова, А. В. Ефимов. М., 1951.

ПМП – Полевые материалы П.Е. Прокопьевой.

Полевой Б.П. Находка челобитья первооткрывателей Колымы // Сибирь периода феодализма. Вып. 2. Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 285–291.

Полевой Б.П. Первый русский поход на Тихий океан в 1639–1641 гг. в свете этнографических данных // Советская этнография. 1991. № 3. С. 56–69.

Полевой Б.П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 1–2. Петропавловск-Камчатский, 1997.

Прокопьева П.Е. Символика образа Мифического старика в фольклоре верхнеколымских юкагиров // Фольклор палеоазиатских народов (материалы и сообщения международной конференции 26–30 ноября 2003 г.). Якутск, 2005. С. 174–178.

Прокопьева П.Е. Образ дерева в песенном фольклоре юкагиров // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск, 2008. С. 109–114.

Прокопьева П.Е. (2009а). Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск, 2009.

Прокопьева П.Е. (2009б). Птицы в традиционных представлениях лесных юкагиров (по фольклорным и этнографическим материалам) // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 4. С. 151–154.

Прокопьева П.Е. (2011а). Об особенностях фольклора коркодонской группы лесных юкагиров // Проблемы изучения и сохранения языков и культур коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): мат. региональной научн.-практ. конф. (Якутск, 9 сентября 2011 г.). Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2011. С. 81–92.

Прокопьева П.Е. (2011б). Фольклор лесных юкагиров в конце XX – начале XXI века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 3. С. 25–31.

Прокопьева П.Е. (2011в). О двух циклах в фольклоре лесных юкагиров (вопрос о сохранности и трансформации сюжетов) // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 14–23.

Прокопьева П.Е. (2012а) Обрядовый фольклор лесных юкагиров в XXI в. // Северо-Восточный Гуманитарный Вестник. 2012. № 2(5). С. 120–125.

Прокопьева П.Е. (2012б). Современный песенный фольклор лесных юкагиров: содержание и особенности бытования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2012. № 5/1. С. 141–148.

Прокопьева П.Е. (2012в). Образ охотника в фольклорных текстах лесных юкагиров // Феномен социализации в этнической культуре: материалы Одиннадцатых этнографических чтений. СПб., 2012. С. 89–94.

Прокопьева П.Е. Повествовательный фольклор лесных юкагиров: особенности функционирования в настоящее время // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 1. С. 14–18.

Прокопьева П.Е. Изобразительные средства в повествовательном фольклоре лесных юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6/2. С. 170–174.

Прокопьева П.Е. (2015а). Языковые особенности исторических преданий лесных юкагиров (по фольклорным материалам конца XIX в., собранным В.И. Иохельсоном) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7/2. С. 140–145.

Прокопьева П.Е. (2015б). Юкагирские легенды о Ярхадане: фольклорные интерпретации и литературное осмысление // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12/1. С. 143–147.

Прокопьева П.Е. (2016а). Автобиографические рассказы юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9/3. С. 44–49.

Прокопьева П.Е. (2016б). Содержательные особенности промыслового фольклора лесных юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11/1. С. 36–42.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).

РМЛТО – Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. документов о великих рус. геогр. открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке / М.И. Белов. Л.; М., 1952.

Самойлов В.А. Семён Дежнев и его время. М., 1945.

Сафронов Ф.Г. Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири. Якутск, 1985.

Седов Р.В. Туристские маршруты по Магаданской области. Магадан, 1979.

Сибирь. Атлас Азиатской России. М., Новосибирск, 2007.

Сказки народов Северо-Востока / сост. Н.В. Козлов. Магадан, 1956.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск, 2003.

Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). (1930/1996). Одулы (юкагиры) Колымского округа /подг. С.Н. Горохов. Якутск, 1996. С. 6–56 (1-е изд.: Советский Север. 1930. № 9–10. С. 166–214).

Токарев С.А. Несколько данных XVII в. о якутах и их соседях // Сборник материалов по этнографии якутов / С.А. Токарев. Якутск, 1948. С. 6–16.

Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего // Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего. На Крайнем Севере; Николай Тарабукин. Моя жизнь; Джанси Кимонко. Там, где бежит Сукпай. Якутск: Кн. изд-во, 1987. С. 17–95.

Фольклор эвенов Березовки (образцы шедевров) / сост. В.А. Роббек. Якутск, 2004.

ФЮ – Фольклор юкагиров (Памятники фольклора народов Сибири и дальнего Востока. Т. 25) / сост. Г.Н. Курилов. М.; Новосибирск, 2005.

ФЮВК – Жукова Л.Н., Николаева И.А., Дёмина Л.Н. Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Хрестоматия / И.А. Николаева. Ч. 1–2. Якутск, 1989.

Хозяин Земли: Легенды и рассказы лесных юкагиров / сост. Л.Н. Жукова, О.С. Чернецов. Якутск, 1994.

Шадрин В.И. Присоединение «Юкагирской земли»: отражение в фольклоре // Языки и фольклор народов Сибири. Электронный научный журнал. 2010. № 3.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974 (= Якутск, 2008).

Юкагиры. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.

ЮРС – Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь /на базе тундренного языка/. Новосибирск, 2001.

Jochelson W. The Yukaghir and Yukaghirized Tungus. Leiden, New York, 1926.

Maslova E. Yukaghir Texts (Tunguso-Siberica 7). Wiesbaden, 2001.

Nikolaeva I. Yukaghir texts (Specimina Sibirica. XIII). Szombathely, 1997.

Nikolaeva I. Chrestomathia Yukagirica. Budapest, 2000.

Nikolaeva I. A Historical Dictionary of Yukaghir. Berlin; New York, 2006.

ODKY – Nikolaeva I., Mayer T. Online Documentation of Kolyma Yukaghir. 2004 (доступ: <http://www.sgr.fi/yukaghir/>).

Zhukova L. Folkloric Texts Of Yukaghir-Hunters Of The Upper Kolyma About Shamans And Shamanism // Black Sea / Karadeniz. 2013. Vol. 5/9. P. 305–312.

Zhukova L. The Odul Folklore On the Functional Significance of Shamans // Sibirica. 2014. Vol. 13/2. P. 93–104.

Zhukova L. Images of cannibals in folklore of the Oduls (Forest Yukaghirs) // Sibirica. 2015. Vol. 14/1. P. 28–39.

ИНДЕКС

В индекс внесены собственные имена (кроме имен исследователей), некоторые безымянные персонажи, этнонимы и географические названия. Не индексируется текст рассказов о Халандине в Приложениях 1 и 2. В индекс не включены также, как упоминающиеся особенно часто: Халандин, вражеский богатырь, верхнеколымские (лесные) юкагиры, Колыма.

Написание вида *n.m* в индексе означает прим. *m* на с. *n* (например, 9.10 – прим. 10 на с. 9).

Алазейское плоскогорье – 10.10

Алазея, р. – 10.10

алайи, алазейские юкагиры – 109.98, 148.107

Алантин (Аланчин), оз. – см. Халантин, оз.

Аланчин, глава Рыбникова рода – 7, 93

Алач, р. – 145–147

Алганий – 154, 156

Алдакай – 156

Алдан, горы – 43

Амондачан, р. – 152

Амундакан, р. – 152

Амундыкан, р. – 152

Амур, р. (Мура) – 156

Анадырь – 12–13, 109.98, 151

анатарки, онатырки – 156

Аньюй, р. – 10.12, 12, 109.98

Арга-Таас – 31

Атыляхан, сын Табушкана – 8, 8.8, 9, 14, 29.22, 42.41, 44.42, 95, 102, 106–108

Атыляхан, наставник Халандина – 8, 8.8, 9, 14, 29.22, 42–44, 46, 95, 102, 106–108

Атыляхан Иполун – 8.8

Балыгычан, пос. – 24

Балыгычан, р. – 10

Баранова, р. – 11

Березовка, р. – 104

Буксунда, р. – см. Сугой

Бурлак В. – 12

Буюнда, р. – 146–147, 159

Верхнеколымское зимовье – 10.10, 11–13, 94–95, 147

«верховские», «верх-ковымские» юкагиры – 10.10

Вилига, р. – 13

Витим, р. – 153

Волкова М.С. – 18, 24

- Воловичан, р. – 42
 Ворыпаев М. – 13
 вражеского богатыря,
 жена – 21, 23, 25.17, 63–64
 дочь – 18, 21, 25.17, 26, 28, 35–36, 40–41, 55, 63–64, 118–119
 Гижига, р. – 11
 годниканы – 157–159
 Дежнев С. – 11.12
 дельяны (зельяны) – 85.85, 86–87.88
 Дилагыйн’ын, р. – 148
 Долганов И.П. – 18, 24
 Дьячкова Е.Н. – 65.73
 Дьячков Д.Г. – 18, 23, 37, 39–40.39, 61, 78–79, 89
 Дьячков Н.Н. – 6.5, 18
 Дьячковы – 24, 45, 92
 Дэвенис (?), местн. – 45
 «жлады» (*диланды?) – 147–150, 153, 158
 Зашиверское зимовье – 86.88
 Зырян Д. – 10.10
 Зырянка, пос. – 24
 Зырянка, р. – 42
 Иванов Посник – 157
 Индигирка, р. – 145, 153–155, 157–159
 Иня, р. – 152
 Иполло – 8.8
 Коборой, р. – 145–147
 когимэ, когимцы – 10.10, 94–96, 145, 148.107
 Конгина, р. – 148–149
 конгиэндьы – 148–149
 Кондо/эн, р. – 148–149
 кондызы – 147–150, 153, 158
 Коркодон, р. – 6.5, 10, 20–21, 42, 45, 47, 51, 53, 73, 77, 92–94, 97–98, 147
 коркодонские юкагиры (хорходонды) – 6.5, 18, 24, 53.49, 92, 93.91, 98, 148
 Коряка (Кэрэкэ), р. – 56, 60, 93
 коряки – 6–14, 16–17, 19, 22–36, 42, 47, 49–53, 56–64, 71–78, 82–84, 87–88, 90,
 92–93, 96–99, 100.93, 102, 104, 108, 146, 148, 149.109, 151, 153, 158
 Криворот (Мотоков) – 7, 71, 79.79, 80.80, 85–87, 89, 104
 кукугиры – 157–159
 Лавдон, р. – см. Сугой
 ламутки (ламатканы) – 145, 154–155, 155.115, 157–159
 ламуты – см. тунгусы
 Лена, р. – 154

- Лихачев Н.М. – 6.5, 7, 18, 24, 26, 26.18, 28, 28.21, 29.22, 31–32, 31.23, 34.29, 37, 61, 62.64, 63, 68.76, 76–78, 84, 88, 93, 97, 100.93, 101–102
- Мамота (Мамотуо, Мамута, Мамонтова, Мамонтово), р. – 7, 11.11, 32, 35.33, 57, 60, 93
- Мамонтово, оз. – 32.26
- Манчары (Слободчиков В.Ф.) – 32, 66, 89
- Мая, р. – 150.110, 151.113, 158
- маяты – 104–105
- мемельские тунгусы – 157
- Мома, р.; момская граница – 50, 147, 159
- Москвитин И. – 150.110
- Мудудтюга – 52, 100.93
- Мургали, р. – 42, 51, 51.47, 82.82
- Накича – 94
- Налучье, р. – 42
- нанайцы (натки) – 156
- Нартицын род – 8, 11–12, 14, 94–95
- Нарчаде – 33, 74
- натты – 154–156
- нганасаны – 105
- Нелемное – 24
- Нелемное старое – 52
- Нерога (Инарога), р., и Нелога, р. – 153–158
- Нёхуння (Ньохунньу, Нохандя), виска и оз. – 56–57, 60, 93
- Новоселов П. – 10.10
- Нунгэнангиль, р. – 57
- Ньаатпэн, р. (Поповка) – 7.6
- Олгья, р. – 35, 42, 57, 150.111
- Олья, р. – 153
- Олюнга, р. – 145–146
- омоки – 10.10, 86–87.88
- Омолой, р. – 152
- Омолон, р. – 10, 11.12, 11–13, 42, 45, 47, 50, 53, 92, 93.91, 94–97, 100.93, 145, 147, 149, 153
- омолонские юагиры – 7, 8, 44, 47, 62, 92–97
- Омулёвка, р. – 7, 24, 35.33, 45, 50, 52, 92, 93
- омулевские юагиры – 52
- Онмун, Унмун, р. (Колыма) – 10.10, 148.107
- онмунды (колымские, верхнеколымские юагиры) – 10.10, 148.107
- Онмун омни – 10.10
- онойди – 154–159
- ононги, ононзи – 10.10

- Пакостник – 6.5, 106.97
 Парень, р. – 10
 Пенжина, р. – 10–13, 12.13
 Пермьяк В. – 12
 Петерги – 51, 82.82
 Петр Бэрбэкин – 58.61
 Поповка, р. – 6.5, 7.6, 30, 35.33, 42, 47, 51–52, 67, 93, 100.93
 поповские юкагиры (ньяатпэндьди) – 52
 Пороча – 145–147, 150, 153–156
 Поруде, р. – 57
 Потапов Д. – 13
 пудэгэльдьи – 148
 Рассоха (Россоха), 11.11, 32.26, 35, 42, 50, 93
 Ружников К. – 10.10
 Рыбников род – 7, 93
 Самсонов Н. – 18, 20–21
 Сеймчан, р. – 146–147
 Сиглан, р. – 13, 152
 Слепцова А.В. – 18, 56, 92–93
 Спиридонов С.К. – 102
 Среднеколымское зимовье – 94
 Стадухин М. – 10.10
 Столбовая, р. – 42, 52–53, 100.93
 Сугой, р. (Сухая, Лавдон, Буксунда) – 146
 Сухая, р. – см. Сугой
 Табушкан (Таушкан, Ушкан) – 8, 8.8, 9, 14, 94–96, 102, 106–107
 Тайшины – 24, 92
 Талбу, р. – 6.5
 Таскан, р. – 146
 Тауй, р. – 147–151, 153, 158–159
 Таушкан – см. Табушкан
 Тобон, р. – 13
 товуданы – 148–150, 153, 158
 тунгусы (тж. ламуты, эвены) – 6.5, 13–16, 20–24, 31, 36.34, 37.35–36, 38, 39.39, 39–40.40, 44, 48, 50, 51.46, 53, 56–58, 61–62, 63.65, 64.70, 66.74, 72–75, 77–89, 97–106, 109.98, 143–159
 Тунма, р. – 153
 Тунманон, р. – 152
 Туостах, р. – 147, 157
 улбиданцы – 148–150, 153, 158
 Улгандона, р. – 150, 153
 Улкондон, р. – 150–151, 153

- улурочи – 148.107
 Ульбея, р. – 148–151, 153, 158–159
 Улья, р. – 153
 Уляган, р. – 153
 Умога, р. – 42
 Унмун, р. – см. Онмун
 Урак, р. – 152–153
 Ушкан – см. Табушкан
 Ушканский род – см. Чолгоро
 уяганы – 158–159
 Халандина,
 жена – 20, 22, 25, 27–29, 35–36, 45, 49–50, 63.66, 64, 64.70, 90–91, 118–119
 дочь – 20–25, 40–41, 53–55, 64–65, 64.68, 64.70, 90–91, 118–119
 две дочери – 39–41, 91
 сын (усыновленный) – 22–24, 91
 дети (мн. ч.) – 50; шестеро детей – 34, 91; семья (жена и дети) – 23, 50, 52,
 53, 56
 родители – 24, 45, 47, 49–50, 92
 братья – 24, 45, 47, 92
 сестра – 45, 47, 92
 происхождение – 44–45, 47, 92–97
 место (места) проживания – 45, 47–50, 92–96
 смерть – 23, 24, 30, 32, 97–98
 Халантин (тж. Алантин, Аланчин), оз. – 32, 32.26, 56, 60, 98
 ходынцы – 20–12, 94, 96–97, 109.98, 147
 Часовишная, р. – 13
 Чекчой – 11.12
 Чендон, р. – 11
 Чендонское зимовье – 11–13, 12.13, 95, 147
 Ченога – 86.88
 Червэнэ, р. – 52
 Чолгоро (Заячий, Ушканский) род, Чолгород-омок, Чолгородие – 8, 8.8, 85.85,
 94–96, 102, 106–107, 148.107
 Чолгородие – см. Чолгоро род
 чорходьы – 148
 чуванцы – 12
 чукчи, чукча-богатырь, чукотские шаманы – 16, 18, 39–42, 39-40.40, 50–56, 61–
 63, 73, 76, 79–83, 151.113
 Чэмпэрэ – 105
 Шадрина А.Е. – 18
 Шайдан, р. – 6.5
 Шалугина А.И. – 29.22

- Шалугин В.Г. – 7–9, 14, 18, 23–24, 29.22, 31.23, 35.33, 42, 44.42, 45–46.44, 46–47, 51.46, 63, 61, 63, 66, 77–78, 80, 84, 88–89, 92–93, 95–97, 100–102, 104.95, 106–108
- Шаманиха, р. – 35, 42, 47, 52
- Шенкодье – 153–156
- шоромба – 157
- Шохин А.С. – 6.5
- Щипунов А – 12, 12.13
- эвены – см. тунгусы
- Эгуйя, гора – 152
- Эдилвэй – 4, 4.4, 45.44, 80, 103.94, 109.98, 155.115
- эрбэткэны – 148.107
- Юнгкэбил – 104–105
- Яблоновый хр. – 43
- Яма, р. – 13, 152–153
- Яна, Янга, р. (бас. Ледовитого океана) – 151, 153–154, 157–159
- Яна, р. (бас. Охотского моря) – 151
- яндинцы – 148.107
- Яндо, р. – 152–153
- янские юагиры – 153
- Янский хр. – 155
- Ясачная, р. – 6.5, 7, 11.11, 24, 32.26, 35.33, 42, 47, 50–52, 93–97, 150.111
- ясачненские юагиры (чахадэндьы, см. тж. Чолгоро род) – 6.5, 52, 73, 148.107

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	3
К датировке исторического ядра преданий о Халандине	6
Тексты	18
I (Н. Самсонов, 1896)	20
II (Неизвестный информант, 1959)	21
III (И.П. Долганов)	24
IV (Н.М. Лихачев, <i>а</i>)	26
V (Н.М. Лихачев, <i>б</i>)	28
VI (Н.М. Лихачев, <i>в</i>)	31
VIa (Н.М. Лихачев, <i>з</i>)	31
VII (Н.М. Лихачев, <i>д</i>)	32
VIII (Д.Г. Дьячков)	37
IX (В.Г. Шалугин, <i>а</i>)	42
X (В.Г. Шалугин, <i>б</i>)	47
XI (А.В. Слепцова)	56
Некоторые содержательные особенности преданий о Халандине	61
(а) Центральный эпизод эпоса о Халандине	61
(б) Богатырские мотивы в эпосе о Халандине	65
(в) Межплеменная борьба в эпосе о Халандине	72
(г) Предание о первых набегах коряков в эпосе о Халандине	76
(д) Мотив обрушивания Халандином жилища на головы противников. Халандин и эвены	77
(е) Распределение сцен обрушивания Халандином жилища в связи с другими мотивами	89
(ж) Другие эпизоды борьбы Халандина с врагами, совершающими набеги на юкагиров	90
(з) Сообщения о родичах, происхождении и местообитании Халандина	91
(и) Омолонское происхождение Халандина в свете исторических и историко-географических данных	94
(к) Смерть Халандина	97
(л) Содержательный состав преданий о Халандине	97
(м) Цикл преданий или варианты предания?	100
(н) К вопросу о внешних параллелях эпоса о Халандине	103

(о) Атыляхан, наставник юкагирских юношей и Халандина, и Атыляхан, сын Табушкана	106
(п) Железо в преданиях о Халандине	108
Приложение 1. Предание о трех нашествиях коряков в двух изложениях Н.М.Лихачева	110
Приложение 2. Центральный эпизод эпоса о Халандине	113
Приложение 3. Карты и историко-географический комментарий	144
Сокращения и литература	160
Индекс	167

Корректор:
А.А. Палласова

Подписано в печать 25.10.2017. Формат 60x90 ¹/₁₆.

Гарнитура Calibri. Печ. л. 10,88.

Тираж 550 экз. Заказ № 8308.

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1 А

Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com